

Ю.А. БОГДАНОВ

Сущность и явление

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН УССР
КИЕВ — 1962

В книге раскрывается содержание мало исследованных в нашей философской литературе категорий сущности и явления. Проводя исследование в плане историческом и логическом, автор раскрывает основные этапы углубления познания в закономерность сущности и явления, процесс формирования отражающих ее категорий. Категории «сущность» и «явление» рассматриваются в книге не только со стороны устойчивости предметов познания, но, главным образом, со стороны их изменчивости, со стороны их непрерывного развития.

Подходя к предметам как к единству изменчивости и устойчивости, автор по-новому истолковывает категории «внешнее» и «внутреннее», дает своеобразную трактовку содержания категорий сущности и явления.

В книге проводится исследование объективной диалектики сущности и явления, показывается, что основные парные категории диалектического материализма выражают определенные противоречивые стороны сущности. Субъективная диалектика сущности и явления рассматривается автором как закономерность движения познания от чувственно-конкретного к абстрактному и от него к логически-конкретному.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов. Она представляет так же интерес для всех, кто занимается углубленным изучением категорий материалистической диалектики.

Ответственный редактор

чл.-корр. АН УССР, доктор философских наук,
профессор Д. Ф. ОСТРЯНИН

Юрий Александрович Богданов

Сущность и явление

*Печатается по постановлению ученого совета
Института философии Академии наук Украинской ССР*

Редактор

В. И. ШИНКАРУК

Художественный редактор В. С. Андриевский

Переплет художника В. К. Стеценко

Технический редактор Н. Е. Розенцвейг Корректор В. А. Зипа

БФ 01746 Зак. № 387 Изд. № 513 Тираж 3150 Формат бумаги 84×108¹/₃₂
Печ. физ. листов 7,25 Условн. печ. листов 11,89 Учетно-изд. листов 12,59
Подписано к печати 22 VI 1962 г. Цена 91 коп.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Репина, 4.

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Ю. А. БОГДАНОВ

СУЩНОСТЬ И ЯВЛЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
УКРАИНСКОЙ ССР

КИЕВ — 1962

ПРЕДИСЛОВИЕ

Применение науки в наше время становится решающим фактором роста производительных сил общества. Без высокого уровня развития математики, физики, химии, биологии, технических, медицинских, сельскохозяйственных и других наук нельзя обеспечить необходимый для коммунистического общества уровень производства. Как сказано в Программе КПСС, выполнение задачи построения коммунистического общества требует широких научных исследований, ибо только дальнейшее мощное развитие науки и техники «позволяет наиболее эффективно использовать богатства и силы природы в интересах народа, открывать новые виды энергии и создавать новые материалы, разрабатывать методы воздействия на климатические условия, овладевать космическим пространством»¹.

Но развивающейся сложными и противоречивыми путями науке необходима прочная методологическая база. Такой базой является материалистическая диалектика. Поэтому, в связи с потребностями развития научных исследований для успешной практики коммунистического строительства в нашей стране, возрастает значение разработки вопросов диалектического материализма — этого могучего орудия научного познания, сильнейшего средства проникновения в сложные явления природы и общественной жизни.

Материалистическая диалектика как методологическая основа конкретных наук о природе и обществе не исчерпывается своими принципами, чертами, методологическими положениями и основными законами — законом

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1961, стр. 125

перехода количественных изменений в качественные и обратно, законом единства и борьбы противоположностей, законом отрицания отрицания. Кроме этих элементов диалектики в ее содержание входят также и не основные законы, выражающие взаимоотношение формы и содержания, основания и следствия, возможности и действительности и др. Обычно в учебниках и программах по диалектическому материализму эти законы называются основными категориями² материалистической диалектики.

Среди категорий, выражающих неосновные законы диалектики, важнейшую роль играют категории «сущность» и «явление». Раскрытие содержания указанных категорий и их роли в процессе познания имеет первостепенное теоретическое и практическое значение, так как задача всякого научного исследования состоит в том, чтобы за доступными непосредственному внешнему восприятию сторонами и связями предметов и процессов действительности обнаружить их недоступную чувствам внутреннюю закономерность, ту основу, которая определяет качественную природу вещей и характер их поступательного развития.

Фактически нет такой области практической или теоретической деятельности, где не использовались бы методологические положения, вытекающие из научного истолкования закономерности сущности и явления. Они играют важную роль в физическом, химическом, биологическом исследовании, в общественных науках. Однако ни одна из конкретных наук не в состоянии всесторонне раскрыть вопрос о закономерности, выражаемой этими категориями, определить их роль в познавательном процессе. Это может сделать только марксистская философия, опирающаяся на диалектико-материалистическое обобщение истории познания и достижений современной науки.

² Таким образом, термин «категории» употребляется в диалектическом материализме в широком и узком значении. Если в широком смысле этим термином обозначают все философские понятия, употребляемые при изложении содержания диалектического материализма, то в узком значении этим термином обозначают философские понятия, связанные с изложением неосновных законов диалектики. В данном случае термин «категории» употребляется в узком смысле слова.

Реакционная буржуазная философия извращает вопрос о сущности и явлении. Представители этой философии либо пытаются истолковать категории сущности и явления в духе идеализма, либо отрицают их методологическое значение для науки.

Только диалектико-материалистический подход к исследованию закономерности, связанной с категориями сущности и явления, позволяет разоблачить несостоятельность идеалистических взглядов на эти категории, дать научное истолкование указанным категориям и тем самым раскрыть одну из практически важных закономерностей бытия и познания.

Специальная разработка теоретического наследства по вопросу о сущности и явлении, которое было оставлено нам классиками марксистской философии, началась в нашей стране сравнительно недавно. Примерно с 1955 года в нашей философской литературе, после того как было обращено внимание на необходимость разработки незаслуженно забытого вопроса о категориях материалистической диалектики, стали появляться работы, специально посвященные категориям сущности и явления. Сюда относятся брошюра П. Гальдяева «Сущность и явление»³⁻⁶, статьи М. И. Заозерова «Явление и сущность»⁷, М. Злотиной «Сутність і явище»⁸, П. Чельшевой «Некоторые вопросы диалектики сущности и явления в «Капитале» Маркса»⁹, Н. Вахтомина «Сущность и явление — категории материалистической диалектики»¹⁰ и др. Ни одного монографического исследования по категориям сущности и явления в нашей литературе пока еще нет.

Названные работы представляют собой первые попытки специального освещения категорий сущности и явления советскими философами. Поэтому вполне естественно, что в них бегло охвачены одни и совсем не охвачены другие вопросы, связанные с этими категориями. Так, в названных работах вопрос о сущности и явлении освещается преимущественно в гносеологическом плане, т. е. в ас-

³⁻⁶ П. Гальдяев, Сущность и явление, М., 1957

⁷ См. сб. «Категории материалистической диалектики», Госполитиздат, 1956

⁸ См. сб. «Категорії матеріалістичної діалектики», Госполитиздат УССР, 1958

⁹ См. «Философские науки», 1960, № 3

¹⁰ См. сб. «Вопросы теории познания и логики», М., 1960

пекте углубления познания от явления к сущности, от сущности первого к сущности второго порядка, и почти не затрагивается проблема об объективном содержании закономерностей, выражаемых в названных категориях, не рассматривается объективная диалектика сущности и явления, которая существует в самом материальном мире независимо от познания и вне его¹¹. В названных работах также не рассматривается вопрос о содержании категорий сущности и явления в плане поступательного развития предметов познания во времени. В настоящей работе делается попытка в какой-то мере восполнить пробел, имеющийся в нашей философской литературе, посвященной категориям сущности и явления.

Предпринимая настоящее исследование, автор счел необходимым начать с изложения истории проблемы потому, что диалектико-материалистическое понимание категорий сущности и явления есть закономерный результат предшествующего развития прогрессивной философской мысли по этому вопросу. Без исследования истории формирования представлений о сущности и явлении в предшествующей философии осталось бы неясным коренное отличие марксистского понимания указанных категорий от того их понимания, которое было в прошлом. В. И. Ленин писал: «...самое важное, чтобы подойти к вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹².

¹¹ Исключение составляет статья Н. Вахтомина, которая упоминалась выше.

¹² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 436.

ГЛАВА I

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА СУЩНОСТЬ И ЯВЛЕНИЕ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Закономерность объективного мира, которая в последующем развитии философского мышления стала известной как закономерность, выражаемая категориями сущности и явления, еще в древности привлекала людей. Материальным условием этого обстоятельства была практическая деятельность.

В тот период, когда человек только начал выделяться из животного мира, он не обладал способностью к абстрактному, теоретическому мышлению. Характеризуя процесс возникновения мышления, Маркс писал: «.. люди никоим образом не начинают с того, что «стоят . в теоретическом отношении *к предметам внешнего мира*». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства)»¹³. Только вследствие систематического повторения производственных операций способности предметов удовлетворять потребности людей постепенно запечатлеваются в их мозге и люди научаются теоретически отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их нужд, от всех предметов. При этом одновременно формируются и способности к абстрактному мышлению. Практическая деятельность миллиарды

¹³ К Маркс, Ф Энгельс, Соч, т 19, стр 377

раз приводила сознание человека к повторению определенных действий, пока они не отложились в логическом строе его мышления и не получили закрепление в языке. Благодаря указанным обстоятельствам мышление стало приобретать относительную самостоятельность, в нем постепенно формировались такие средства отражения действительности, как понятия и категории. Таким образом, прежде чем возникли вопросы, связанные с теоретическим осмысливанием закономерностей действительности, в том числе и той ее закономерности, которая теперь выражается категориями сущности и явления, должна была в определенной степени развиться способность к абстрактному мышлению, должен был накопиться определенный познавательный материал, доставляемый человеку его практическим опытом.

Сначала указанный познавательный материал был нерасчлененной суммой представлений о мире, о тех явлениях и процессах, которые были включены в сферу человеческой практики. В эту сумму представлений входили зачатки последующих отраслей знания. Однако крайне низкий уровень производственной практики, бессилие людей перед стихийными силами природы, с которыми они вынуждены были вести непрерывную борьбу за существование, приводили к возникновению наряду с истинными знаниями о явлениях природы также и фантастических представлений о действительности. С этими фантастическими представлениями связаны первобытные религиозные верования.

Между истинными знаниями, которые постепенно накапливались в результате совершенствования и расширения сферы человеческой практики, и первобытными религиозными представлениями еще в древности наметилось противоречие, которое постепенно переросло в противоположность науки и религии, материализма и идеализма. Но пока указанное противоречие достигло такой степени развития, что из нерасчлененной суммы знания, наряду с другими формами общественного сознания, смогла выделиться религия и философия, элементарные философские представления долгое время оставались смешанными с другими знаниями о действительности, которыми тогда располагало человечество.

Одним из вопросов, с которыми связывались первые элементарные философские представления, был вопрос о

происхождении воспринимаемых предметов действительности, о единстве мира. Но прежде чем подобный вопрос возник в человеческом сознании и стал предметом теоретических усилий, прошли тысячелетия активной практической деятельности по превращению одних предметов в другие. Необходимо было, чтобы из совокупности всех доступных человеку вещей, практика выделила такие, которые могли бы использоваться как основа для производства нужных человеку предметов.

Открытая в практической деятельности способность одних предметов становится при определенных условиях средством для создания других вещей отобразилась в человеческом сознании в виде представлений о единстве происхождения видимых предметов, об их общей первооснове¹⁴. Так, скажем, в древнем Египте, где жизнь общества зависела от орошаемого земледелия, в III—II тысячелетиях до н. э. возникли представления о том, что источником возникновения всех вещей является вода. Используя воду для орошения полей и на практике убеждаясь в том, что без воды ничего не возникает, а, наоборот, умирает, древние египтяне пришли к убеждению, что все существующее берет свое начало в воде. То же самое имело место в древней Вавилонии. Вода для вавилонян, как и в Египте, была средством создания всех материальных благ, необходимых для поддержания жизни, универсальным средством воспроизводства предметов потребления. Поэтому, естественно, что именно вода рассматривалась здесь как основа всех вещей, из которой они якобы происходят.

Таким образом, еще задолго до возникновения философии как формы общественного сознания, задолго до возникновения первых философских понятий люди, благодаря развитию их общественной практики, были подведены ко взглядам о единстве всех предметов действительности, о их взаимной связи. Низкий уровень развития общественной практики не позволил сразу создать правильные представления о том, что обуславливает единство мира. В качестве порождающей основы, из которой возникают предметы действительности, в этот период выступали то вода, то огонь, то земля или дерево, воздух или камень, т. е. те вещества, которые можно

¹⁴ См. В. Дмитриченко, В. Шинкарук, Развитие философской мысли у стародавнего Китая, К., 1958, стр. 6—7.

было использовать для практического превращения их в предметы потребления. Следовательно, чтобы в сознании людей смогли возникнуть первые наивные представления о мире, на базе которых начала осознаваться закономерность действительности, которая впоследствии стала выражаться категориями сущности и явления, необходимо было, чтобы общество достигло известного уровня практического познания окружающего мира. Указанный уровень был достигнут к моменту формирования рабовладельческого общества, когда философия постепенно начинает выделяться из мифологической религии в самостоятельную область знания.

Формирование рабовладельческого общества началось тогда, когда появился так называемый прибавочный продукт. Развитие производства, связанное с изготовлением металлических орудий труда, с отделением земледелия от животноводства и выделением ремесленного производства, с развитием мореплавания и торговли, приводит к значительному накоплению естественнонаучных знаний. Сопутствующее формированию рабовладельческого общества отделение умственного труда от физического способствует систематизации и обобщению указанных знаний, а также зарождению на этой основе первых малорасчлененных областей естествознания, куда входят механика, астрономические, математические и другие знания. Систематизация и обобщение научных сведений, имевшихся в то время, приводит к возникновению первых философских, преимущественно наивно-материалистических представлений. Но для того чтобы успешно обобщить накопившийся к тому времени практический опыт и систематизировать имевшиеся знания, необходима была разработка логического аппарата познания — категорий и логических принципов оперирования ими. В противном случае выполнение указанной задачи оказалось бы невозможным. Поэтому уже первые попытки представителей наивного материализма и стихийной диалектики обобщить представления о том «элементе», или, как тогда еще говорилось, «начале», из которого происходят и в которое превращаются все вещи, связаны с неосознанным стремлением выработать формы познания, в которых можно было бы выразить знания об этом «начале». Указанное стремление наблюдается в философии древнего Китая, где возникают

взгляды о пяти элементах всех вещей — металле, дереве, воде, огне и земле, — которые приводят сторонников такого направления, как «даосизм», к мысли, что порождающей основой, началом всех явлений действительности является «материальная субстанция *ци*, напоминающая воздух или эфир»¹⁵. С этой же тенденцией мы встречаемся в первых философских системах древней Индии — даршанах, где последователи философской школы «чарвака» (локаята) ставят вопрос о первооснове, о начале всех вещей, усматривая ее в некоем *единстве* четырех элементов — земли, воды, света и ветра¹⁶. Такая попытка наблюдается и у представителей древнегреческой философии, развитие которой начинается со стремлений ионийских материалистов выработать представления об общей основе, о *начале* предметов материального мира путем обобщения практического опыта и зачатков естественнонаучных сведений того времени.

Сказанное позволяет сделать вывод, что вопрос об отношении чувственно воспринимаемых предметов действительности к тому «началу», «стихии» или «элементу», из которого они происходят и в которое они превращаются, становится одним из важнейших вопросов первых философских представлений древних Индии, Китая, Греции. При этом, как показывают факты, разработка указанного вопроса у первых материалистов различных народов связана не только с попытками раскрыть закономерности отношений чувственно воспринимаемых предметов к «элементу», из которого они возникают и обнаружением которого являются, но и с попытками выработать основные философские понятия, посредством которых можно было бы выразить и закрепить достигнутые в этой области знания, в том числе и отражаемые категориями сущности и явления.

Как уже отмечалось, объективные связи, отражаемые категориями «сущность» и «явление», привлекали внимание мыслителей разных народов. Их исследование началось философами древнего мира — Китая, Индии, Греции. Но так как предметом настоящей работы является

¹⁵ Ян Юн-го, История древнекитайской идеологии, М, 1957, стр. 6

¹⁶ См. М. Рой, История индийской философии, М, 1958, стр. 165

ся диалектико-материалистическое понимание сущности и явления, формирование которого связано преимущественно с историей европейской философии, мы ограничимся исследованием взглядов на эти категории в европейской философии до возникновения марксизма. Такое ограничение поля исследования оправдывается также и тем, что общие закономерности развития логических основ человеческого познания одинаковы у всех народов. С этим согласны все марксистские исследователи как индийской, так и китайской философии. Так, автор «Истории индийской философии» М Рой считает, что «процесс возникновения и развития философских воззрений в Греции во всех своих основных пунктах аналогичен соответствующему процессу в Индии»¹⁷. Такой же точки зрения относительно китайской философии придерживается автор «Истории древнекитайской идеологии» Ян Юн-го, который пишет, что «основное содержание борьбы между материализмом и идеализмом в философии.. едино для всех стран»¹⁸.

ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ И ЯВЛЕНИЯ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Причиной постановки вопроса о закономерности, отражаемой ныне категориями сущности и явления в античной философии, было, с одной стороны, стремление идеологов прогрессивных сил рабовладельцев противопоставить религиозно-мифологическим идеям, выражавшим интересы родовой аристократии, «понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений»¹⁹. С другой стороны, разработка этого вопроса была связана с потребностью развивавшегося греческого производства в более глубоких знаниях, чем те, которые могла дать мифологическая идеология.

Рост ремесленного производства, сельского хозяйства, мореплавания, военные нужды требовали развития механики, астрономических, математических и других знаний, которые объединялись в одну нерасчлененную

¹⁷ М Рой, История индийской философии, стр 5

¹⁸ Ян Юн-го, История древнекитайской идеологии, стр 420

¹⁹ Ф Энгельс, Диалектика природы, стр 157

науку, называемую философией Материализм получил в ней преимущественное распространение потому, что потребности экономической жизни общества заставляли обобщать производственный опыт и имеющиеся естественнонаучные знания, изучать практически важные закономерности природы, направлять развитие науки в сторону ее содействия росту производительных сил, т. е. по материалистическому пути. Это обстоятельство и классовая борьба, развернувшаяся между родовой и новой промышленно-рабовладельческой аристократией, преломились в идеологии в виде стремления противопоставить религиозно-мифологическому мировоззрению, выражавшему интересы отживающих сил общества, стихийно-материалистическое миропонимание, которое «у греческих философов было первоначально чем-то само собою разумеющимся»²⁰.

Важнейшей составной частью разрабатываемого первыми греческими философами миропонимания была мысль о том, что началом, от которого происходят разнообразные явления действительности, есть не воля богов, как это изображалось религиозно-мифологической идеологией, а нечто материальное, что обуславливает возникновение, развитие и качественную природу отдельных вещей, закономерности их перехода друг в друга. Так, Аристотель в «Метафизике» пишет: «Из тех, кто первые занялись философией, большинство считало началом всех вещей то, из чего состоят все вещи, из чего первого они возникают и во что в конечном счете разрушаются, причем основное существо пребывает, а по свойствам своим меняется,— это они считают элементом и это — началом вещей. И вследствие этого они полагают, что ничто не возникает и не погибает, так как подобная основная природа всегда сохраняется... ибо должно быть некоторое природное естество — или одно, или больше, чем одно, откуда возникает все остальное»²¹. Ф. Энгельс делает из этого отрывка вывод, что здесь «перед нами уже полностью вырисовывается первоначальный стихийный материализм, который на первой стадии своего развития весьма естественно считает само собою разумеющимся единство в бесконечном многообразии явле-

²⁰ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 157

²¹ Аристотель, Метафизика, Соцэкгиз, 1934, стр. 23

ний природы и ищет его в чем-то определенно телесном. »²².

Попытка осознать и выразить в формах познания «начало» всех вещей, раскрыть закономерность соотношения этого «начала» с предметами, возникающими из него, приводит первых греческих мыслителей к исследованиям, которые можно назвать первыми шагами в познании закономерности, отражаемой впоследствии философскими категориями сущности и явления.

Первоначально эти исследования были результатом восприятия мира как единого нерасчлененного целого, и понятия, соответствующие современным категориям сущности и явления, связывались здесь не с внутренней основой отдельных предметов или «родов» бытия, а с основой материального мира как целого.

С другой стороны, выдвигая идею, что «элементом», «началом» всех доступных чувствам предметов действительности является нечто общее, объединяющее предметы и пребывающее во всех них, античные мыслители не могли сразу отрешиться от чувственно воспринимаемой конкретности вещей и, абстрагировавшись от нее, углубиться в те общие закономерности действительности, которые отражаются только категориями. Незрелость категориального строя античного мышления порождала тенденцию отражать общие связи и отношения действительности в формах непосредственного созерцания. Поэтому, пытаясь выразить свое понимание «начала», «элемента» всех чувственно воспринимаемых вещей, античные мыслители пользовались преимущественно не понятиями, а наглядными представлениями²³. Это вполне естественно потому, что указанное «начало» уподоблялось ими некоему чувственно воспринимаемому предмету. Им казалось, что оно есть каким-то первовеществом. В этом легко убедиться, если вспомнить, что Фалес считал «началом» чувственно воспринимаемых вещей воду, Анаксимен — воздух, Гераклит уподоблял его огню и т. д.

Излагая учение первых античных материалистов о «начале», Аристотель применяет такие слова, как «стой-

²² Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 146—147, см также А. Маковельский, *Досократики*, ч. I, Казань, 1914, стр. 18.

²³ См. А. Маковельский, *Досократики*, ч. I, стр. 4.

хейон» и «архе» «Стойхейон» (элемент, стихия) понимается им как первооснова, как общее, как субстрат всех вещей, как крайняя точка, к которой мы приходим, отвлекаясь от различий в воспринимаемых предметах «Архе» понимается им как недоступное чувствам первоначальное состояние, видоизменения которого образуют различные реальные вещи

Развитие философского мышления, направленного на реализацию попыток выразить понимание сущности как начала вещей («архе»), которое сложилось у античных мыслителей, стихийно шло по пути поисков перехода от выражения этой сущности в формах чувственного созерцания к выражению ее в формах мышления. Первый подход к этому наметился уже у Анаксимандра, который первоначально вещей считал неопределенную материю — «апейрон», — затем у пифагорейцев, выдвинувших понятие о числе как об истинном начале сущего.

Достижением пифагорейцев является то, что они стремились выразить сущность вещей, которая понималась ими как число, уже не в форме наглядного представления, а в форме абстрактного понятия, фиксирующего определенное общее чувственно воспринимаемое свойство, принадлежащее всем явлениям, — их количественную сторону.

Отмечая заслуги пифагорейцев, впервые применивших для выражения своего понимания сущности количественные абстракции, Ф. Энгельс подчеркивал, что подобное понимание сущности «сразу устраняет все то, что представление считает сущим или сущностным (истинным) и истребляет чувственную сущность, полагая сущность в логической категории, хотя бы очень ограниченной и односторонней»²⁴. Но пифагорейцы идеалистически преувеличили значение количественной стороны предметов. Тезис о том, что «все есть число», в пифагорейском мировоззрении становится основополагающим и превращается в универсальный метод всех теоретических построений. А «так как поставленная ими задача — выразить в форме математических законов не только всю действительность, но и содержание своих мифологических и теологических верований.. была неразрешимой, то они

²⁴ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 148.

прибегли к произвольной аналогии и игре числами и, таким образом, создали фантастическую числовую символику»²⁵ Не понимая природы числа, пифагорейцы дали ей извращенное истолкование и, исходя из своих ложных взглядов, стали разрабатывать мистические теории о божественном характере чисел. Эти теории использовались ими для борьбы против материалистических взглядов на сущность, разрабатываемых ионийцами. В конечном счете эти теории стали препятствовать общественному прогрессу и развитию научного знания

Продолжая материалистические традиции милетцев, Гераклит выступал против идеализма пифагорейцев в понимании сущности. В качестве основы возникновения чувственно воспринимаемых предметов у него выступает огонь. Как отмечал еще Гегель, Гераклит впервые подошел к рассмотрению сущности природы «как процесса»²⁶. Для наглядного выражения своего понимания «элемента» Гераклит использует представление об огне, который не только наиболее подвижен, но наиболее полно олицетворяет собой превращение предметов, так как большинство из них существенно изменяется, попадая в огонь

Ряд фрагментов Гераклита свидетельствует о том, что он исходил из единства и борьбы противоположностей при объяснении механизма возникновения видимых предметов из их первоосновы. «Одно и то же в нас — живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое. Ведь это, изменившись, есть то, и, обратно, то, изменившись, есть это»²⁷. Указанную мысль, главную для его понимания процессов становления, Гераклит выражает неоднократно: «Бессмертные — смертны, смертные — бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают»²⁸. Высказывая эти мысли, Гераклит, по словам Маркса, желает «пояснить превращение вещей в их собственную противоположность...»²⁹ в процессе развития.

Если Гераклит сосредоточил все свое внимание на

²⁵ А. Маковельский, Досократики, ч. I, стр. 64

²⁶ См. об этом В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 260

²⁷ Сб. «Материалисты древней Греции», Госполитиздат, 1955, стр. 49

²⁸ Там же, стр. 46

²⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 300

распадении основы вещей на взаимно превращающиеся противоположности, на борьбе этих противоположностей в процессе развития из элемента конечных предметов и оставил без внимания вопрос о качественной неизменности, об устойчивости «элемента», то его противники — элеаты сосредоточивают свое внимание на этой стороне дела. Они разрабатывают вопрос о «стихии», порождающей вещи со стороны ее качественной изменности.

Идея о качественной неизменности «элемента», из которого происходят видимые вещи, была не новой. Она органически входила в представления «элемента», «архе», которые были высказаны уж ионийцами. Когда, скажем, Аристотель описывает понимание начала у милетских философов, он отмечает наряду с другими его свойствами то, что элемент есть «некоторое природное естество — или одно, или больше чем одно, откуда возникает все остальное, причем само это естество остается в сохранности»³⁰. Он пишет, что «основное существо пребывает, а по свойствам своим меняется», что некоторые «полагают, что ничто не возникает и не погибает, так как подобная основная природа всегда сохраняется»³¹. Таким образом, в понятиях «архе» и «стойхейон» заключались противоположные свойства устойчивости и изменчивости. Если последнее особо подчеркнул Гераклит, то первое — элеаты. При этом они настолько преувеличили указанную особенность основы видимых предметов, что стали отрицать ее движение вообще.

Истинным первоначалом всего сущего элеаты считали неподвижное «бытие», а доступные чувствам предметы рассматривали как «небытие» — пустую видимость. Они отрицали противоположности и движение, пороча «пустоголовое племя, у которого бытие и небытие признаются тождественными и нетождественными и для которого во всем имеется обратный путь»³². Отрицая единство бытия и небытия, они утверждали, что «только бытие есть, а небытия нет, ибо небытия невозможно ни познать (ведь оно непостижимо) ни вы-

³⁰ Аристотель, *Метафизика*, стр. 23

³¹ Там же

³² Симплиций, *Phys.*, 117, 2. Цит. по книге «Античная философия (фрагменты и свидетельства)», М., 1940, стр. 48—49

сказать»³³. Только бытие постигаемо, ибо оно тождественно мышлению. «Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует. Ибо ведь без бытия, в котором ее выражение, мысли тебе не найти»³⁴, — говорили они. Положение элеатов об отсутствии небытия (пустоты) было основополагающим в их теории о неподвижном бытии как основе. Опираясь на отрицание небытия, они отрицали движение и развитие. Дело здесь в том, что тогда движение, а следовательно, и развитие, понималось как результат способности тел замещать место друг друга в пустоте. Поскольку небытия нет, полагали элеаты, постольку нет и пустоты. А коль таковой нет, значит отсутствует и движение.

Мнение, что воспринимаемые предметы — это лишь пустая видимость, было основано у элеатов на том, что чувства обманчивы и только разум дает постижение истинного. Они говорили. «Взирай без колебаний умственными очами на то, чего нет перед ними, как на то, что есть»³⁵. При этом всячески порочили чувственность. «Ты не вступай на тот путь, он мысли твоей бесполезен. Пусть не принудит тебя накопленный опыт привычки зрение свое утруждать, язык и нечуткие уши. Разумом ты разрешишь труднейшую эту задачу»³⁶.

Отрицание движения; с одной стороны, и истинности чувственного познания, с другой, обусловило возможность отрицания самих чувственно воспринимаемых предметов, т. е. явлений. Философская мысль, пытавшаяся выработать формы познания для отражения общего в единичном, сосредоточилась у элеатов на одной только логической, абстрактной стороне вопроса и принижала чувственность за ее неспособность, в противоположность видимости, быть средством отражения «истинного бытия». Это обстоятельство стало у элеатов гносеологической основой абсолютного противопоставления многообразным изменчивым, чувственно воспринимаемым явлениям внешнего мира единого, неизменного и непрерывного «бытия», которое, якобы, устраняет

³³ Симплиций, *Phys*, 116, 25. Цит. по кн. «Античная философия (фрагменты и свидетельства)», стр. 48.

³⁴ Там же, 144, 29.

³⁵ Климент, *Stromata*, V, 15. Цит. по кн. «Античная философия», стр. 49.

³⁶ Секст., VII, 111 ff. Цит. по кн. «Античная философия», стр. 47.

иллюзию чувственно воспринимаемых явлений, как истинная, доступная только мышлению и совпадающая с ним, сущность.

Но в противопоставлении мира, доступного чувствам, и мира, доступного разуму, как истинного и кажущегося миров, видна неосознанная попытка понять, как связаны друг с другом общее и отдельное в действительности, какую роль играют чувства и разум в их познании и как они соотносятся друг с другом

Из сказанного видно, что в борьбе взглядов по вопросу о закономерности, выражаемой в категориях сущности и явления, у первых представителей греческой философии начало формироваться знание, что сущность— это нечто общее, недоступное чувствам, внутреннее, устойчивое в качественном отношении, являющееся тождественным в видимых предметах У них начали формироваться первые представления о явлении как об отдельном, воспринимаемом чувствами, изменчивом предмете действительности. При этом, каждая из рассмотренных философских школ сосредоточивалась на какой-либо характерной особенности закономерности, выражаемой категорией сущности, отождествляя эту особенность с самой сущностью В общем потоке развития философских взглядов эти характерные особенности сущности осваивались последующими мыслителями и часто становились исходным моментом ее последующего исследования Наряду с постепенным раскрытием содержания закономерности, отражаемой категориями сущности и явления, происходила также выработка форм познания, служивших средством выражения достигнутых знаний в этом вопросе Сюда относятся такие понятия, как «архе» и «стойхейон», «вода» и «огонь», «апейрон», «число», «бытие по-истине», «бытие по-видимости» и др

Если абстрагироваться от многочисленных заблуждений во взглядах на сущность, которые были выработаны в то время, то можно отметить, что милетцы положили начало различению общего, внутреннего от отдельного, внешнего и указали на единство, которое имеется между ними. Гераклит и элеаты подчеркнули, с одной стороны, подвижность сущности в результате распада ее на противоположности и, с другой стороны,— присущие ей (сущности) единство и неизменную

качественную природу Пифагорейцами и элеатами был сделан также шаг вперед к отражению закономерности, выражаемой понятием «сущность» при посредстве элементарной абстракции (число, бытие). Помимо этого, элеаты показали, что эта закономерность недоступна непосредственному восприятию, что она отображается только разумом

Для понимания последующего развития представлений о сущности необходимо учесть, что, исходя из взглядов на сущность, как на некое единое, непрерывное и общее начало всех видимых предметов, невозможно было в то время объяснить процесс образования отдельных видимых вещей. На самом деле, если «элемент» един и непрерывен, то как из него образуется многообразие воспринимаемых вещей? Исходя из представлений, скажем, о едином, неподвижном и непрерывном бытии элеатов или же о воде Фалеса, ответить на этот вопрос было невозможно. Поэтому последующие философы вынуждены были отказаться от представлений об «элементе» как о чем-то непрерывном и едином и предположить, что он прерывен, что «стихийей», которая проявляется в видимых вещах, должны быть какие-то однородные множества

Признание прерывной природы «архе» давало возможность разработать наглядную модель для выражения тождества между общим и отдельным, единым и многим, т. е. позволяло в форме наглядных представлений осветить вопрос о единстве сущности и явления, о процессе развертывания из «архе» видимых предметов

Эволюция указанных взглядов начинается созданием учения о «корнях вещей» и о «гомейомериях». Достигает же она своего завершения в атомистических теориях древности. Когда Эмпедокл и Анаксагор пытались вывести многообразие видимых предметов из сочетания «корней всех вещей» и «гомейомерий», то тем самым они подготовили почву атомистическим теориям, возникновение которых кладет конец первым представлениям о сущности как первовеществе, как едином, непрерывном «элементе», из которого разворачиваются все видимые предметы

Согласно атомистическим представлениям, реальной основой, из которой развиваются предметы, есть атомы и пустота. Поэтому атомисты рассматривают все доступ-

ные восприятию вещи как сочетания атомов в пустоте. При этом чрезвычайно интересно отметить, что каждому отдельному атому приписываются все ранее открытые признаки первоосновы как сущности вещей: он неизменен, непрерывен, однороден. Наделяя атомы способностью двигаться, атомисты сделали шаг вперед в теоретической разработке вопроса об изменчивости видимых предметов, чего не могли сделать, исходя из своих представлений о сущности, их предшественники

Благодаря разработанным ими представлениям атомисты смогли более или менее убедительно, для уровня знаний того времени, изобразить, как из единого, общего, устойчивого в качественном отношении, однородного и невидимого «элемента» (атомов) образуются отдельные и изменчивые видимые предметы.

Кроме рассмотрения вопроса о «механизме» развертывания из единой невидимой первоосновы видимых предметов действительности, атомисты пытаются также провести различие между чувственным познанием и абстрактным мышлением, установить роль первого и второго в познании закономерности, связанной с категориями сущности и явления. Различая «истинное» и «темное» познание, Демокрит считал, что «когда темный [род познания] уже более не в состоянии ни видеть слишком малое, ни слышать, ни обонять, ни воспринимать вкусом, ни осязать, но исследование [должно проникнуть] до более тонкого [недоступного уже чувственному восприятию], <тогда на сцену выступает истинный [род познания], так как он в мышлении обладает более тонким познавательным органом>³⁷ Таким образом, здесь выражена мысль, что чувства отражают внешнюю, являющуюся сторону действительности, тогда как разум отражает ее невидимую, внутреннюю сторону.

Начиная с Демокрита вплоть до эпохи эллинизма атомисты более или менее убедительно, в соответствии со знаниями того времени, истолковывали вопрос о происхождении из «элемента», т. е. из атомов и пустоты, тех видимых предметов, которые из них развиваются и в которых они обнаруживаются. Однако представители этой школы оказались не в состоянии разобраться в тонкостях процесса отражения указанной объективной зако-

³⁷ См «Материалисты древней Греции», стр 84—85

номерности познанием. Ведь известно, что рассматриваемая закономерность отображается в понятиях абстрактного мышления. Поэтому задача философии состояла также в том, чтобы дать правильное истолкование процессу отображения закономерности, связанной с категориями сущности и явления, в сознании.

Стихийная попытка исследовать процесс отражения сущности явлений действительности в форме понятий была предпринята убежденным противником материализма — Сократом. Он угадал некоторые закономерности образования понятий, в частности то, что понятие схватывает общее, повторяющееся в разнообразных единичных явлениях и не преминул использовать разработанные на этой базе взгляды против материалистических идей.

Не отделяя общего как материального объекта, отражаемого понятием, от самого понятия, Сократ отождествил общее в действительности с понятиями и полагал, что они имеют идеальную божественную природу.

Опираясь главным образом на разработанное Сократом учение о понятии и используя при этом идеи элеатов о едином и неподвижном бытии, а также взгляды пифагорейцев на числа как сущности вещей, Платон развернул систему объективного идеализма, в которой до неузнаваемости были извращены ранее выработанные представления о закономерности, отражаемой категориями сущности и явления.

Не понимая действительной природы понятий как отражения общего в видимых единичных предметах, Платон отрывает общее от этих предметов, а его субъективную форму — от человеческого сознания. В результате такого отрыва сущности предметов становятся у него бестелесными, нечувственными формами, постигаемыми только умом. Эти бестелесные формы Платон называет «видами» и значительно реже «идеями». По мнению Платона, «виды» или «идеи» представляют собой «истинное бытие», по образцу которого строится видимый мир. Находятся «виды» («идеи») в образуемом ими потустороннем мире, недоступном для чувств.

Рассматривая чувственно воспринимаемые предметы как нечто неистинное, производное от потусторонних идеальных сущностей, которые представляют собой единственно истинную реальность, Платон отрывал сущно-

сти («идеи», «виды») от единичных предметов и персонифицировал их. В этом отрыве общего от единичного и его персонификации наблюдается выражение характерной особенности античного мышления, которая состоит в том, что для закрепления абстракций это мышление всегда стремилось превратить ее в нечто объективно существующее. В этой тенденции проявлялись гносеологические корни идеализма. В И Ленин писал, что сущность первобытного идеализма состоит в том, что он превращал общее (понятие, идею) в отдельное существо «Это кажется диким, чудовищно (вернее. ребячески) нелепым. Но раздвоение познания человека и *возможность идеализма (= религии) даны уже в первой, элементарной абстракции*»³⁸

Платон в видимых предметах действительности подменил общее, которое лишь отражается в «идеях», самими этими «идеями». Кроме того, он обособил это идеальное-общее от единичных предметов. Обособив «идеи» от предметов и от сознания человека, он утверждал, что идеальные «виды» образуют недоступное чувствам «истинное бытие» — потусторонний мир. Вместе с тем он считал отдельные видимые вещи производными от идеальных «видов», так как, согласно его взглядам, «виды» в определенной мере «участвуют» в вещах. Это предполагало известное соотношение между общим и отдельным. Следовательно, утверждая, что «идеи» участвуют в видимых предметах, он склонялся к мысли о их присутствии в посюстороннем мире, что противоречило его предшествующему утверждению.

Задача философии состояла в разоблачении этого противоречия, в устранении разрыва между сущностью и явлением. Важность этой задачи глубоко осознал Аристотель — ученик Платона, который подверг взгляды своего учителя на соотношение идеальных сущностей и видимых предметов уничтожающей критике. Собственно говоря, учение Аристотеля сложилось в результате критики учения Платона об «идеях».

В качестве главного возражения против платоновского учения об «идеях» («видах») как обособленных от видимых предметов сущностях Аристотель выдвинул тезис: «невозможно, чтобы врозь находились сущность и

³⁸ В И Ленин, Соч., т. 38, стр. 370

то, чего она есть сущность, как могут идеи, будучи сущностями вещей, существовать отдельно от них»³⁹. Но, пытаясь преодолеть платоновское учение об идеальных сущностях, Аристотель сохраняет его рациональную сторону. Сюда относится мысль, что «виды» — это общее в самих единичных предметах, выражаемое в логической форме.

Следовательно, после того как «виды», составлявшие у Платона идеальные сущности, обособленные от чувственно воспринимаемых предметов, были низведены им с высот потустороннего бестелесного мира и приведены в единство с предметами материальной действительности, перед Аристотелем встает вопрос, как соотносится общее, выражаемое в логической форме, с отдельным, воспринимаемым чувствами в бытии и познании. Поэтому он старается отделить то, что связано с логической формой знания, от того, что связано с формами чувственного познания, и исследовать их соотношение.

Насколько трудным указанный вопрос был для Аристотеля, видно из его «Метафизики», где, как пишет В. И. Ленин, у него наблюдается «наивная запутанность, беспомощно-жалкая запутанность в диалектике общего и отдельного — понятия и чувственно воспринимаемой реальности отдельного предмета, вещи, явления»⁴⁰. «Путается человек, — пишет В. И. Ленин, — именно в диалектике общего и отдельного, понятия и ощущения, сущности и явления»⁴¹.

Запутавшись в диалектике общего и отдельного в объективной действительности, а также форм чувственного отражения и мышления в познании, Аристотель к тому же еще и не сумел отделить объективной диалектики от субъективной. В. И. Ленин по этому поводу писал, что «у Аристотеля *езде* объективная логика *смешивается* с субъективной и так при том, что *езде* *видна* объективная»⁴². Это обстоятельство часто приводило его к тому, что ступени развития познания он отождествлял со ступенями развития бытия.

Так, предпринимая попытку исследовать отношение общего, отражаемого в логической форме, которое было

³⁹ Аристотель, Метафизика, стр. 225

⁴⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 366

⁴¹ Там же, стр. 367

⁴² Там же, стр. 366

приведено им в единство с чувственно воспринимаемым единичным, Аристотель руководствуется разработанным еще софистами соображением, что истинное познание может быть достигнуто только путем выведения частного из общего, т. е. дедуктивным путем. Поэтому ему кажется, что всякий отдельный видимый предмет должен быть объяснен исходя из общей идеи или формы, заключенной в нем. Отсюда аристотелевское понимание сущности, как единства материи и формы. «Как относится медь к статуе, дерево к ложу или материя и неоформленное вещество до принятия формы ко всему обладающему формой, так и лежащая в основе природа относится к сущности⁴³, определенному и существующему предмету. Итак, одним началом является этот субстрат. другим началом, — то, чему соответствует понятие (форма)»⁴⁴, — пишет Аристотель.

Таким образом, если Платон считал мир единичных предметов результатом мистического смешения «видов» или «идей» с «небытием», которое, по его мнению, представляла материя, то Аристотель, руководствуясь практическим опытом о том, что материя существует как объективная реальность и что в видимых вещах она всегда оформлена, рассматривает отдельные чувственно воспринимаемые предметы как единство материи и формы. От платонизма здесь остается только мнение, что материя есть пассивная возможность бытия видимых предметов, а форма — активный, организующий фактор, который, соединившись с материей, дает им действительность. Таким образом, каждый чувственно воспринимаемый предмет истолковывается Аристотелем, исходя из заключенной в нем общей закономерности, называемой формой, которая отражается разумом в виде понятия. То, что Аристотель понимал под «формой» также «идею», «понятие», отметил В. И. Ленин, выписав следующие места из его «Метафизики»: «всеобщее само по себе не существует в виде единичной субстанции, а лишь в качестве целого, составленного из определенного понятия и определенной материи»⁴⁵. От-

⁴³ Следует иметь в виду, что термин «сущность» у Аристотеля часто употребляется для обозначения отдельно организованного предмета.

⁴⁴ Аристотель, Физика, Соцэкгиз, 1936, стр. 19.

⁴⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 365.

сюда видно, что у Аристотеля сущность, в отличие от видимых предметов, не имеет какой-то особой реальности, ибо, по его взглядам, она заключена в них самих в виде определенной формы организации известной материи, доступной чувственному восприятию. Правда, в видимых предметах содержится не только то, что характерно для формы (понятия). В них можно найти и нечто чуждое форме и существующее в предметах по вине материи. Мы бы отнесли его к явлению. Аристотель не сделал этого. Указанное обстоятельство может показаться чрезвычайно странным: уделив так много внимания разработке понятия сущности, мыслитель совсем не касается вопроса о понимании отдельного предмета, когда последний рассматривается не со стороны формы, а со стороны материи. Но здесь необходимо учесть, что не все обособленное от других предметов он называл сущностью. Так назывались им только организованные предметы и живые существа. Поэтому, следуя его учению, можно предположить, что о сущности у него идет речь, когда причиной бытия предмета является его самобытная внутренняя организация, познание которой связано с логическим определением, куда не укладываются случайные чувственно воспринимаемые моменты предметов, отражаемые понятием «явление». Основатель дедуктивной логики принимает во внимание прежде всего то в предметах, что может быть отнесено к логической форме.

Помимо сущности, понимаемой как неразрывное единство материи и формы (понятия) в отдельном предмете, Аристотель говорит также и о вторичных сущностях. Он писал, что «вторичными сущностями называют те, в которых, как видах, заключаются сущности, называемые так в первую очередь»⁴⁶. Кроме видов, он относит к вторым сущностям также и «обнимающие их роды»⁴⁷. Однако такое разделение имеется только в его трактате «Категории». В «Метафизике» подобного разделения нет. Из пояснений, которые дает Аристотель по поводу соотношения первой и второй сущности⁴⁸, видно, что сущность единичного предмета он считал тем связующим звеном, которое соединяет ее с видом и ро-

⁴⁶ Аристотель, Категории, V, 2, Соцэкгиз, 1939, стр. 7

⁴⁷ Там же

⁴⁸ См. Аристотель, Метафизика, стр. 98.

дом. По его мнению родовые понятия могут охватывать отдельные предметы потому, что в них они находят родственную им внутреннюю форму организации, которая обуславливает бытие данных предметов. Таким образом, сущность — это не только отдельный логически определяемый предмет, доступный восприятию, но и род, который в такой же мере есть сущность отдельной вещи, как и его логически определяемое бытие. По-видимому, это обстоятельство позволило Аристотелю не проводить различия между первой и второй сущностями в «Метафизике», так как и первая и вторая относятся к логической форме.

Рассматривая вопрос о познании сущности бытия предметов, Аристотель считал, что отражение общего в нем осуществляется потому, что всеобщность, охватываемая понятием, имеется в самом бытии предмета. Но, будучи не в состоянии уяснить, как человек, актуально воспринимая чувствами только единичное, поднимается к отражению общего, Аристотель отклоняется от провозглашенной им вначале мысли о неразрывности материи и формы. Вопреки своему исходному пониманию первой сущности, дальше он утверждает, что «немыслимо уму быть связанным с телом»⁴⁹, что общее находится не в отдельных предметах, а в душе, которая, по его мнению, «есть место нахождения форм (идей)»⁵⁰.

Таким образом, не сумев разобраться в переходе от чувственно воспринимаемого бытия предмета к его логическому выражению в уме, Аристотель наталкивается на трудности, которые не может правильно разрешить, и приходит к отрыву формы от материи. Если сначала Аристотель рассматривал общее, соответствующее форме, как неразрывно связанное с бытием отдельного предмета, то затем это общее отделяется от бытия предмета и абсолютно противопоставляется ему «Так как, всеобщее не может быть воспринято ощущением, то, очевидно, что нельзя приобрести знания с помощью ощущения,— пишет Аристотель — Восприятие по необходимости постигает единичное, между тем как наука заключается в знании всеобщего»⁵¹. Так как объектом научного познания является всеобщее, т. е. «бестелес-

⁴⁹ Аристотель, О душе, М., 1937, стр. 94

⁵⁰ Там же

⁵¹ Аристотель, Аналитики, Госполитиздат, 1952, стр. 242

ная форма», и так как «мыслящее и мыслимое — то же самое»⁵², то указанная форма кажется ему существующей объективно, независимо от материи. Так, Аристотель приходит к фактическому отрыву формы от материи.

Признавая, что единичный материальный предмет содержит в себе свою форму как общее в нем, Аристотель является материалистом. Но, с другой стороны, утверждая, что отдельные предметы возникают благодаря активности формы (понятия, выражающего высший род), которая кажется ему бестелесной идеальной силой, являющейся источником движения, Аристотель выступает как идеалист.

Связывая движение лишь с бестелесной формой, с нематериальной «вечной и неподвижной сущностью» и рассматривая материю как пассивный материал, служащий для осуществления творческой активности этой сущности, Аристотель проявил неспособность преодолеть платоновский разрыв между умопостигаемой сущностью и чувственно воспринимаемым миром вещей.

Но тем не менее несомненной заслугой Аристотеля является то, что он первый дал систематическую разработку категории «сущность», поставив ее в центр своего учения о бытии и познании. Эта заслуга еще увеличивается в связи с выдвинутой им гениальной идеей, которая была понята почти две тысячи лет спустя Гегелем, о том, что содержание сущности раскрывается другими категориальными определениями.

Впервые сформулировав понятие категорий как основных родов бытия и как наиболее общих логических понятий, связанных с родами бытия, Аристотель выдвинул плодотворную мысль, что сущность есть реальная основа названных им категорий, ибо все они «или называются о первичных сущностях как о подлежащих или же находятся в них как подлежащих»⁵³ и «ни одна из прочих категорий не существует в отдельности»⁵⁴. Сущность же, полагал Аристотель, — «то, что не называется о субстрате, но о чем называется все остальное»⁵⁵.

⁵² Аристотель, О душе, стр. 96

⁵³ Аристотель, Категории, стр. 7—8

⁵⁴ Аристотель, Физика, стр. 7

⁵⁵ Аристотель, Метафизика, стр. 115.

По мнению Аристотеля, остальные категории вскрывают или «состояния сущности», или «промежуточные ступени к ней», когда речь идет о возникновении и росте вещей, или «порождение сущности», или «уничтожение и отсутствие ее», или «отрицание каких-либо подобных свойств сущности или ее самой»⁵⁶.

Таким образом, категории впервые были изложены Аристотелем в виде связной системы, в центре которой находилась категория сущности. Правда, это изложение не во всем удачно. Так, для выражения диалектики сущности, Аристотель употреблял «возможность» и «действительность», которые им не зачислялись в ряд категорий. Но тем не менее его догадка, что сущность раскрывается в других категориях, которые выражают отдельные ее стороны и состояния, — гениальна.

Разрабатывая вопрос о сущности бытия предметов и ее познания, Аристотель не смог подняться до правильного понимания отношения между общим и отдельным в предметах действительности и познании. В обособлении чувственно воспринимаемой и умопостигаемой реальности, в разрыве между материей и формой у Аристотеля наблюдается платоновская тенденция разделения и противопоставления друг другу чувственного и умопостигаемого миров.

Пытаясь устранить разрыв между материальным и умопостигаемым мирами, последующие философы приложили немало усилий для того, чтобы разработать представления о связи сущности и явления. Но им пришлось согласовывать свои взгляды с кругом идей, сложившихся в результате распространения скептицизма, а также религиозных верований, возникших вследствие становления монотеистической религии — христианства.

После Аристотеля наступил период экономического и политического упадка Греции, который способствовал возникновению и распространению скептицизма. В аналогичных условиях разложения рабовладельческого общества скептицизм возродился в Риме (I в. до н. э. — II в. н. э.). Идеи, от которых началось развитие этого направления, были выдвинуты еще раньше в связи с исследованием закономерности сущности и явления элеатами, отрицавшими роль чувственного опыта и пости-

⁵⁶ Аристотель, *Метафизика*, стр. 59

гаемых в нем предметов, софистами, твердившими об относительности истины, Платоном, провозгласившим идею о призрачности чувственно воспринимаемого мира и т. д. Но только в период упадка, когда распространился пессимизм и неверие в возможность предотвращения надвигающейся гибели рабовладельческого общества, сложилась благоприятная почва для разработки и популяризации скептических взглядов.

Несмотря на нигилистические выводы относительно познания сущности явлений действительности, к которым приходили скептики, их заслуга состояла в том, что представители этого направления провели разграничение между объектом чувственного восприятия и объектом мышления, введя специальные термины «Объекты чувственного восприятия называются ими феноменом, тогда как объект мышления — ноуменом»⁵⁷. При этом античные скептики были далеки от употребления этих понятий в том специфическом значении, которое они приобрели в новой философии благодаря Канту. Под феноменом, т. е. явлением, скептики понимали как видимую сторону отдельного предмета, так и представление об этом предмете, полученное на основе его чувственного восприятия. Указывая, например, что скептики «противопоставляют каким только возможно способом явление (файноменон) мыслимому (ноуменон) — а именно то явление — явлению же, то мыслимое — мыслимому, то противопоставляют их попеременно»⁵⁸, Секст Эмпирик понимает под «явлением» и видимый предмет, противопоставляемый чувственному восприятию, и само это чувственное восприятие. Об этом пишет сам Секст «Явлением же мы называем «ощущаемое»⁵⁹. «Мы не отбрасываем того, что мы испытываем вследствие представления и что невольно ведет нас к его признанию. Но это и есть явление. Также когда мы сомневаемся, таков ли подлежащий предмет, каковым он является, мы этим допускаем, что он является»⁶⁰.

Под мыслимым (ноуменон) скептиками понимается как общее в предметах, отражаемое понятиями, так и са-

⁵⁷ Р. Рихтер, Скептицизм в философии, СПб, 1910, стр. 88.

⁵⁸ Секст Эмпирик, Три книги Пирроновых положений, СПб, 1913, стр. 19.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, стр. 22.

ми понятия. Поэтому скептики противопоставляли друг другу отдельное — общему в предметах, отдельное — наглядному представлению; отдельное — понятию; общее — представлению, представление — понятию.

Исследуя указанные противоположности, скептики сформулировали 15 тропов, направленных против достоверности чувственного и умственного познания действительности. Они были убеждены, что человек не может собственными силами добиться успешного познания явлений (файноменон) и сущности (ноуменон) действительности.

Разрушительная аргументация скептицизма, казавшаяся тем более убедительной, что философская мысль того времени еще была не в состоянии разрешить важнейших вопросов бытия и познания, способствовала распространению неверия в могущество разума человека, и в среде философов начинает распространяться тяготеение к мессианским идеям, которые распространились на той же социально-экономической почве, что и скептицизм.

Идеи мессианства были выражением беспомощности людей перед стихийными силами природы и истории в связи с закатом рабовладельческого способа производства. Распространение религиозных представлений о потустороннем мире, подкрепляемых наличием мистических моментов в философских системах, проистекавших также из неумения теоретического мышления того времени раскрыть закономерность сущности и явления в бытии и познании, стало основой стремлений к объяснению единства чувственного и умопостигаемого миров действием сверхъестественных, божественных сил.

Таким образом, взгляды на сущность и явление, разработанные в период упадка античности, тесно переплетаются с распространившимися тогда религиозными представлениями и становятся идейной основой для логического оформления христианской догматики, почти две тысячи лет безраздельно господствовавшей во всей идейной жизни Европы.

Однако, несмотря на то, что гносеологические трудности, непреодоленные античными материалистами, были использованы идеологами реакционных сил для развития и распространения идеалистического и религиозного мировоззрения, не следует упускать из виду, что во

взглядах, разработанных античными философами, и особенно материалистами, на закономерность сущности и явления содержится плодотворная попытка уяснить связь между внешней и внутренней сторонами действительности, раскрыть закономерности их познания и выработать категории для выражения достигнутого знания по этому вопросу.

ВЗГЛЯДЫ НА СУЩНОСТЬ И ЯВЛЕНИЕ В «НОМИНАЛИЗМЕ» И «РЕАЛИЗМЕ»

В период возникновения и развития феодализма философия уже всецело была подчинена религии, и любой философский вопрос мог разрабатываться лишь в том случае, если он связывался с какой-либо из религиозных проблем. Это объясняется тем, что господствующий класс феодального общества передал право на интеллектуальное образование в руки церкви, которая «давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах»⁶¹. Так как духовенство было самым образованным классом, то «само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»⁶². В связи с этим вопрос о сущности, которая со времен неоплатонизма стала рассматриваться как противоположная и чуждая материи идеальная сила, вопрос о связи сущности с отдельными ее проявлениями скрывались за религиозной оболочкой.

Представители церковного вероучения придерживались объективного идеализма, состоявшего из обрывков смешанных между собой систем Платона, неоплатоников, Аристотеля и т. д., приспособляемых к обоснованию христианства. Материализм был предан забвению потому, что церковь отбирала из античного философского наследия лишь то, что оказывалось пригодным для религии. Но тем не менее материалистические тенденции получили здесь развитие в виде «номинализма», борющегося против понимания сущности как идеальной

⁶¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 495

⁶² Там же

и противоположной материальным предметам силы. Таким образом, борьба мнений по вопросу о сущности и явлении в скрытом виде продолжалась и в период безраздельного господства идеализма. Поэтому было бы неправильно отбрасывать все идейное содержание средневековой философии. Как писал Энгельс, здесь должна идти речь о «вышелушивании результатов, добытых в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической формы»⁶³. По вопросу о закономерности сущности и явления результат этот таков, что были преодолены взгляды на сущность как на идеальное божественное первоначало явлений, и она, в конечном итоге, стала рассматриваться как понятие, долженствующее выражать внутреннее общее отдельных материальных предметов. Это значит, что идеалистическая точка зрения, к которой возвратилась философия, начавшая свое развитие от ионийского материализма, здесь постепенно преодолевается изнутри, что под прикрытием религиозно-идеалистической оболочки прорастает материалистический взгляд на закономерность сущности и явления, который всплывает на поверхность в виде учения Бэкона и других материалистов нового времени.

Господствующей философией эпохи феодализма была схоластика. Внутри схоластики и сформировались противоположные направления — «реализм», коренившийся в представлениях неоплатонизма и идеалистическом учении Аристотеля о сущности как бестелесной форме, и «номинализм», возникший под влиянием учения Аристотеля о том, что сущность есть основа всех предикативных определений. По вопросу об истолковании сущности предмета между «реалистами» и «номиналистами» шла ожесточенная борьба на протяжении всего развития средневековой философской мысли.

Поводом для возникновения этой борьбы было известное «Введение» к трактату Аристотеля «О категориях», написанное неоплатоником Порфирием, где последний поставил вопрос, как существуют общие родовые и видовые понятия (у Аристотеля они назывались сущностями) — объективно или субъективно, материальны ли они или идеальны, связаны они с отдельными мате-

⁶³ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 157

риальными предметами или же имеют независимое от них бытие?

Отвечая на поставленный вопрос, крайние «реалисты» утверждали, что сущность — это некое идеально-общее единство, универсалия, благодаря которой существует чувственно воспринимаемое, отдельное. Указанное отдельное рассматривалось ими как нечто кажущееся, возникающее в результате обмана чувственного восприятия, как нечто такое, чего на самом деле нет. Крайние же «номиналисты» утверждали, что на самом деле существуют только чувственно воспринимаемые отдельные предметы, из многообразия которых состоит действительность. Универсалии же только кажутся существующими, ибо на самом деле они являются продуктом объединяющей деятельности сознания, которые не имеют никакого значения за его пределами.

Утверждая реальность единого общего, крайний «реализм» был идеализмом, так как отождествлял общее с богом и его эманациями — мировыми душой и разумом. Из «реалистической» точки зрения вытекало, что общее предшествует отдельным предметам и существует в виде божественных идей. Поэтому «реализм» тяготел к идеалистическому рационализму. Он считал, что действительность, понимаемая им как воплощение общих божественных понятий, постигается сверхчувственным мышлением. «Номинализм» же, признавая реальность чувственного мира и считая, что общее существует только для сознания, тяготел к материализму, так как признавал, что источником познания есть не разум, направленный на мнимые сущности, универсалии, а чувственное восприятие, направленное на материальные предметы, из которых состоит мир.

«Реалистические» представления активно служили церкви, так как они помогали ей формалистическими рассуждениями обосновать вопрос о триединном боге, о тайной вечере, где якобы происходило превращение сущностей из одной формы в другую (воды — в вино). Опираясь на принципы «реализма», Ансельм разработал онтологическое доказательство бытия бога, Фома Аквинский — рационалистическую теорию познания и т. д. Но в связи с постепенным ростом научного знания наступил момент, когда «реализм» уже не мог отрицать существования материи и ее отражения сознанием, как это

было у ранних «реалистов» (Эриугена и др.). Поэтому Фома Аквинский приспособливает учение Аристотеля о материи и форме для непротиворечивого обоснования «реалистических» представлений. Главное, что сделал он в указанном направлении,— это ввел понятие промежуточной формы — души человека. Он различал: 1) понятие чистой сущности (у Аристотеля — вечная и неподвижная сущность как форма форм); 2) понятие ингерентной формы, неразрывно сросшей с отдельными материальными предметами (у Аристотеля это первая сущность или форма в действительности), 3) понятие промежуточной сущности, или человеческой души. Искусно используя непоследовательность Аристотеля, Фома Аквинский утверждает, что материя не может существовать отдельно от формы, но форма может существовать независимо от материи. Душа человека как промежуточная форма является высшей из ингерентных, связанных с материей форм и низшей из чистых форм, свободных от материи. Она то и отделяет формы отдельных предметов от материи и соединяет их с чистыми сущностями. Поэтому при вхождении в душу через чувственное восприятие и мышление отдельные предметы действительности теряют все, что есть у них материального, и становятся общими родовыми понятиями, лишенными какой бы то ни было материи.

В связи с приспособлением аристотелевских представлений об единичных предметах как единстве материи и формы к потребностям «реализма», Фома Аквинский проводит различие между сущностью и существованием. Сущность и существование, по его мнению, не совпадают друг с другом в предметном мире. Поскольку существование выступает здесь как единство сущности и материи, оно полнее сущности и относится к ней как действительность к возможности. Сущность и существование совпадают только в боге, который и существует и выступает в то же самое время как чистая форма.

Громоздкая система Фомы Аквинского выбросила все живое, прогрессивное из Аристотеля. «Схоластика и поповщина взяли мертвое у Аристотеля, а не живое»⁶⁴, — пишет В. И. Ленин. Зажатое в рамки христианской догматики, учение Фомы Аквинского запутано бесчисленными рядами силлогизмов и казуистических построений,

⁶⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 366

которые используются современными представителями Ватикана — неотомистами, объявляющими, что якобы это схоластическое и идеалистическое учение созвучно современной науке. Главное, что привлекает современную католическую церковь, — это объективный идеализм Фомы Аквинского, где обосновывается тезис о непротиворечивости философии и теологии, тезис, что первая настолько ниже последней, насколько разум человеческий ниже разума божественного.

Если «реализм» был связан с неоплатонизмом и идеалистической стороной учения Аристотеля о форме, то «номинализм» получил толчок от его взглядов на сущность как на отдельный организованный предмет. Как известно, такой предмет, называемый в трактате «О категориях» первой сущностью, рассматривается Аристотелем как субъект всех высказываний о нем. Ввиду того, что в начальный период развития средневековой философии из произведений Стагирита были известны только трактаты «О категориях» и «Об истолковании», а другие его произведения, особенно «Метафизика», вплоть до XII века известны не были, считалось, что сущность в аристотелевском понимании может быть только субъектом в суждении и ни в коем случае не может быть в нем предикатом. Отсюда делался вывод, что никаких сущностей помимо единичных предметов не существует. Если общие понятия будут рассматриваться как сущности отдельных предметов, то они должны стать предикатами в суждениях, ибо понятийное определение отдельного предмета приводит к необходимости формулировать определяющее суждение, где определяемый предмет выступает в качестве субъекта, а определяющее понятие в виде предиката. Поскольку, по Аристотелю, первая сущность не может быть предикатом, то — делали вывод номиналисты — никаких общих понятий реально не существует. Есть только единичные предметы. То же, что принято называть сущностью, — это лишь слова, благодаря которым сознание группирует предметы в определенные классы.

Таким образом, основываясь вначале на учении Аристотеля, номинализм выступил против «реалистического» понимания сущности и сосредоточил внимание на обосновании того, что общее в предметах — это словесное выражение сходных признаков, подмечаемых

мышлением в единичных предметах, которое имеет значение лишь в пределах человеческого сознания. Так, например, Расцеллин решительно отрицал онтологическую реальность универсалий, доказывая, что «общие субстанции есть лишь дуновение звука»⁶⁵, которое выполняет чисто техническую функцию обозначения единичных предметов. Эти взгляды противоречили догматам о троице, тайной вечере, ибо отрицание реальности сущностей исключало возможность превращения субстанций друг в друга (воды в вино). Они противоречили также тому, что единая божественная сущность существует одновременно в трех лицах — духа, отца и сына. Поэтому номинализм Расцеллина стал жестоко преследоваться церковью, в связи с чем он был заменен более умеренным учением Абеляра.

В последующий период, благодаря экономическим сдвигам, связанным с крестовыми походами, и распространению арабской науки, которые дали приток новым фактическим знаниям, возникла потребность в углублении и дальнейшей разработке номиналистических взглядов. Развитие производства привело к включению в научный оборот новых знаний, а арабская наука доставила «хотя все еще в неупорядоченном виде, массу научных фактов, о которых никогда даже не подозревала древность»⁶⁶. «Реалистическая» точка зрения была совершенно непригодной для научных обобщений, так как по самой своей природе реализм не мог прийти в соприкосновение с жизнью. Поэтому с новой силой развивается номинализм, его направленность к эмпиризму, к природе.

Выступая против «реализма», Дунс Скот отрицает универсалии как нематериальные сущности. Он полагает, что бог есть чистая форма, но что все остальные вещи и существа состоят из материи и неотделимой от них формы. В соответствии с этим Скот считает, что общее есть не только продукт ума, но имеет основание также в отдельных материальных предметах. В отличие от Фомы Аквинского, учившего, что сущность отличается от существования, Дунс Скот доказывает их тождество. Он полагает, что существование не отличается от сущ-

⁶⁵ Ансельм, *De fide trinitatis*, II, цит. по «Истории философии», т. I, 1940, стр. 425.

⁶⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 441.

ности Таким образом, если Фома Аквинский и его последователи односторонне акцентировали внимание на различии сущности и явления, то Дунс Скот односторонне обращает внимание на их тождество.

«Номинализм» Скота развивался дальше Вильямом Оккамом, который рассматривал общее как продукт сравнивающего сознания Сравнение предметов, считал он, приводит к созданию сознанием «меток» или же «подобий», которые заменяют ему реальные предметы Увлечшись критикой «реалистического» понимания общего как универсалии, которая существует независимо от предметов и является их производящей сущностью, доказывая, что сущность — только мысленное соединение сходных «самих по себе» предметов, Вильям Оккам не заметил слабости своей позиции Если, как он полагал, содержанием сознания являются только «метки» или «подобия» предметов, то выходит, что сознание охватывает лишь мир неадекватных предметам умственных построений, которые выступают как условные обозначения предметов

Таким образом, перенесение «номинализмом» общего предметов действительности в сознание приводило к извращению вопроса об отношении понятий к действительности Формы отражения общего абсолютно противопоставлялись отдельным предметам Согласно номиналистическим теориям, достоянием сознания есть то, что сконструировано самим же сознанием. В этом проявляется ошибочность «номиналистического» понимания сущности, которая оказывается для него фактически непостижимой

Однако, несмотря на ограниченность «номинализма» в понимании закономерности, выражаемой соотношением категорий сущности и явления, в целом это философское направление было для своего времени прогрессивным «Номинализм» способствовал уяснению, что познание сущности воспринимаемых предметов происходит не путем схоластической дедукции из бессодержательных и оторванных от действительности понятий, а путем эмпирического исследования явлений природы. Отрицание потусторонних идеальных сущностей, мысль, что сущность — продукт синтезирующей деятельности сознания, которое соединяет подобия предметов в концепты, приводили не только к подрыву религиозных

идей, но также направляли науку на исследование природы форм познания — понятий и представлений, связи между чувственным и умственным познанием. Следовательно, «номинализм» подошел к новому аспекту исследования закономерности сущности и явления, к аспекту, связанному с формами ее отражения сознанием в логических понятиях.

Так как схоластическая философия была оторвана от жизни и преимущественно интересовалась теологическими проблемами, а потребности развития производства требовали разработки метода, направленного на изучение и обобщение явлений природы, — наступает закат схоластики. Конкретные науки постепенно отбрасывают схоластическую философию потому, что она не дает методологических оснований для накопления и анализа естественнонаучного материала, для обобщения растущей производственной практики. Ее окончательное падение датируется XVII столетием, когда развивающееся капиталистическое производство потребовало, чтобы наука стала ему на службу. Именно в этот период происходит освобождение философии от безраздельного влияния религии, а потому и замена схоластической методологии новым метафизическим методом, который оказал немалое влияние на понимание проблематики, связанной с сущностью и явлением.

ИСТОЛКОВАНИЕ СУЩНОСТИ И ЯВЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Взгляды на сущность и явление в философии нового времени начали формироваться под влиянием эмпирических тенденций, характерных еще для «номинализма». В связи с развитием производства и естественнонаучных знаний к началу XVII века эмпиризм настолько укрепился в естественных науках, что стало возможным его философское обобщение. «В схоластике, — по образному выражению Гегеля, — у человека были выколотые глаза, и все споры того времени о природе происходили из нелепых предпосылок»⁶⁷. Когда же нарождающийся капитализм стал усиленно разлагать феодальные отно-

⁶⁷ Гегель, Соч., т. XI, М.—Л., 1935, стр. 209

шения и потребовал сознательного применения естествознания в производстве, появилась необходимость в обобщении практической деятельности, на которую схоластика не обращала внимания. Поэтому возникает стремление прорвать узкие рамки схолистического способа выведения знаний из религиозных понятий путем формально-логической дедукции, обобщить эмпирические способы исследования, сложившиеся в естественных науках, и выработать новый метод. Таким образом, «от Декарта до Гегеля и от Гоббса до Фейербаха, философов толкала вперед не одна только сила чистого мышления, как это они воображали. Напротив. В действительности их толкало вперед, главным образом, мощное, все более быстрое и все более бурное развитие естествознания и промышленности»⁶⁸.

К началу XVII века естествознание уже значительно отделилось от философии того времени. Оно накапливало и систематизировало фактический материал в отдельных отраслях знания. Естествоиспытатели расчленяли природу на части и изучали каждую из таких частей в отдельности, вне связи с природным целым, вне движения и поступательного развития. Это и привело к возникновению специфического метода познания, называемого метафизическим. Он не мог не оказать влияния на взгляды о сущности и явлении, разрабатываемые в то время.

Расчленение действительности, предпринимаемое для сосредоточения внимания на отдельных ее составных частях, приводит к тому, что теряется характерное для наивной диалектики представление о сущности как основе мира в целом. Под сущностью теперь понимают скорее основу, определяющую качественную природу родов бытия, на которые была расчленена природа. Отдельные предметы, относящиеся к указанным родам бытия, рассматриваются как явления данной сущности. При этом, главным образом благодаря «номинализму», стало обращать внимание на отличие объективных сущности и явления от форм их отображения познанием. В этом и в высвобождении философии из-под эгиды религии состоит третий этап формирования представлений о сущности и явлении.

⁶⁸ К Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т II, М, 1948, стр. 352

Разработка метафизического метода идет по двум основным направлениям — эмпиризма, распространившегося в Англии, и рационализма, возникшего во Франции. Поэтому одни мыслители исследуют закономерность сущности и явления, начиная от явления в направлении к сущности, с целью раскрыть содержание указанных категорий, другие же исходят из сущности и продвигаются в направлении к явлению, так как преимущественно интересуются логической формой. Представители эмпиризма, сосредоточившись на задаче раскрытия содержания сущности явлений, больше обращают внимания на гносеологическую сторону дела. Рационалисты же, наоборот, обращая главное внимание на логическую форму, увлекаются преимущественно онтологическим аспектом этой закономерности, пытаются истолковать единство закономерностей форм отражения и форм бытия сущности и явления.

Первым, кто приступил к разработке нового метода познания, был Ф. Бэкон. Взгляды Бэкона на сущность и явление были предопределены его глубоким убеждением, что задача познания состоит в том, чтобы построить «в человеческом разуме образец мира таким, каков он оказывается, а не таким, как подскажет каждому его мышление»⁶⁹. Он считал, что для верного отражения действительности необходимо руководствоваться разработанным им индуктивным методом, обеспечивающим познание сущности предметов, их внутренних закономерностей. Следовательно, при разработке нового метода Бэкон руководствовался убеждением, что в исследуемых предметах имеется внутренняя закономерность, сущность этих предметов, которая своеобразно обнаруживается на доступной созерцанию поверхности вещей в виде явления. Такую сущность Бэкон называл формой. Так, он писал: «форма вещи есть сама вещь, и вещь не отличается от формы иначе, чем явление отличается от сущего, или внешнее от внутреннего, или вещь по отношению к человеку — от вещи, по отношению к вселенной»⁷⁰. По мнению Бэкона, формы — это внутренние законы вещей, невидимые на их поверхности, которые могут быть обнаружены только путем анализа предме-

⁶⁹ Ф. Бэкон, Новый органон, Соцэкгиз, 1935, стр. 186—187,

⁷⁰ Там же, стр. 223

тов. Поэтому исходным моментом в исследовании формы как основы вещей должен быть положен анализ их простых, видимых свойств.

Понимание формы у Бэкона отличается от ее понимания Платоном и Аристотелем. Если у Платона форма — это идея, общее понятие, обладающее трансцендентностью и полным отрывом от чувственных представлений, если у Аристотеля форма принципиально отличается от материи и рассматривается как идеальный носитель активности, то у Бэкона она не находится в потустороннем мире, не является идеальным источником движения, а выступает как внутренняя закономерность материальных предметов, обуславливающая их чувственно воспринимаемые свойства. Поэтому Маркс отметил, что у Бэкона «первичные формы материи суть живые, индивидуализирующие, внутренне присущие ей, создающие специфические различия, сущностные силы»⁷¹

Для Бэкона сущность — это закон явлений. Он пишет, что «хотя в природе не существует ничего действительного помимо обособленных тел, осуществляющих сообразно с законом отдельные чистые действия, однако в науках этот же самый закон и его разыскание, открытие и объяснение служат основанием как знанию, так и деятельности. И этот же самый закон и его разделы мы разумеем под названием *форм*, тем более, что это название укоренилось и обычно встречается»⁷².

Бэкон считал, что познание сущности явлений — залог успешной практической деятельности. «Тот же, кто знает формы, — указывает он, — тот охватывает единство природы в несходных материях. И, следовательно, он может открыть и произвести то, чего до сих пор не было, чего никогда не привели бы к осуществлению ни ход природных явлений, ни искусственные опыты, ни самый случай — и что никогда не представилось бы человеческому мышлению. Поэтому за открытием форм следует истинное созерцание и свободное Действие»⁷³.

В связи со своим пониманием сущности Бэкон подвергает резкой критике средневековый «реализм», доказывая, что убеждение в объективном существовании

⁷¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 142

⁷² Ф. Бэкон, Новый органон, стр. 198

⁷³ Там же, стр. 198—199

независимых от единичных предметов идеальных сущностей есть иллюзия. Реально существуют единичные вещи и их отношения, общие же понятия должны быть выведены на основе эмпирического исследования явлений по индуктивному методу. Ведь, по его мнению, задача научного познания в том и состоит, чтобы отыскать способ образования общих понятий, содержанием которых было бы отражение сущности явлений действительности, их формы.

Понимая сущность как имманентный явлениям закон их бытия, Бэкон правильно полагает; что ее познание должно начинаться с внешней, доступной непосредственному восприятию стороны предметов, т. е. с их явления. Он считает, что «*чувства* непогрешимы и составляют источник всякого знания. Наука есть *опытная наука*, состоящая в применении *рационального метода* к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент — суть главные условия рационального метода»⁷⁴. Бэкон выступает против голого рационализма и разрабатывает приемы раскрытия основ, из которых возникают те или иные явления действительности. Они впоследствии получили название «основных методов индуктивного исследования».

Считая, что анализ, сравнение и абстрагирование рассеивают завесу, прикрывающую сущность вещей, и позволяют отыскать внутренне присущую им закономерность, определяющую принадлежность указанных явлений к определенному классу, охватываемому родовым понятием, Бэкон сделал крупный шаг вперед в разработке вопроса о познании сущности. Но все же его понимание этой категории было ограниченным. Это объясняется прежде всего тем, что Бэкон исследовал вопрос о сущности не поступательно развивающихся явлений, а только относительно устойчивых. В целом метафизический подход к действительности не позволял ему подняться до уяснения диалектического процесса ее развития от низшего к высшему. Подходя к предметам как неразвивающимся и полагая, что они состоят из таких простых свойств, как плотность, тяжесть, подвижность, желтизна, теплота и пр., Бэкон видел пути познания сущности в элементарном анализе явлений,

⁷⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 142.

в их разложении на простые свойства, количество которых якобы ограничено. Он считал, что, подобно тому, как знание букв дает возможность разобраться в словах, так знание простых свойств дает возможность разобраться в вещах, которые состоят из их комбинаций. Поэтому, полагал он, познав первичные свойства в их комбинации, мы исчерпываем познание предметов. В этом проявляется метафизичность представлений Бэкона о сущности явлений, ибо он кладет в основу многообразия вещей качественно и количественно ограниченные элементы и механически сводит к их комбинациям все многообразие действительности.

Если эмпирическое понимание содержания категорий сущности и явления было продуктом опытного естествознания и развивавшихся издавна в Англии номиналистических традиций, то рационалистический подход к этим категориям в XVII—XVIII вв. выработался из попыток обобщения приемов познания, применявшихся в математике. Основоположителем рационализма нового времени является Р. Декарт.

Успехи наук, пользовавшихся математическим аппаратом, привели к распространению убеждения, что раскрытие сущности вещей связано с установлением их количественных закономерностей. Этим объясняется популярность стремления сводить многообразные свойства чувственно воспринимаемых предметов к математически выраженному общему признаку и рассматривать его как сущность исследуемых явлений. Предполагалось, что достоверность должна основываться на твердо установленных и самоочевидно истинных исходных принципах и логических правилах выведения из истинных посылок. Исходя из этого, Декарт считал, что применение математического метода в философии даст возможность вывести из небольшого количества исходных понятий всю систему философского знания. Указанное убеждение заставило Декарта предпринять попытку очищения дедуктивного метода от формализма и ложных религиозных понятий, использовавшихся схоластиками в качестве отправных оснований для дедукции и установления истинных основ философского знания. Помимо того, он пытается постичь истинную, а не только правильную логическую форму знания, чтобы, исходя

из основополагающих понятий, дедуктивно вывести и объяснить все чувственно воспринимаемые явления.

Но попытка понять истинную логическую форму закономерности сущности и явления натолкнулась у Декарта на трудности, связанные с его неспособностью уяснить природу общих понятий и категорий. Он не мог осознать, что последние являются общественно-историческим продуктом, и разработал теорию врожденных основополагающих идей, которые якобы скрыты в уме человека и могут быть постигнуты отчетливой интуицией. Он так и пишет. «...имеются понятия настолько ясные сами по себе, что они не приобретаются путем изучения, а рождаются вместе с нами»⁷⁵.

Выражая «интеллектуальные устремления... поднимающейся буржуазии»⁷⁶, стремившейся переделать феодальное общество на разумных основах, Декарт был убежден, что о существующем можно судить, ориентируясь не на чувственность, а на разум. Он начинает разработку своей философии с сомнения, которое направлено против методики, применяемой в схоластике, против достоверности данных чувственного опыта. Сомнение, по Декарту, должно расчистить пути для уяснения основополагающих врожденных принципов знания, постигаемых разумной интуицией. С его помощью Декарт надеется отсеять в восприятии все приходящее от чувств, являющихся спутанными, неразборчивыми, и прийти к постижению истинной сущности вещей, понимаемой как общее в явлениях. По его мнению, одного только существования недостаточно для того, чтобы субстанция могла быть обнаруженной. Необходимо, чтобы она «имела некоторые атрибуты, поддающиеся нашему восприятию, а для этого достаточно любого из них, ибо одно из самых общих понятий — это то, что ничто не может иметь никаких атрибутов, свойств или качеств, вот почему, когда встречаешь какое-либо из них, справедливо заключаешь, что оно — атрибут какой-либо субстанции и что эта субстанция существует»⁷⁷. Из этого видно, что Декарт признает связь между сущ-

⁷⁵ Р. Декарт, Избранные произведения, М., 1950, стр. 429.

⁷⁶ Maurice Thorez, Discours sur René Descartes, La nouvelle critique revue du marxisme militant, p. 121, 1950, Sept—Okt.

⁷⁷ Р. Декарт, Избранные произведения, стр. 449.

ностью и явлением и считает, что сущность может быть обнаружена только через восприятие ее явлений, в которых содержатся атрибуты сущности. Атрибутами, у него являются свойства субстанции. При этом всякая субстанция имеет среди прочих атрибутов «преимущественный атрибут», который выступает как «составляющее ее сущность и природу свойство, от которого зависят все остальные»⁷⁸. Задача познания субстанции состоит в том, чтобы среди многих воспринимаемых разумом ее атрибутов найти такой, который наиболее полно выражает ее природу.

Применяя метод анализа воспринимаемых разумом явлений с целью отыскания главных атрибутов субстанции, Декарт расчленяет их до элементарнейших, количественно определяемых свойств. Согласно его методу, отчетливо можно видеть умом только простое. Поэтому сложные явления должны быть расчленены на простейшие. По этому методу Декартом выделяются такие свойства явлений, как положение, форма, величина, движение, протяженность и др. Ввиду того, что все другие свойства предметов кажутся Декарту разными и лишь протяженность выступает как общее свойство всех материальных объектов, он заключает, что протяженность и есть их основа, их внутренняя сущность. Таким образом, Декарт сводит все качественное многообразие предметов к количественно определяемому математическому свойству — протяженности.

Применяя тот же способ к установлению сущности духовных явлений, Декарт приходит к выводу, что субстанцией их является мышление. Отсюда возникало представление о существовании двух абсолютно противоположных друг другу субстанций, обнаруживающихся в двух самобытных областях явлений действительности. Понятия об этих двух субстанциях рассматриваются Декартом как основополагающие и отправные, от которых осуществляется дедуктивное объяснение соответствующих единичных явлений.

Для устранения дуализма субстанций Декарт пытается объединить их с помощью третьей субстанции — бога. Таким образом, объединение протяженности и мышления происходит у Декарта за пределами материального мира.

⁷⁸ Р Декарт, Избранные произведения, стр. 449

Взгляды Декарта на конечную основу, субстанциональную сущность вещей внутренне противоречивы. По словам Маркса, Декарт «совершенно отделил свою *физику* от своей *метафизики*. В границах его физики материя представляет собой единственную *субстанцию*, единственное основание бытия и познания»⁷⁹. В этом несомненная заслуга Декарта. Но тем не менее он оставил нерешенной главную задачу — вопрос о тождестве мышления и бытия, т. е. вопрос об основаниях, исходя из которых можно было бы доказать, что формы отражения сущности и явления адекватны бытию.

То, что мир познаваем и что внутренние закономерности его явлений становятся логическими формами мышления, было самоочевидным, так как подтверждалось стихийной человеческой практикой. И это обстоятельство необходимо было осмыслить теоретически. Поэтому после Декарта проблема о тождестве закономерности сущности и явления в бытии и познании остается предметом дальнейших теоретических усилий.

Если оставить в стороне окказионалистов, черерабатывавших дуализм Декарта в идеалистический монизм, то необходимо остановиться на философии Спинозы, переработавшего дуализм Декарта в материалистический монизм. Характерной чертой этого монизма является признание единой субстанции имманентной причиной всех конечных вещей, называемых Спинозой модусами. Спиноза считал, что если абстрагироваться от всех несущественных, преходящих свойств явлений действительности и удержать общее, повторяющееся в них, то раскрывается протяженность, выражающая сущность в материальных предметах, и мышление, выражающее ее в явлениях духовных. Протяжение и мышление, по терминологии Спинозы, — атрибуты субстанции, каждый из которых выступает как определенный вид выражения сущности субстанции, тождественной ее существованию. О том, что Спиноза понимал под атрибутом выражение сущности субстанции в единстве с ее существованием, видно из его «Этики», где он пишет, что «под *атрибутом* я разумею то, что ум представляет в субстанции как составляющее ее сущность»⁸⁰. Посколь-

⁷⁹ К Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 140.

⁸⁰ Б. Спиноза, Избранные произведения, т. I, М., 1957, стр. 361.

ку «существование бога⁸¹ и сущность его — одно и то же»⁸², то «те же самые атрибуты бога, которые раскрывают вечную сущность его, раскрывают вместе с тем и его существование, т. е. то же самое, что составляет сущность бога»⁸³.

Таким образом, отличие Спинозы от Декарта состоит в том, что протяженность и мышление у него — это не две обособленные друг от друга сущности, а лишь различные выражения одной и той же субстанции. Как видим, вместо божества, якобы непостижимым для человека образом приводящего к единству закономерности мира и мышления, Спиноза устанавливает единую субстанцию, а протяжение и мышление рассматривает как выражающие ее сущность атрибуты. Поэтому для Спинозы не существует никакой пропасти между материальными закономерностями и закономерностями мышления, так как они совпадают у Спинозы в субстанции. Он указывает «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей»⁸⁴. Выходит, что независимо от того, рассматриваем ли мы субстанцию под атрибутом протяжения или же рассматриваем ее под атрибутом мышления, мы всегда получаем один и тот же результат, так как законы мышления и бытия тождественны. Так, Спиноза считает, что «субстанция мыслящая и субстанция протяженная составляют одну и ту же субстанцию, понимаемую в одном случае под одним атрибутом, в другом, под другим»⁸⁵.

Пытаясь устранить дуализм Декарта путем провозглашения единой материальной субстанции, постигаемой под атрибутами протяжения и мышления, Спиноза, однако, не смог подняться до понимания мышления как свойства высокоорганизованной материи, возникающей на определенной ступени развития. Помимо этого, у Спинозы наблюдается неверное понимание соотношения сущности и явлений, которые он называет модусами. Модусы Спинозы, т. е. «состояния субстанции», «или состояния... атрибутов бога, в которых последние

⁸¹ Под богом Спиноза понимает ту же субстанцию. См. Избранные произведения, т. I, стр. 361.

⁸² Там же, стр. 381.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, стр. 407.

⁸⁵ Там же.

выражаются известным и определенным образом»⁸⁶, фактически оторваны от субстанции Несмотря на усилия, предпринятые Спинозой, чтобы вывести модусы из субстанции и таким образом привести их с ней в единство, это ему не удалось По мнению Спинозы, субстанция непрерывна, неподвижна и неизменна Если это так, то как же возникают из нее прерывные движущиеся и развивающиеся явления? Как они связаны с субстанцией? Спиноза не мог правильно ответить на эти вопросы и впадал в непримиримые противоречия

Для того, чтобы устранить разрыв между субстанцией и модусами, необходимо было признать ее движение Спиноза не сделал этого Вместо признания движения атрибутом субстанции он считает его бесконечным модусом, потому что движение присуще каждому модусу субстанции, а их число бесконечно

Провозглашая мысль о том, что движение есть бесконечный модус, Спиноза надеялся использовать ее для объяснения происхождения из неподвижной субстанции подвижных модусов Но и в этом случае движение не становится у него атрибутом субстанции, ее неотъемлемым свойством У Спинозы по существу нет связи между субстанцией и бесконечным модусом движения, и исходя из него нельзя объяснить, как неподвижная субстанция образует подвижные модусы — отдельные свои явления. Поэтому субстанция у него оказывается фактически оторванной от своих проявлений Поскольку человек — один из модусов субстанции, он также оторван от нее, как и остальные модусы

Ввиду того, что человек, по мнению Спинозы, — один из модусов субстанции, в нем соединены душа и тело Первое есть модификация субстанции под атрибутом мышления, второе — под атрибутом протяжения. Отсюда вывод, что мышление человека способно постигать сущность явлений Этого вывода тщетно искал Декарт

Однако при разрешении вопроса о том, как осуществляется познание сущности явлений, проявляется метафизическая ограниченность Спинозы, приводящая его к рационализму На человеческое тело, как один из взаимосвязанных друг с другом модусов, воздействуют

⁸⁶ Б Спиноза, Избранные произведения, т I, стр 361, 385

внешние явления природы, вследствие чего возникает чувственное познание. Но чувственное познание не дает знания сущности явлений, их связей друг с другом, так как в ощущении воспринимаются только конечные внешние признаки вещей, а не их внутренняя всеобщая необходимая связь, ведущая к субстанции. Только она есть выражение всеобщего. Одним из атрибутов, обнаруживающим это всеобщее, есть мышление. Поэтому только с помощью мышления познается сущность явлений как бесконечная субстанция, охватываемая человеком в рациональном интуитивном созерцании.

Таким образом, для Спинозы характерны игнорирование чувственного опыта, практики, уход в область чистого разума. Его теория не видит диалектического перехода от чувственного к рациональному, ориентируется на идеалистический принцип истинности, усматривая ее в отчетливом и ясном умственном созерцании.

Дальнейшее развитие рационалистических представлений о сущности и явлении связано с именем Лейбница. Пытаясь преодолеть метафизический взгляд на субстанцию вещей как неподвижную «мертвую» перво-сущность и показать, что субстанция выступает как основа возникновения и развития явлений, Лейбниц искал такого решения, которое, не устраняя принципа механического взаимодействия предметов, лежавшего тогда в основе понимания движения, одновременно позволило бы указать на источник последнего. В связи с этим он предлагает считать механическое взаимодействие внешней формой обнаружения духовной силы, скрытой внутри материальных явлений. Таким образом, основная мысль Лейбница состоит в том, что сущностью механического взаимодействия материальных явлений есть внутренне присущая им духовная сила.

Гносеологическая основа идеалистического понимания силы Лейбницем в том, что он не смог не разделять предубеждения, свойственного всему механистическому миропониманию (в том числе и Спинозе, считавшего не движение, а мышление атрибутом субстанции), согласно которому материя рассматривалась как неподвижная, инертная масса, неспособная породить движения, что только дух обладает непрекращающейся активностью. Поэтому он и считает силу нематериальным фактором. По его глубокому убеждению, эта внутренняя ос-

нова явлений имеет духовную природу. Лейбниц считал, что все материальные явления одушевлены, а присущее им свойство занимать пространство является продуктом скрытой энергии, принадлежащей силе, которая выступает как имманентная идеальная сущность этих явлений. В связи с этим он утверждает, что рациональное познание смотрит на все явления со стороны их сущности и видит в них только силу, тогда как чувственное смотрит на сущности как на явления и поэтому видит в них только способность занимать пространство. Лейбниц пишет: «Когда я стал искать последние основания механизма и законов движения, я постиг, что монады, или простые субстанции, являются единственными действительными субстанциями и что материальные вещи суть только явления»⁸⁷. По его мнению, «в материальных вещах содержится нечто, что присоединяется к простому протяжению и даже предшествует ему — именно некоторая естественная сила»⁸⁸.

Спинозовское понятие единой субстанции также не удовлетворяло Лейбница. Если принять в качестве основы всех явлений единую субстанцию, то, полагал Лейбниц, следует, что все многообразные явления действительности имеют одну и ту же сущность и поэтому не отличаются друг от друга в качественном отношении. Поэтому, в противоположность Спинозе, Лейбниц выступает как плюралист, так как он признает множественность сущностей, понимаемых им как метафизические (в смысле умопостигаемые) центры деятельных сил.

Свое понимание сущности Лейбниц связывает с понятием монады. Монады у него — неделимые сущности, элементы вещей, каждая из которых обуславливает качественное различие явлений одной сущности от явлений другой и их взаимную связь. Указанная связь состоит в том, что монады способны отражать друг друга.

Высоко оценивая обогащение субстанции принципом деятельности, которое имеется у Лейбница, В. И. Ленин писал: «..телесная субстанция для Лейбница уже не только протяженная, мертвая, извне приводимая в

⁸⁷ Leibniz, Philosophische Schriften, Herbart, B III, S 606

⁸⁸ Leibniz, Hauptschriften zur grundstellung der Philosophie, Leipzig, 1924, B I S 256

движение масса, как у Декарта, а в качестве субстанции имеет в себе деятельную силу, не знающий покая принцип деятельности»⁸⁹ Монады Лейбница — «не мертвые атомы, а живые, подвижные, весь мир отражающие в себе, обладающие (смутной) способностью представления (души своего рода)»⁹⁰.

Как видим, Лейбниц сделал известный шаг вперед в разработке представлений о сущности и явлении, выводящих за рамки абстрактно-математического понимания указанных категорий. Он вскрыл недостаточность абстрактно-математического понимания сущности у Декарта и Спинозы, показал, что нельзя сводить конкретные физические тела к математическим абстракциям и, формализуя эти абстракции, выдавать их за сущность действительности. Он отмечает, что сущность — это динамическая внутренняя основа материальных явлений, обуславливающая их существование, изменение и развитие. Однако идеалистический рационализм Лейбница не позволил ему дать научную разработку вопроса о сущности и явлении как закономерностях мышления.

Чтобы избавиться от произвольных конструкций рационалистов, в которые они пытались втиснуть действительность, представители основанного Бэконом эмпиризма, выразившего требования производства в практически применимом знании, стремятся разработать вопрос о постижении конкретного содержания сущности явлений, о методологическом значении закономерностей, выражаемых категориями сущности и явления в процессе познания. Уже первый систематизатор и последователь Бэкона — Т. Гоббс пытался на базе эмпиризма преодолеть предубеждение рационалистов о врожденных идеях и отчетливом умственном видении сущностей, но, будучи номиналистом, он не дал «детального обоснования его основному принципу — происхождению знаний и идей из мира чувств»⁹¹. За его разработку взялся Локк в своей книге о происхождении человеческого разума⁹².

В противоположность рационализму, фактически не исследовавшему вопрос о путях постижения конкретно-

⁸⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 378.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 143.

⁹² См. там же, стр. 144.

го содержания сущности явлений, Локк концентрирует внимание именно на этом вопросе, чтобы установить роль закономерностей, выражаемых сущностью и явлением для мышления. Уже само название работы Локка свидетельствует о том, что его привлекает проблема познания сущности исходя не из врожденных идей, а из чувственно воспринимаемых ее проявлений в предметах.

Преодолевая рационалистическую теорию о постижении сущности явлений из врожденных идей, Локк доказывает, что знания сущности «появляются в душе от сущности самих вещей»⁹³. Отсюда видно, что он не отрицает реальных сущности и явления и пытается изобразить категории явления и сущности как отражение соответствующих сторон действительности. В связи с попыткой раскрыть закономерности отражения сущности воспринимаемых явлений Локк опирается на принципы эмпиризма, согласно которым все знания о сущности основаны на здоровых человеческих чувствах, а не на врожденных идеях.

Согласно Локку, познание сущности явлений начинается после того, как душа получает простые идеи из внешнего опыта и рефлексии. Опыт в целом выступает у него как толчок, приводящий в действие способность души образовывать сложные идеи. До того, как в душу поступят материалы опыта, она пассивна. «Запасшись раз простыми идеями, — говорит Локк, — она (душа — Ю Б) может складывать их в различные соединения и создавать таким образом разнообразные сложные идеи, не исследуя того, существуют ли они в таком сочетании в природе»⁹⁴. Выходит, что по Локку отражение сущности явлений сводится к сочетаниям душой того материала, который поступает из опыта. Но тем самым этот материал отрывается от познаваемых предметов и тех закономерностей, по которым свойства предметов, обуславливающие соответствующие ощущения, соединены в них. Получается, что указанный материал сочетается не по закономерностям материальной действительности, а по законам душевной деятельности, которая обусловлена не материей, ибо она, по мнению Локка, не может породить из себя мышления. Таким обра-

⁹³ Д. Локк, Опыт о человеческом разуме, М., 1898, стр. 77

⁹⁴ Там же, стр. 269

зом, рассматривая процесс образования идеи о сущности явлений действительности, Локк фактически не выходит за пределы внешней стороны предметов, доступной ощущениям. Те простые идеи, которые получает душа из внешнего опыта, представляют собой субъективное отражение являющейся стороны действительности, ее явления. Сущность же — это, по мнению Локка, недоступное внешнему опыту строение частиц предмета, от которого зависят его внешние, чувственно воспринимаемые свойства. Эта сущность называется Локком реальной сущностью. Если учесть все сказанное по поводу представлений Локка о процессе познания сущности, становится ясным, что она недоступна человеку. Комбинируя между собой простые идеи, адекватные чувственно воспринимаемой внешней стороне предметов познания, душа создает образ сущности, который не соответствует реальной сущности. Указанную сущность Локк называет сущностью номинальной. Она представляет собой обозначенные определенным именем сочетания простых идей, соединенных друг с другом по законам душевной деятельности, чуждым законам материальной действительности.

Разъясняя свое понимание реальной и номинальной сущностей, Локк пишет: «Номинальная сущность золота — это та сложная идея, которую замещает слово «золото», т. е. для примера, желтое тело, определенного веса, определенной ковкости, плавкости, твердости. Реальная сущность — это строение недоступных чувственному восприятию частиц этого тела, от которого зависят эти и все другие свойства золота. Как различны эти две вещи, хотя они обе называются «сущностью», легко открыть с первого взгляда»⁹⁵.

Будучи не в состоянии доказать познаваемость реальной сущности явлений действительности на основании своей теории опыта, Локк замечает: «Что касается реальных сущностей, то мы только предполагаем их бытие, не зная в точности, что они такое»⁹⁶. «Наши способности в познании и различении субстанций не могут привести нас дальше собрания тех чувственных идей, которые мы в них замечаем. А с какою бы тщательностью

⁹⁵ Д. Локк, Опыт о человеческом разуме, стр. 434—435.

⁹⁶ Там же, стр. 438.

и точностью ни было образовано последнее, оно всегда бывает дальше от истинного внутреннего строения, определяющего качества вещей, чем идея. крестьянина от внутреннего механизма часов, которых он видит только внешние очертания и движения»⁹⁷.

Как видно из приведенного, Локк склонялся к мысли о непознаваемости реальных сущностей. Невзирая на его попытки связать друг с другом внешний опыт и закономерности мышления, эта связь оказалась неудачной ввиду механистической и метафизической ограниченности мировоззрения Локка, оказавшегося неспособным понять, что закономерности умственной деятельности не являются чуждыми закономерностям материальной действительности. Поэтому закономерности взаимодействия сущности и явления в познании, которые попытался исследовать Локк, остались у него невыясненными. Он допускал крупные идеалистические ошибки.

В связи с колебаниями Локка между материализмом и идеализмом в понимании закономерностей сущности и явления его гносеология содержала возможность как материалистической, так и идеалистической линии в понимании сущности и явления. Как показывает последующее развитие философских взглядов на сущность и явление, идеологи прогрессивных классов использовали материалистические и сенсуалистические положения Локка. Идеологи же классов реакционных пытались использовать его идеалистические ошибки.

Идеалисты сводили внешний опыт Локка к переживаниям субъекта, т. е. превращали его во внутренний опыт. Благодаря этому ощущения, которые у Локка являются единственным источником знания, превращались не в отражения предметов, а в нечто неадекватное им, построенное по чуждым материи закономерностям духа. В связи с этим вся материальная реальность представлялась недоступной для сознания или же изображалась как комплекс переживаний человека. Указанные взгляды лежали в основе субъективного идеализма Беркли, подвергнутого обстоятельнейшей критике В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Беркли твердил, что, кроме феноменов сознания, никакого другого мира для человека не существует. По-

⁹⁷ Д. Локк, Опыт о человеческом разуме, стр. 439—440.

добной точки зрения придерживался также и Юм, раз-
вернувши с исчерпывающей последовательностью из
локковского эмпиризма агностические выводы.

Приняв берклианское сведение ощущений — продук-
тов внешнего опыта — к опыту внутреннему, Юм, подоб-
но Локку, разделил все переживания субъекта на пер-
вичные и вторичные идеи. Но Юм и отличается от Лок-
ка Последний считает первичные идеи образами вещей,
тогда как первый принимает их за неадекватные предме-
там переживания субъекта, вызванные этими предмета-
ми При этом Юм рассматривает первичные идеи как
оригиналы, а вторичные — как их копии Поэтому весь
процесс познания сводится Юмом к переработке мышле-
нием первичных идей во вторичные. Указанная перера-
ботка сводится к синтезу из первичных идей вторичных,
производимому душой по законам ее деятельности—сход-
ства, контраста, смежности и т. д. Отсюда следовало,
что вторичные идеи, выступающие как продукт синтеза
идей первичных, сформированных по законам, прямо
противоположным закономерностям предметного мира,
никак не могут быть адекватными тому, что их возбуж-
дает в душе

Юм считает, что сложившееся в науке понятие сущ-
ности имеет чисто психологическое, а не гносеологичес-
кое значение, так как только психология интересуется
закономерностями соединения друг с другом элементов
сознания (ощущений, понятий), независимо от того, вы-
ражают ли они истину Гносеологического смысла по-
нятие сущности, по мнению Юма, иметь не может, так
как его объект остается за пределами достижимости
сознания

Если Беркли и Юм разрабатывали идеалистические
мотивы локковского эмпиризма для обоснования рели-
гии и агностицизма, то идеологи французской буржуа-
зии использовали философию Локка для разработки
материализма, который они направляли против рели-
гии — этого идеологического оплота феодализма.

Жизнь французского общества того времени «была
направлена на непосредственную действительность, на
мирское наслаждение и мирские интересы, на *земной*
мир Ее антитеологической, антиметафизической, мате-
риалистической практике должны были соответствовать

антитеологические, антиметафизические, материалистические теории»⁹⁸.

Как орудие против метафизики и теологических взглядов рационалистов XVII века французы использовали материалистические взгляды Локка *«Непосредственный ученик и французский истолкователь Локка, — писал Маркс, — Кондильяк, немедленно направил локковский сенсуализм против метафизики XVII века»*⁹⁹.

Французские материалисты не могли согласиться, что источником знания являются врожденные идеи или независимая от материи деятельность души. Поэтому они подвергают критике взгляды рационалистов и Локка с позиций сенсуализма. Они убеждены, что единственным источником познания есть внешний чувственный опыт, что истинное знание возникает благодаря ощущениям, образующимся в результате воздействия материальных предметов на органы чувств человека. Ощущения, по их мнению, суть образы вещей.

Подчеркивание зависимости истинного знания от ощущений доходит у французских материалистов до преувеличения их значения, до попыток свести формы мышления — понятия и категории — к формам чувственного познания. Таким образом, они доходят до приписывания роли логической формы — понятий и категорий в познании.

Указанное обстоятельство объясняется тем, что в период расцвета французского материализма как естествознание, так и философия, остававшаяся метафизической, не поднялись до уровня исследования вопроса о происхождении форм мышления. Поэтому французские материалисты брали сознание и такие его формы как понятия и категории в готовом и неизменном виде и рассматривали их преимущественно со стороны содержания. Они не могли усмотреть, что практика есть основа генетической связи между материей и мышлением, и понять действительный источник возникновения понятий и категорий. Они, как говорили классики марксизма, знали, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Эти недостатки не позволили французским материалистам понять биологической предистории мышления, осознать, что сознание есть свойство

⁹⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 141.

⁹⁹ Там же, стр. 144.

материи, достигающей определенного уровня развития, что оно возникает и развивается на социальной основе

Французские материалисты считали, что реально существует только единичное, общее представлялось им лишь продуктом абстрагирующей деятельности сознания. В этих взглядах проявляется присущая французским материалистам тенденция решительно выступать против умозрительных рационалистических теорий сущности явлений, где сущность якобы не зависит от реальных чувственно воспринимаемых свойств и качеств вещей, а выступает как идея бога. Они считали, что если сущность «не выражает ощущаемых свойств предметов — она не имеет никакого смысла», ибо «любая идея может всегда быть сведена в конечном анализе к физическим фактам или ощущениям»¹⁰⁰.

Таким образом, развивая научную теорию познания в направлении раскрытия происхождения содержания знаний, французские материалисты не смогли подняться до правильного понимания вопроса о роли формы знания, о соотношении общего и отдельного в действительности и сущности и явления в познании. Увлекаясь исследованием происхождения содержания знаний, они считали, что представления, понятия и категории являются продуктом пассивного фотографирования действительности человеческим сознанием, сводили процесс познания к механическому копированию бытия.

В связи с тем, что французские материалисты не понимали роли практики в процессе становления форм мышления и в познании, «случилось так, что д е я т е л ь н а я сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, разумеется, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»¹⁰¹.

Под видом исследования действительности не только как предмета созерцания, но и как предмета практической активности человека, идеализм неверно поставил вопрос о практике, понимая под ней не материальную, а духовную деятельность. Поэтому основоположники диалектического материализма указывали, что

¹⁰⁰ К. Гельвеций, О человеке, его умственных способностях и его воспитании, М., 1938, стр. 62.

¹⁰¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 383.

действенная сторона мышления оказалась развитой в философии идеализма абстрактно, так как идеализм не знает действительной, чувственной деятельности как таковой

Отмеченные недостатки французского материализма привели к тому, что *«метафизика XVII века, побитая.. французским материализмом XVIII века, пережила свою победоносную и содержательную реставрацию в немецкой философии, особенно в спекулятивной немецкой философии XIX века»*¹⁰²

Родоначальником классической немецкой философии, как известно, является И Кант. Подвергая исследованию вопрос о принципах, способных обеспечить мышлению познание действительности, Кант пришел к выводу, что чувственность представляет сознанию только содержание знания, которое организуется в предметы познания при помощи априорных форм созерцания (пространство и время) и априорных форм рассудочно-го мышления («чистых» понятий, категорий)

Рассматривая чувственное познание, осуществляющееся при посредстве априорных форм синтеза пространства и времени, как отражение единичного и случайного, а априорные законы мышления как воплощение общего и необходимого, Кант отрывает общие закономерности от действительности и переносит их в сознание. Он называет эти независимые и всеобщие формы синтеза чувственного материала категориями и считает, что именно они устанавливают всеобщие и необходимые связи между отдельными случайными и разрозненными чувственными восприятиями. Таким образом, он становится на неверную точку зрения относительно логической формы

Но, несмотря на то, что Кант изображал категории как извечные прирожденные внутренние закономерности деятельности сознания, как форму, которая сама по себе является субъективной и лишенной какого бы то ни было содержания, его теория категорий содержала рациональное зерно. Оно состояло в том, что Кант подметил важное обстоятельство — активность мышления в отношении к познаваемому предмету. В этом и состоял первый шаг к преодолению ограниченности созерцательного материализма. Кант увидел, что в каж-

¹⁰² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 139.

дом конкретном акте познания навстречу чувственному материалу, который попадает в сферу сознания в результате внешнего опыта, поднимаются как бы из глубин познания, категориальные формы его деятельности. Благодаря этим формам осуществляется упорядочивание и, что особенно важно, обобщение указанного материала и, следовательно, происходит логическое формирование всего понятийного содержания знаний. Но в связи с субъективистским неправильным пониманием природы категорий Кант дал им ложное истолкование и закончил свои исследования познавательной способности мышления откровенным агностицизмом.

Кантовское понимание категорий как форм мышления — идеалистическое. Они рассматриваются у него как априорные закономерности сознания, не имеющие ничего общего с закономерностями действительности. Поэтому познание изображается Кантом не как процесс отражения сущности предметов, а как результат действия противоположных материальному миру общих закономерностей сознания, в соответствии с которыми оно, в отрыве от предметов, конструирует понятия и идеи из чувственно воспринимаемого материала, организованного пространством и временем.

Гносеологической причиной идеалистического истолкования категорий Кантом было распространенное тогда неверное убеждение, что в случае, когда факт связи между чувственными восприятиями будет рассматриваться не как результат имманентных закономерностей сознания, а как следствие объективных связей сторон предметов, обуславливающих названные восприятия, то понятия об этих связях будут недостоверными, так как выводы, основанные на опыте, окажутся выводами неполной индукции. Такие выводы не могут претендовать на достоверность потому, что индукция не исчерпывает всех возможных случаев и дает лишь вероятное обобщение. Поскольку же сознание само придает чувственным восприятиям общие закономерности при посредстве имманентных ему категорий — обобщение приобретает необходимую всеобщность и общеобязательность.

Согласно взглядам Канта, познание осуществляется благодаря тому, что материал чувственного восприятия, подвергшийся первоначальному синтезу в пространстве

и времени, подхватывается категориями, которые выступают ему навстречу как бы из глубин сознания и приводят этот материал в соответствующие связи, имеющие обязательное значение для всех. Но это означает, что сознанию доступен только материал, попавший в сферу пространства и времени из внешней стороны объективной действительности. Поскольку этот материал выступает в виде совокупности ощущений субъекта, поскольку он упорядочивается субъективными формами априорного синтеза — пространством и временем, которые помимо субъекта не существуют, то, значит, познанию доступны только ощущения субъекта. Так как пространство, время и категории, организующие опыт, суть априорные формы синтеза, то получается, что познание располагает не знанием предметов действительности, а только явлениями, которые представляют собой продукт слияния двух факторов: лишенного формы содержания впечатлений внешнего опыта и лишенной содержания субъективной формы — пространства, времени и категорий.

Искусственная связь, установленная Кантом между внешним и внутренним опытом, идеалистическое понимание внешнего опыта как совокупности организованных пространством и временем ощущений субъекта не дали ему возможности заметить в явлениях той действительности, отражением которой они являются. Кант полагает, что сознание обнимает своими категориями только случайный материал человеческих ощущений, организованный в пространстве и времени. Поэтому «вещи в себе», или сущности предметов действительности, оказываются совершенно недоступными для познания.

Для того, чтобы познать сущность предметов действительности, полагает Кант, познание должно было бы выйти за пределы пространства и времени, за пределы категорий, что, по его мнению, невозможно. Даже если бы в явлениях являлась вещь в себе — она все равно не могла бы быть познана. Для ее познания необходимо было бы воспринять все возможные ее проявления. Разъясняя это обстоятельство, Кант пишет, что, опираясь на ощущения, мышление организует своими категориями данные чувственного опыта так, что каждое явление выступает как следствие предшествующего и так до бесконечности. Следовательно, рассуждает

он дальше, перед мышлением, стремящимся познать сущность явлений, возникает задача — сосчитать бесконечность. Если бы оно смогло это сделать, ему удалось бы дойти до такой основы, которая воплощает в себе все свои возможные проявления и выступает как ничем не обусловленное их первоначало. Но так как сосчитать бесконечность невозможно, то познание сущности явлений, по Канту, остается напрасным трудом.

Метафизически обособив формы мышления от закономерностей бытия, Кант не смог понять диалектической связи между сущностью и явлением в действительности, между формами чувственного познания и мышления. Как правильно отметил Гегель, все условия познания сущности были вогнаны Кантом в субъект, и ему ничего не оставалось, как сделать вывод о непознаваемости «вещей в себе».

Несмотря на противоречивость взглядов Канта на «вещь в себе», он при попытках опровержения идеализма Беркли все же вынужден был доказывать, что материя существует вне и независимо от познания. Внешний мир рассматривается Кантом здесь как условие внешнего и внутреннего опыта, как нечто устойчивое, существующее вне сознания. «Восприятие этого устойчивого возможно только через вещь вне меня, — пишет Кант, — а не через представление о вещи вне меня»¹⁰³

Таким образом, кантовское разделение мира на мир «вещей в себе» и мир явлений, под которыми он понимал определенный вид представлений сознания, — наглядный образец ошибочности теории познания, которая не учитывает роли практики в процессе становления форм познания (особенно категорий) и основывается на дуализме мышления и бытия.

Но несмотря на дуалистическую ошибочность взглядов Канта на сущность и явление в целом, в его теории имеются положительные идеи, касающиеся вопроса о роли категорий как методологических форм знания, при посредстве которых осуществляется обобщение чувственно-наглядного материала сознанием. Кант первый попытался исследовать роль логической формы знания в процессе его категориального синтеза, и антиномии, на которые он при этом натолкнулся, означали стихий-

¹⁰³ Э. Кант, Критика чистого разума, СПб., 1902, стр. 197

ное приближение философского мышления к пониманию сущности как единства противоположностей

Кантовское учение о сущности как «вещи в себе», возбуждающей ощущения, противоречило его учению о явлении. Утверждая, что сущность не дана в явлениях, что она находится по ту сторону явлений, Кант в то же самое время выводил явления из «вещи в себе», ибо, в противном случае, не мог быть приведен в действие весь априорный аппарат познания — пространство, время, категории. Выходит, что в учение Канта нельзя вступить, не допустив существования «вещи в себе», но в то же время в нем нельзя оставаться вместе с ней. Для устранения указанного противоречия необходимо либо отбросить учение об априорном аппарате познания — пространстве, времени и категориях — и стать на позиции материалистического монизма, либо отбросить учение о вещи в себе и стать на позиции монизма идеалистического.

Изучая Канта, Фихте заключил, что из его «вещи в себе» невозможно вывести явлений, что они выводятся у него из сознания и выступают как переживания субъекта. Разделяя точку зрения, согласно которой материя не может породить из себя движение, что самодеятельность присуща только духу, Фихте предлагает отбросить «вещь в себе» и рассматривать действительность как продукт активности сознания. Преимущества точки зрения, разработанной Фихте, состоят, по его мнению, в том, что она позволяет устранить дуализм между закономерностями «вещей в себе» и закономерностями сознания и обрести монистический принцип развития, который, на его взгляд, невозможно вывести из материи. Материалисты, пишет Фихте, «должны были показать переход от бытия к представлению, этого они не делают, да и могут ли они это сделать? Ибо в их принципе содержится только основание бытия, но не основание совершенно противоположного бытию представления. Они совершают чудовищный скачок в совершенно чуждый их принципу мир»¹⁰⁴. Для того, чтобы избежать подобного скачка, Фихте исключает вещи в себе, как такие, которые не могут породить из себя духовной деятельности. В связи с этим он смотрит на

¹⁰⁴ Г. Фихте, Избранные сочинения, т. I, М., 1916, стр. 426—427.

действительность как на продукт активности сознания и его закономерностей.

Пытаясь доказать, что условием развития всех явлений действительности из их идеальной сущности — сознания — есть процесс полагания и противопоставления противоположностей объекта и субъекта, Фихте сделал шаг, приближающий философию к пониманию, что источником развития действительности есть взаимодействие противоположностей. Однако источником активности, порождающим закономерности действительности и закономерности их познания, у него выступает не самодвижение и саморазвитие материи и не материальная практическая деятельность, а самодеятельность духа, сознания. Идеалистическое понимание вопроса о практике как субъективно-духовной деятельности, благодаря которой якобы возникают все явления действительности и формы их познания, привело его к нелепому субъективному идеализму, из которого выпадала реальная природа. Сосредоточившись на исследовании формы мышления, Фихте «потерял» его содержание.

При рассмотрении взглядов Фихте становится ясным, что он не мог правильно понять, какова на самом деле природа закономерности, выражаемой категориями сущности и явления. Сущность явлений оказалась у него «метафизически переряженный *дух* в его *оторванности* от природы»¹⁰⁵. Он только воображал, «будто . «неразрывно» связал «я» и «среду», сознание и вещь»¹⁰⁶, дух и природу «Сущность,— писал Кант,— выглядит у него чем-то вроде привидения, когда кажется, что ты его уже совсем схватил, перед тобою не оказывается никакого предмета, кроме самого себя, видишь перед собой только протянутую руку, хватающую привидение. Остается только самосознание и только согласно формальному мышлению без материи, следовательно, без того, на что может быть направлена мысль и что выходит за пределы логики»¹⁰⁷.

Субъективный идеализм Фихте, охватывавший лишь законы сознания, а отнюдь не реальной действительности, был совершенно непригоден при попытках истол-

¹⁰⁵ К Маркс, Ф Энгельс, Соч, т 2, стр 154

¹⁰⁶ В И Ленин, Соч, т 14, стр 57

¹⁰⁷ Э Кант, Письмо к Трифгунку от 6 февраля 1798 года, см Kants Werke, Berlin, 1923, В X. s 345

кования явлений природы, находящихся вне пределов сознания субъекта Поэтому Шеллинг, пытавшийся обобщить достижения естествознания своего времени в единой всеохватывающей системе, стремится создать философию, позволяющую охватить не только закономерности познавательной деятельности, но и закономерности природы Результатом этой попытки была так называемая философия тождества, представлявшая собой своеобразную систему монистического объективного идеализма.

Шеллинг стремился найти такое «начало» явлений, которое стояло бы выше противоположности объекта и субъекта, природы и сознания Сознание и явления природы должны, по мнению Шеллинга, быть производными единой, общей для них сущности. На его взгляд, если будет установлено, что в основе явлений бытия и мышления лежит одна и та же сущность, то преодолевается дуализм сознания и природы, обосновывается тождество законов природы и законов мышления, доказывается, что природа познаваема силами человеческого разума В качестве такой сущности, разворачивающей из себя всю совокупность возможных явлений, Шеллинг принимает некую абсолютную сущность Определяя эту сущность, он пишет «Мы определили абсолютное как нечто, что по своей сущности не идеально и не реально, не мышление и не бытие. По отношению же к вещам оно необходимо то и другое с одинаковой бесконечностью, ибо, как мы говорили, по отношению к нему все, что существует, идеально, будучи реальным, и реально, будучи идеальным»¹⁰⁸.

Если все производное абсолютной сущности — идеально, будучи реальным, и реально, будучи идеальным, то и она сама есть нечто идеальное Поэтому не случайно Шеллинг называет ее впоследствии абсолютным разумом Он пишет: «Я называю разумом абсолютный разум или разум, поскольку он мыслится, как совершеннейшая индифференция субъективного и объективного»¹⁰⁹. Будучи индифференцией субъективного и объек-

¹⁰⁸ Шеллинг, *Философские исследования о сущности человеческой свободы*, Бруно или о божественном и естественном начале вещей, СПб, 1908, стр. 99

¹⁰⁹ F. W. I. v. Schelling, *Werke*, B II, Leipzig, 1907, стр. 318.

тивного, абсолютная сущность, которую Шеллинг называет также субъект-объектом, выступает как возможность явлений природы и духа, содержащихся в ней не актуально, а потенциально.

Конкретные явления в ней неразличимы, слиты в бесконечное единство, и поэтому их там актуально нет, почему они и недоступны познанию. Для того чтобы они стали доступными последнему, необходимо их оформление или дифференциация.

На взгляд Шеллинга, это оформление осуществляется благодаря тому, что абсолютная сущность в своем стремлении раскрыть себя потенцируется, образуя непрерывный ряд своих частных телесных порождений. Каждое из таких порождений выступает как конечная форма ее телесного бытия, как видимое явление, в котором содержится определенная часть абсолютной сущности. Он пишет: «Плоть, или телесность вообще есть форма объективации бесконечного в конечности, как форма явления вещи в себе или сущности. Поскольку идеи, внедренные в конечность в этой объективации становятся явлением, они необходимо телесны; но поскольку в этом относительном тождестве, как в форме, отражается все целое, они и в явлении остаются идеями и, следовательно, образуют тела, которые суть в то же время миры, т е мировые тела. Таким образом, система мировых тел есть не что иное как видимое, познаваемое в конечности царство идей»¹¹⁰

Поскольку Шеллинг пишет о конечных явлениях как о внедренных в конечную объективацию идеях, то, следовательно, каждое из непрерывного ряда явлений, вытекающих из бесконечного абсолюта, представляет собою некий конечный субъект-объект, находящийся вне абсолюта, так как в последнем указанные явления неразличимы.

Поскольку абсолютная сущность полагает множество конечных потенций, каждая из которых отличается от других своим количественным отношением идеального и реального, возникают ряды потенций абсолютной сущности. Ряд, в котором объективность преобладает над субъективностью, называется реальным. Тот же ряд, где субъективность преобладает над объективно-

¹¹⁰ Цит по кн К Фишер, История новой философии, т 7, СПб, 1905, стр 503

стью, называется идеальным. В целом оба ряда составляют количественную индифференцию объективного и субъективного, так как они относятся друг к другу как равные противоположные величины.

Шеллинг считает, что реальный ряд потенциалов абсолютного образует продукты природы (бытия), а идеальный — продукты духа (познание).

Но что же понуждает сущность как неразличенное тождество объективного и субъективного, идеального и реального стремиться к саморазличию, к полаганию количественно отличающихся друг от друга явлений? Если «формы субъект-объективности не существуют реально, когда количественных различий не существует между той и другой сторонами»¹¹¹, и если в абсолюте, из которого указанные различия возникают, их нет, то каким образом они появляются? Шеллинг понимал, что это важнейший вопрос, от ответа на который зависит вся его система. Так, в диалоге «Бруно» он писал по этому поводу, что «найти точку соединения не есть еще самое главное, самое важное это вывести из нее противоположности; это и есть настоящая и глубочайшая тайна»¹¹².

Пытаясь проникнуть в указанную тайну, Шеллинг пришел к выводу, что «от абсолютного к действительному нет никакого перехода, происхождение воспринимаемого мира мыслимо только лишь как полный отрыв от абсолютного, осуществляющийся путем прыжка»¹¹³.

В связи с выводом Шеллинга, что от абсолютной сущности к миру видимых форм бытия нет никакого перехода, он становится на позицию, согласно которой должно быть признано отсутствие связи между сущностью и ее явлениями. Это не позволяет дать ответ на вопрос, какими путями человеческое знание приходит к постижению абсолюта. Пытаясь осветить указанный вопрос, Шеллинг утверждал, что «абсолютное полагается-де не постигать в понятии, а чувствовать или созерцать; не понятие его, а чувство его и интуиция должны-де взять слово и высказаться»¹¹⁴. Таким образом, как

¹¹¹ F W I v Schelling, Werke, B 2, Leipzig, 1907, стр. 329

¹¹² Там же, стр. 532

¹¹³ F W I v Schelling, Sämmtliche Werke, B 6, Stuttgart, 1860, стр. 38

¹¹⁴ Гегель, Соч., т. IV, стр. 4

подметил Гегель, согласно Шеллингу, «не на понятие, а на экстаз, не на холодно развертывающуюся необходимость дела, а на бурное вдохновение должна-де опираться субстанция, чтобы все шире раскрывать свое богатство»¹¹⁵.

Гегель отмечает, что, выдвинув идею об абсолютной сущности и не показав путей, идя по которым последнюю можно постичь, Шеллинг не разрешил проблемы. «Там, где мы желаем видеть дуб с его могучим стволом, с его разросшимися ветвями, с массой его листы, мы выражаем неудовольствие, когда вместо него нам показывают желудь»¹¹⁶. Гегель намекает на то, что Шеллинг указал только зародыш, из которого благодаря саморазвитию должно совершаться развертывание сущности путем ее конечных воплощений в видимые явления, и не заметил заключенного в этом зародыше принципа, благодаря которому только и возможно указанное развитие. «На мой взгляд,— пишет он,— который должен быть оправдан только изложением самой системы, все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*»¹¹⁷.

Таким образом, Гегель дополняет шеллингианскую абсолютную сущность принципом саморазвития, на который опирался Фихте в своей теории о самодеятельности субъекта, развивающегося путем полагания и снятия противоположностей.

Мысля субстанцию как субъект, который «никогда не пребывает в покое, а вовлечен в непрерывное движение вперед»¹¹⁸, Гегель пишет. «Живая субстанция.. есть бытие, которое поистине есть *субъект*, или, что то же самое, которое поистине есть действительное бытие лишь постольку, поскольку она есть движение самоутверждения, или поскольку она есть опосредствованное становление для себя иною. Субстанция как субъект есть чистая и *простая негативность*, и именно поэтому она есть раздвоение простого, или противопоставляющее удвоение, которое опять-таки есть негация этого равнодушного различия и его противоположности; только это

¹¹⁵ Гегель, Соч., т. IV, стр. 4.

¹¹⁶ Там же, стр. 6.

¹¹⁷ Там же, стр. 9.

¹¹⁸ Там же, стр. 6.

восстанавливающееся равенство или рефлексия в себя самое в инобытии, а не некоторое *первоначальное* единство как таковое или *непосредственное* единство как таковое,— есть то, что истинно Оно есть становление себя самого, круг, который предполагает в качестве своей цели и имеет началом свой конец и который действителен только через свое осуществление и свой конец»¹¹⁹ Из этой характеристики абсолютной сущности видно, что Гегель выступает против ее понимания как пустого тождества и считает, что она есть «продукт далеко простирающегося переворота многообразных форм», который «достигается чрезвычайно извилистым путем и ценой столь же многократного напряжения и усилия»¹²⁰. Сущность, по мнению Гегеля, есть понятие целого, которое, путем перевоплощения в разнообразные пространственно протяженные конечные формы, обогащается содержанием и возвращается к самому себе на новом уровне. Он пишет. «Это начало есть целое, которое возвратилось в себя из временной последовательности, как из своего пространственного протяжения, оно есть образовавшееся *простое понятие* этого целого»¹²¹.

Понимая сущность как субъект, развивающийся путем полагания и снятия в высшем единстве противоположностей, Гегель предпринимает грандиозную попытку разработки системы философии, которая, по его замыслу, должна была теоретически разрешить вопрос и о том едином основании, благодаря которому законы бытия и закономерности мышления выступают как тождественные, и о том, как из единой сущности, представляющей собой единство борющихся противоположностей, осуществляется процесс развертывания конечных явлений природы и человеческой мысли.

Новый аспект рассмотрения сущности как единства противоположностей позволяет Гегелю поставить проблему о методе развертывания явлений и о тех формах, в которых указанное развертывание осуществляется. Эти формы он называет категориями.

Характеризуя процесс самополагания идеальной сущностью явлений действительности и беря в качестве

¹¹⁹ Гегель, Соч, т IV, стр 9

¹²⁰ Там же, стр 6

¹²¹ Там же.

сущности понятие, Гегель рассматривает его как зародыш, который в процессе развития во взрослый организм перевоплощается в разнообразные конечные формы своего промежуточного бытия, обогащаясь на каждой ступени новым содержанием. Изображая этот процесс развития, он пишет: «Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в тоже время *моментами органического единства* (курсив наш.— Ю. Б.), в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой, и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого. суть дела исчерпывается не своей *целью*, а своим *осуществлением*, и не *результат есть действительное* целое, а *результат* вместе со своим становлением»¹²². Таким образом, получается, что сущность как целое обнаруживается только через ряд своих видимых проявлений в конечных формах, каждая из которых является следствием предшествующего развития и основанием будущего. Указанное развитие протекает путем полагания и снятия на высшем уровне противоположностей, разворачивающихся как отрицание отрицания.

Абсолютное понятие развивается у Гегеля по вполне определенному направлению, которое им заранее предполагается, и он фактически не выводит, а конструирует свою систему. На его взгляд, абсолютное понятие должно развиваться в направлении порождения явлений природы, а затем человеческого мышления, постигающего в явлениях природы указанное понятие как их сущность. Чтобы стать субъектом и возвыситься до самосознания, дух должен сам себя найти в природе. Поэтому природа, а затем и человек с его мышлением становятся у Гегеля необходимыми формами развития понятия.

О необходимости сотворения абсолютным понятием природы Гегель говорит так, что ясно видно мотивы, которые побуждают его провозглашать происхождение по-

¹²² Гегель, Соч., т. IV, стр. 2

следней «Почему бог определил сам себя сотворить мир? — спрашивает он, — если бог всецело довлеет в себе, ни в чем не имеет нужды, то как он приходит к тому, чтобы решиться сотворить нечто совершенно неподобное ему? Отвечаем божественная идея именно и состоит в том, что она решается извести из себя это иное и снова втянуть его в себя, чтобы стать субъективностью и духом»¹²³.

Убеждение в том, что общее есть мысль, так как оно познается только силами разума, а также предубеждение против того, что материя способна породить сама из себя движение, заставило Гегеля встать на позиции идеалистического монизма при решении вопроса о соотношении сущности и явления в бытии и познании. Именно поэтому для решения вопроса о соотношении сущности и явления, о постижении сущности через ее видимые обнаружения, о том, как сущность полагает явления, Гегель взял за исходный момент не диалектику материального мира, а абстракцию движения, т. е. движение познания, мышления, которое казалось ему самодвижущейся, независимой от сознания человека сущностью видимых предметов. Поэтому он понимает категории не только как логические формы объективного содержания знания, но и как ступени развития абсолютной сущности. Здесь у Гегеля ярко выступает упоминавшаяся нами рациональная мысль Аристотеля о том, что все категории, кроме сущности, являются предикатами, раскрывающими ее содержание. Сама же сущность выступает в качестве их субъекта. На взгляд Гегеля, без категорий как ступеней ее развития сущность уподобляется лишенному всяческих различий шеллингианскому абсолюту, из которого нельзя развернуть богатства возможного содержания и который нельзя познать.

Руководствуясь тем, что лишь дух обладает способностью самодвижения, Гегель изображает материальные явления как нечто застывшее, неподвижное. По его мнению, наблюдаемая в природе последовательность явлений обусловлена не материей, а внедрившимся в нее понятием. Она «существует только во внутренней идее, лежащей в основе природы»¹²⁴, пишет Гегель. При этом он считает, что явления природы не могут развиваться

¹²³ Гегель, Соч., т. II, стр. 20

¹²⁴ Гегель, Философская пропедевтика, М., 1927, стр. 164

во времени, что они существуют только в пространстве, что «при всем бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется... Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое»¹²⁵. Целью явлений природы, считает он, есть стремление «умертвить самое себя и прорвать свою кору непосредственности, чувственности, сжечь себя как феникс, чтобы, омолодившись, выйти из этого внешнего бытия в виде духа»¹²⁶.

Гегель «заставляет» абсолютное понятие последовательно реализовать свое содержание вначале в виде системы категорий логики, затем отпустить себя в явления природы с тем, чтобы вывести оттуда новую форму — субъективный дух, в котором абсолютная идея постигает себя в форме понятий

Поскольку познание понимается Гегелем как процесс осознания в явлениях бытия тех логических законов, которым соответствуют категории, а категории рассматриваются как формы выражения отдельных сторон сущности, он делает якобы обоснованный вывод, что знание есть понятие, которое имеет предметом самого себя и постигает самое себя. Ему кажется, что в его системе доказано, что мышление «составляет не только субстанцию внешних вещей, но также и всеобщую субстанцию духовного оно (мышление.— Ю Б), — как говорит Гегель, — выходит за пределы всех их и составляет основу всего»¹²⁷.

В том, что познающее мышление не выходит за пределы духовности, а находится в ней самой, Гегель видел условие истины и основу возможности познания сущности явлений. Познающее мышление схватывает в явлениях не нечто противоположное себе, а собственно себя же. Поэтому Гегель был принципиальным противником агностицизма и подвергал критике кантовское противопоставление сущности явлению.

Если Кант рассматривал сущность как нечто абсолютно противоположное явлению, как вещь в себе, недоступную для познания, то Гегель решительно восстает против отрыва явления от сущности, против идеи

¹²⁵ Гегель, Соч, т VIII, стр 51—52

¹²⁶ Гегель, Соч, т II, стр 548

¹²⁷ Гегель, Соч, т I, стр 53.

о ее непознаваемости. Он указывает, что сущность и явление есть единство противоположностей, и изображает их как необходимое отношение внешней и внутренней сторон действительности. Подчеркивая единство сущности и явления, Гегель говорит, что «внешнее есть *то же самое содержание*, что и внутреннее. То, что внутренне, налично также внешне, и наоборот. Явление не показывает ничего такого, чего не было бы в сущности, и в сущности нет ничего, что не проявлялось бы»¹²⁸. «Быть лишь явлением, — это собственная природа самого непосредственного предметного мира, и, познавая его как явление, мы, следовательно, познаем вместе с тем сущность, которая не остается скрытой за явлением или по ту сторону его, а именно тем-то и проявляет себя сущностью, что она его низводит на степень явления»¹²⁹.

При этом явление у Гегеля — внешняя, доступная непосредственному усмотрению через чувственное восприятие сторона объективной действительности, ее внешние связи и отношения, а сущность — недоступная чувствам, постигаемая лишь мышлением, внутренняя ее сторона, составляющая основу общего в предметах, основу их единства и взаимодействия.

Здесь следует оговориться относительно понимания Гегелем роли чувственного опыта в познании. О том, что он признавал роль чувств в познании явлений действительности, свидетельствует, например, следующее высказывание его по этому вопросу «*Все содержится в ощущении*, и, если угодно, все выступающее в сознании духа и в разуме, имеет в ощущении свой *источник* и свое *первоначало*, ибо источник и первоначало и не обозначают ничего иного, как тот самый первый непосредственный способ, в котором нечто проявляется»¹³⁰. Но чувственность понимается Гегелем лишь как ступень, как форма саморазвивающегося мышления на его пути к «абсолютному знанию». Он считает, что объект есть не что иное как мысль, воплощенная в форму понятия.

Чувственность у Гегеля — это первая ступень познания, которая раскрывает нам внешнюю сторону материализовавшейся идеальной сущности, в частности, лишь один ее момент, который называется явлением. Но по-

¹²⁸ Гегель, Соч., т. I, стр. 232

¹²⁹ Там же, стр. 222

¹³⁰ Гегель, Соч., т. III, стр. 107

знание, по Гегелю, не останавливается на явлениях. Оно ведет нас дальше, к мысленному постижению связанной в одно целое с явлением внутренней стороны действительности, к познанию того, что внутренняя основа вещей есть сама мысль, обличенная в форму понятия. Гегель пишет об этом так: «Поднявшись за пределы восприятия, сознание выступает сомкнутым со сверхчувственным через посредство явления как среднего термина, сквозь который оно устремляет взор в этот задний план. Оба крайних термина, один — чистого «внутреннего», другой — «внутреннего», проникающего взором в это чистое «внутреннее», теперь совпали, и подобно тому, как они исчезли в качестве крайних терминов, исчез и средний термин в качестве чего-то иного, нежели они. Итак, эта завеса, скрывавшая «внутреннее», сдернута, и налицо лицемерие «внутреннего» во «внутреннем» — лицемерие *неразличенного* одноименного, которое отталкивает себя само и устанавливает себя в качестве *различенного* «внутреннего», но для которого столь же непосредственно есть *неразличенность* обоих, — [налицо] *самосознание*. Выясняется, что за так называемой завесой, которая должна скрывать «внутреннее», нечего видеть, если *мы* сами не зайдем за нее, как для того, чтобы тем самым было видно, так и для того, чтобы там было что-нибудь, на что можно было бы смотреть»¹³¹

Отсюда видно, что внутренняя сторона, внутренняя связь явлений объективной действительности представляет собою, по Гегелю, нечто мысленное, идеальное, понятийное. Он так и пишет: «Сущность есть понятие, которое представляет собою только *положенное* понятие»¹³²

Выходит, что, преодолев ограниченность чувственного познания, связанного с отражением видимых явлений, в которых застывшая, неподвижная материальная оболочка прикрывает сущность, осуществив переход к такой форме познания как понятие, субъективное сознание сливается с заключенным внутри явлений объективным сознанием — сущностью предметов, — в котором оно находит родственное себе внутреннее содержание. Благодаря этому абсолютное понятие срывает скосы-

¹³¹ Гегель, Соч., т. IV, стр. 92

¹³² Гегель, Соч., т. I, стр. 191

вающую его раньше оболочку и сливается с самим собой

Рассматривая сущность как то общее, что заключено в единичных явлениях, конечных во времени и пространстве, как единство их внутренних связей, подчеркивая ее познаваемость через явления и нераздельную сращенность с внешней стороной, с совокупностью внешних связей предметов, выступающих как ее реальное обнаружение, Гегель сделал крупнейший шаг в понимании категорий сущности и явления и их диалектики. Он показал, что сущность есть единство противоречий тождества и различия, дал первую классификацию противоречий, показал, что сущность разворачивает все богатство своих явлений благодаря диалектике указанных противоречий. Он исследовал все основные категории диалектики и привел их в своеобразную систему, сформулировал основные диалектические законы развития и др.

Однако идеалистическое решение основного вопроса философии привело его к принципиально неправильно-му истолкованию объективной закономерности, выражаемой категориями сущности и явления. Работая над проблемой, которая была предметом усилий многих поколений философов, Гегель видел, что «наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собою»¹³³, ибо этот факт является бес-сознательной и безусловной предпосылкой теоретического мышления. В противовес материалистам-сенсуалистам, которые исследовали указанную предпосылку только со стороны ее содержания, Гегель, продолжая усилия рационалистов, гениально исследовал эту предпосылку со стороны формы и раскрыл основные закономерности познания. Отмечая это обстоятельство, Энгельс писал «если материалисты, особенно материалисты XVIII века, ограничивались доказательством, что содержание всякого мышления и сознания должно происходить из чувственного опыта, и по существу пренебрегали исследованием диалектических закономерностей формы мышления, то новейшая «идеалистическая, по вместе с тем и диалектическая философия — и в особен-

¹³³ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 213

ности Гегель — исследовали эту предпосылку также со стороны *формы*. Несмотря на бесчисленные произвольные построения и фантастические выдумки, которые здесь выступают перед нами, несмотря на идеалистическую, на голову поставленную форму ее результата — единства мышления и бытия, — нельзя отрицать того, что эта философия доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных областей, аналогию между процессами мышления и процессами природы и истории — и обратно — и господство одинаковых законов для всех этих процессов»¹³⁴.

В признании активности человеческого сознания — одна из существенных сторон рационального зерна идеалистической диалектики. Но это рациональное зерно было скрыто за мистифицирующей оболочкой идеалистического решения основного вопроса философии. Для того чтобы сорвать эту оболочку и обнаружить положительное, что имелось в диалектическом идеализме, нужно было проделать огромную теоретическую работу. Эту работу пытался выполнить выдающийся из домарксовских материалистов — Людвиг Фейербах.

Как известно, Фейербах отбросил идеализм Гегеля и восстановил материализм в его правах. Он снова ввел в философию вместо гегелевского понятия «бытие» понятие «материальная природа», а вместо его понятия «идея» — понятие «человек». Материалистически решая вопрос об отношении природы и мышления, Фейербах, однако, и бытие и мышление человека, равно как и отношения между ними, понимал метафизически. Поэтому он не мог дать правильного диалектического решения вопроса о природе, о происхождении и роли логической формы — категорий познания.

Как созерцательный материалист Фейербах был убежден в том, что сущность отражается в человеческом сознании в мертво-зеркальной форме, и не понимал роли логической формы — категорий в постижении сущности, а также вопроса об их происхождении. Критикуя Гегеля за идеализм в понимании сущности, он сам пытался выдать такой общий всем людям признак, как мышление, осуществляющееся в форме понятий, за сущность человека. Это объяснялось тем, что Фейербах не

¹³⁴ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 213.

смог противопоставить логике диалектико-идеалистического понимания сущности и явления их диалектико-материалистическое понимание

Правильное, диалектико-материалистическое истолкование категорий сущности и явления было дано только основоположниками марксистской философии, которые критически переработали идеалистическую диалектику Гегеля, обобщили новейшие достижения естествознания своего времени и опыт социально-экономического развития при его разработке

ГЛАВА II

МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О СОДЕРЖАНИИ КАТЕГОРИЙ СУЩНОСТИ И ЯВЛЕНИЯ

Как было показано в первой главе, представители философии до возникновения в ней диалектического материализма, не могли дать правильное истолкование категориям сущности и явления. Для этого необходим был не метафизический и идеалистический подход к вопросам об отношении закономерностей бытия и мышления, о единстве мира, о понимании характера его движения и поступательного развития, а диалектико-материалистический. Диалектико-материалистическое решение вопроса о соотношении бытия и мышления, о материальном единстве мира и истолкование процесса развития как непрерывного восходящего движения материальной действительности, происходящего путем борьбы противоположностей, — важнейшая предпосылка правильного понимания категорий сущности и явления вообще.

Обобщая опыт социально-экономического развития, новейшие достижения современного им естествознания и критически перерабатывая наследство прогрессивной философской мысли, классики марксизма решили вопрос об отношении закономерностей бытия и мышления в духе диалектико-материалистического монизма, разработали диалектико-материалистическую теорию о единстве мира, о его движении и развитии.

В соответствии с диалектико-материалистическим монизмом, единство мира обусловлено материей, выступающей в виде многообразия предметов и процессов действительности, находящихся в непрерывном взаимо-

действии друг с другом, движении и восходящем диалектическом развитии. Взаимодействие различных форм бытия материи и ее поступательное развитие обуславливает наличие в фундаменте самого здания материи способности отражения, которая приобретает наиболее полное развитие, когда возникает высшая форма организации материи — человеческий мозг. Мышление, следовательно, рассматривается в диалектическом материализме как продукт развития материи, как свойство высокоорганизованной формы материальной реальности, взаимодействующей с ее другими формами бытия. Благодаря такому решению вопроса о соотношении мышления и бытия, закономерностей познания и материальной действительности, абсолютная противоположность между ними полностью исключается. Поэтому Ф. Энгельс писал о том, что с прогрессом науки, с научным доказательством единства мира становится все невозможней «бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом»¹³⁵. Если поставить вопрос, — пишет Ф. Энгельс, — «что же такое мышление и сознание, откуда они берутся», то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собой разумеется, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже и продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей»¹³⁶.

Диалектико-материалистическое понимание *единства мира*, которое состоит в его материальности, *материи* как объективной реальности, находящейся в непрерывном движении и поступательном развитии, и *мышления* как свойства высокоорганизованной формы материи позволяет дать научно правильное обоснование способности мышления отражать бытие и его закономерности. Опираясь на указанные положения, марксистская философия доказала, что мышление и такие его формы, как категории, представляют собой отображение определенных объективных закономерностей действительности. Следовательно, они не извечно присущи сознанию и не возникают самопроизвольно, а постепенно формируются на

¹³⁵ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 141

¹³⁶ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1948, стр. 34

основе общественно-исторической практики — этой высшей формы взаимодействия материальных объектов, которая обуславливает единство закономерностей мышления и закономерностей бытия. Такое решение вопроса позволяет диалектическому материализму преодолеть дуалистическую противоположность между мышлением и бытием, которая оказалась не по плечу предшествующей философии.

Из диалектико-материалистического понимания мышления как отражения объективной реальности и ее закономерностей вытекает, что для правильного истолкования специфики категорий последние необходимо соотносить с закономерностями материальной реальности, которые в них отображаются. Только так оказывается возможным установить, насколько содержание категорий совпадает с отражающимися в них закономерностями материального мира. В связи с этим возникает необходимость в относительном противопоставлении закономерностей объективной действительности, отражаемых соответствующими категориями, и содержания категорий, отобразивших указанные закономерности в специфической субъективной форме. Указанное противопоставление становится возможным благодаря тому, что с возникновением мыслящего мозга, который осуществляет процесс отражения действительности, единый материальный мир рассекается на две противостоящие друг другу области — область объективного, материального, и область субъективного, идеального, где второе есть производное от первого. Если упускается из виду, что названное противопоставление возникает исторически и имеет смысл только в рамках гносеологических исследований, что за пределами последних оперировать с противоположностью материи и духа было бы ошибкой, появляются нежелательные логические несообразности и противоречия. Они состоят в том, что абсолютизация противоположности мышления и бытия и ее распространение за пределы гносеологических исследований делает невозможным понимание вопроса, почему идеальное оказывается способным отражать материальное, почему, следовательно, категории мышления оказываются отражением определенных закономерностей материального мира. Как было показано в первой главе, подобную ошибку делал Кант. Его основополагающий принцип,

что материя и мышление находятся между собой в абсолютной противоположности, привел к тому, что он вынужден был сделать вывод о непознаваемости сущности явлений действительности

Рассматривая мышление как свойство высокоорганизованной материи, исторически возникающее на определенной ступени ее развития, диалектический материализм обосновывает единство мира, единство природы объекта отражения и отражающего этот объект мышления. Тем самым преодолевается всякий дуализм мышления и бытия, доказывается способность мышления отражать бытие, естественность отражательного процесса.

Но, преодолевая дуализм, марксистская философия принимает во внимание и исторически сложившуюся противоположность между бытием и его отражением в рамках гносеологических исследований. В этих рамках мышление и его категории противостоят бытию и его закономерностям, которые наполняют первые соответствующим содержанием. Поскольку закономерности бытия наполняют категории мышления определенным объективным содержанием, при выяснении специфики последнего категории необходимо рассматривать в двух аспектах — в логическом и онтологическом.

Онтологический аспект мышления и его категорий предусматривает их исследование со стороны тех объективных закономерностей бытия, которые составляют своеобразное содержание категорий мышления. Логический аспект предполагает их рассмотрение со стороны того идеального содержания категорий, которое играет такую важную методологическую роль в познавательном процессе. Таким образом, если в первом случае речь должна идти об объективных закономерностях материальной действительности, существующих независимо от мышления и становящихся содержанием соответствующих категорий, то во втором случае — об идеальной форме этого содержания, о закономерностях объективной действительности, перенесенных в голову человека и ставших там определенными закономерностями мысленного постижения мира.

Применительно к категориям сущности и явления онтологический подход означает, что их необходимо рассматривать со стороны той объективной закономерности, которая отражается в этих категориях и, взятая незави-

симо от них, выступает в виде определенных устойчивых связей, сторон и отношений бытия. Логический подход к категориям сущности и явления означает, что их необходимо рассматривать как идеальное отражение объективных закономерностей действительности, в котором они выступают в виде определенных устойчивых связей, сторон и отношений между субъективными образами сознания.

Так как категории — это наиболее общие понятия и вместе с тем основные определения форм бытия и отношений вещей, выражающие универсальные формы обобщения действительности и знания о ней, то, естественно, что каждая категория мышления соответствует какой-либо из многочисленных закономерностей, какому-либо из многочисленных типов связей, отношений и сторон действительности, образующих ее содержание. Как мы отметили, среди указанных закономерностей и многочисленных типов связей, отношений и сторон бытия имеются такие, которые составляют специфическое содержание категорий сущности и явления. Раскрытие специфики этих закономерностей, связей, отношений и сторон бытия, установление особенностей, отличающих их от тех закономерностей, отношений, сторон и связей, которые составляют содержание других категорий, будет означать исследование объективного содержания категорий сущности и явления. При этом имеется в виду, что закономерность связей, отношений и сторон, которые отражаются в категориях сущности и явления, одна и та же во всех без исключения предметах и процессах действительности, если последние выступают как организованное целое. Так, скажем, конкретное содержание сущности рабовладельческого способа производства отличается от конкретного содержания сущности жизни. Но объективная закономерность связей, сторон и отношений между сущностью рабовладельческого общества и его явлениями, с одной стороны, и сущностью жизни и ее явлениями, с другой, совершенно одна и та же. Сущность рабовладельческого способа производства и сущность жизни в логике отношений их явлений обнаруживают общность содержания — быть сущностью указанных явлений, определенным закономерным способом их связей. Указанная закономерность, ее отражение сознанием и есть предмет нашего исследования.

При исследовании содержания категорий диалектического материализма весьма важным вопросом есть его определение. Каждая категория материалистической диалектики является сгустком знаний о важнейших закономерностях материального мира и его познания. Поэтому, естественно, что для определения всей полноты содержания той или иной категории совершенно недостаточно краткой формулировки, которая должна как бы в сжатом виде выражать все богатство заложенного в ней содержания. Во всяком случае нельзя начинать исследование с определения. Для раскрытия содержания предмета исследования фактически необходим целый ряд последовательных определений. Каждое из них должно выражать характерные особенности содержания исследуемой категории, те многообразные отношения, стороны и связи в материальной действительности, которые составляют ее объект. Классики диалектического материализма отмечали лишь относительную ценность, условность определений, которые дают в сокращенном до предела виде многообразное, сводя его к самому существенному. Ленин указывал, что краткие подытоживающие логические определения не могут полностью охватить всех связей, всего содержания определяемого предмета в их самобытном диалектическом развертывании. Он ссылаясь при этом на Ф. Энгельса, отмечавшего, что единственно приемлемой формой было бы развитие существа дела, из которого определение вытекало бы само собой. Нам представляется, что это замечание Ф. Энгельса относится также и к определениям содержания категорий сущности и явления. Но, начиная исследование, все же нельзя пройти мимо того понимания содержания этих категорий, которое распространено в современной марксистской литературе по этому вопросу. Анализ определений содержания названных категорий, принятых в марксистской литературе, свидетельствует о широком распространении мнений, что сущность — это *внутренняя сторона, внутренние связи* действительности. Явление же — это *внешняя сторона, внешние связи* материальной реальности.

Например, в статье «Сущность и явление», помещенной в Большой Советской Энциклопедии, написано:

«Сущность и явление — соотносительные философские категории, отражающие внутреннюю и внешнюю стороны действительности и их взаимосвязь. Сущность представляет собой внутренние, глубинные связи и отношения класса явлений, явление есть внешнее выражение сущности»¹³⁷.

Мысль о том, что категории сущности и явления соответствуют внешним и внутренним связям, внешней и внутренней сторонам действительности, содержится и в книге «Основы марксистской философии». Там сказано «Под сущностью понимаются внутренние, устойчивые связи. Сущность как внутреннее противопоставляется внешней, изменчивой стороне действительности. Когда говорится, что *явление* — это внешнее, а *сущность* — внутреннее, то внешнее и внутреннее противопоставляются друг другу»¹³⁸.

Подобное понимание этих категорий мы находим и в книге «Категории материалистической диалектики», подготовленной кафедрой философии Ярославского государственного пединститута им Ушинского. В частности, там говорится, что «сущность есть внутренняя, относительно устойчивая сторона объективной действительности, скрытая за поверхностью явлений и выражающаяся в них. Явление есть внешняя, более подвижная и изменчивая сторона объективной действительности, представляющая собой форму выражения сущности»¹³⁹.

Некоторым упущением в приведенных определениях является, на наш взгляд, то, что в них не подчеркивается различие между диалектико-материалистическим пониманием содержания сущности и явления и его идеалистическим пониманием. По-видимому, в определении сущности и явления необходимо отметить характер понимания объективной реальности, выражаемой этими категориями, с тем, чтобы провести различие между материалистическим и идеалистическим истолкованием указанных категорий. Если под объективной действительностью понимается действительность материальная (что несомненно имеют в виду авторы приведенных определений),

¹³⁷ Большая Советская Энциклопедия, т. 41, стр. 352

¹³⁸ Основы марксистской философии, Госполитиздат, 1958, стр. 203

¹³⁹ Категории материалистической диалектики, Госполитиздат, 1956, стр. 64

ний), то эти определения можно рассматривать как правильное, но наиболее общее выражение содержания категорий явления и сущности.

К несомненным же недостаткам приведенных определений относится то, что в этих определениях остается нераскрытым содержание определяющих родовых понятий «внутреннее» и «внешнее», к которым относится видовое различие — понятия «связи» и «стороны». Это приводит к трудностям при определении специфики связей и сторон действительности, которые отражаются категориями сущности и явления, их отличия от связей и сторон этой действительности, отражаемых другими категориями.

Недостатки названных определений содержания категорий сущности отмечены некоторыми советскими авторами работ по диалектическому материализму. Так, например, приведя одно из таких определений сущности и явления, М. Н. Руткевич пишет, что «от внимательно-го читателя, однако, не может укрыться недостаточность этих определений, ибо после того как сущность определена как *внутреннее*, а явление — как *внешнее*, надо определить, *что* такое внутреннее и *что* такое внешнее, и эта задача равнозначна задаче определения сущности и явления»¹⁴⁰.

Сомнительно было бы согласиться, что задача определения внешнего и внутреннего «равнозначна задаче определения сущности и явления». Понятия внешнего и внутреннего используются также при определении содержания других категорий, и поэтому определить их содержание — еще не означает определить содержание категорий сущности и явления. Мы, например, определяем через внешнее и внутреннее такие категории, как случайность и необходимость, которые по своему содержанию отличаются от категорий сущности и явления. Например, в «Кратком философском словаре» необходимость определяется как «то, что вытекает из внутренних связей и отношений между вещами»¹⁴¹, а случайность как «то, что вытекает не из внутренних связей и отношений предметов»¹⁴². Отсюда уже видно, что выполнение

¹⁴⁰ М. Н. Руткевич, Диалектический материализм, Соцэ-гиз, 1959, стр. 560

¹⁴¹ Краткий философский словарь, М., 1955, стр. 325

¹⁴² Там же.

задачи определения содержания внешнего и внутреннего еще не означает определения содержания категорий сущности и явления. Кроме выяснения содержания внешнего и внутреннего, при попытках определить содержание категорий сущности и явления необходимо главным образом указать на специфику тех внешних и внутренних связей и сторон объективной действительности, которые отражаются этими категориями, на их отличие от внутренних и внешних связей, определяющих содержание других категорий, например, необходимости и случайности.

Однако, несмотря на то, что при раскрытии содержания категорий явления и сущности выяснение содержания внешнего и внутреннего еще не дает окончательного решения поставленного вопроса, оно все же является основным условием такого решения. Об определяющем значении правильного понимания внешнего и внутреннего при выяснении содержания категорий сущности и явления свидетельствует то обстоятельство, что классики марксизма-ленинизма почти всегда употребляли в своих произведениях понятия сущности и явления для выделения определенной внутренней стороны предметов действительности, взятой в ее отношении с их внешней стороной, для вычленения определенных внешних и внутренних связей в предметах. Об этом свидетельствует анализ соответствующих мест из их произведений.

О том, что категория «сущность» употреблялась Марксом для выделения внутренней стороны, внутренних связей предметов действительности, видно из его высказываний в «Теориях прибавочной стоимости», где он пишет по поводу товаров, что они как «..различные разнородные вещи должны рассматриваться как соответственные воплощения, выражения одного и *того же общего единства*, элемента, который совершенно отличен от их натурального существования или явления»¹⁴³. Указывая на труд как на «элемент», который приводит к единству различные вещи, наделяет их свойствами быть товарами и в то же самое время совершенно отличается от натурального существования этих вещей, Маркс пишет, что «количество заключенного в товарах труда лишь потому служит *имманентным мерилom их величины стои-*

¹⁴³ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, Партиздат, 1936, стр. 98—99.

мости, различий в величине их стоимостей, что труд есть то, в чем *различные товары являются одинаковыми, их единство, их сущность, внутренняя основа их стоимости*»¹⁴⁴ (курсив наш — Ю Б)

Из приведенного видно, что Маркс использует категорию «сущность» для выделения *«имманентного мерила»*, «элемента»¹⁴⁵, т. е. внутренней основы, которая обуславливает единство, общность отдельных товаров. Понятие «сущность» используется им именно для выделения *внутренней стороны, внутренних связей* в предметах действительности. Указанный «элемент», «внутреннюю основу», «имманентное мерило» Маркс как раз и называет сущностью, которая, по его мнению, обуславливает в различных по своей качественной специфике и натуральному виду товарах одно и то же общее единство и в то же самое время совершенно отличается от натурального существования упомянутых товаров как потребительных стоимостей, *как явлений* производства.

По мнению Маркса, сущностью разнообразных товаров есть материализованный в них труд, ибо «все товары могут быть сведены к труду как их единству»¹⁴⁶.

Как же понимает здесь Маркс внутреннее? Он считает, что труд становится внутренней, скрытой от внешнего восприятия стороной товара потому, что «общественный характер труда «представляется» — превращается в «свойство» вещей»¹⁴⁷. «Отними у ковриги хлеба употребленный на нее труд пекаря, мельника, земледельца и т. д., — пишет Маркс, — что тогда останется? Несколько колосьев травы, дико растущих и не годных для какого бы то ни было человеческого потребления»¹⁴⁸. Ведь только труд является той основой, тем «элементом», из которого возникают все отдельные налично существующие товары как средства потребления, как потребительные стоимости.

Но труд как сущность продукта труда, который стал товаром, не выступает в нем во внешнем, доступном не-

¹⁴⁴ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 107.

¹⁴⁵ Следует помнить, что Маркс понимает здесь термин «элемент» в том смысле, как его понимали древние философы, например, Аристотель. См. гл. I.

¹⁴⁶ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 107.

¹⁴⁷ Там же, стр. 100.

¹⁴⁸ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 21.

посредственному восприятию виде. Когда товар берется в законченном виде, как продукт труда, предшествовавшего его появлению, он уже порвал с этим процессом, оставил его позади себя во времени, вышел из указанного процесса, ибо обработка сырья закончилась. Труд выступает теперь в товаре как скрытая во времени (в истории возникновения товара) его внутренняя основа, обнаруживаемая в виде той внешней формы, той совокупности свойств, благодаря которым сырье превратилось в годный к употреблению товар, способный удовлетворять определенные потребности человека. И только в виде новой формы, новой совокупности свойств предмета потребления, изготовленного трудом, последний может стать доступным непосредственному восприятию. Непосредственное внешнее обнаружение труда, воспринимаемое в виде меновой или потребительной стоимости товара, совершенно не похоже на процесс труда, породивший этот товар. Это объясняется несовпадением внутренней и внешней стороны предметов действительности.

Таким образом, из разбора высказываний Маркса видно, что в данном случае перед нами такое понимание внутреннего, которое предполагает непрерывный процесс развития во времени, сконцентрировавшийся в его результате. «Внутреннее» в понимании Маркса — это не одно только пространственное отношение, а прежде всего отношение, обуславливающее возникновение видимого предмета и его последовательное развитие. Труд, обуславливающий возникновение товаров, поэтому и выступает как внутренняя основа их общности, как то генетическое внутреннее единство, которое получает свое внешнее обнаружение в их потребительной стоимости. Поэтому под сущностью и понимается прежде всего внутренняя сторона, внутренняя связь, которая составляет общую генетическую основу предметов, «элемент», к которому мы придем, если абстрагируемся от всех различий товаров и будем удерживать то общее, что имеется во всех них. Если внешней стороной здесь будет сам видимый предмет, возникший в результате процесса труда, то внутренней стороной будет процесс его становления, сконцентрировавшийся в своем результате и получивший в нем внешнее выражение.

Такой же смысл имеет категория сущности и у В. И. Ленина, когда он рассматривает сущность буржуаз-

ного и пролетарского государства В И. Ленин пишет: «Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно д и к т а т у р о й б у р ж у а з и и Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность их будет при этом неизменно одна диктатура пролетариата»¹⁴⁹.

Отмечая, с одной стороны, что за разнообразием политических форм буржуазных государств скрывается одна и та же сущность и, с другой стороны, что сущность разнообразных политических форм в период перехода от капитализма к коммунизму будет неизменно одна, в первом случае — это диктатура буржуазии, во втором — диктатура пролетариата, В И. Ленин вскрывает в разнообразных политических формах государства их внутреннюю общность, внутреннее их единство, тот «элемент», который обуславливает возникновение разнообразных форм государства, а потому и их внутреннюю общность, цельность Эту внутреннюю основу, внутреннее единство политических форм он называет сущностью, усматривая эту сущность в диктатуре определенного класса

Такое понимание сущности государства оказывается возможным, если проследить историю его возникновения Государство возникло как политическая организация для подавления одного класса другим, как организация обеспечения интересов одного класса, используемая против класса другого Следовательно источником возникновения и основой развития разнообразных форм буржуазного государства есть стремление к обеспечению классовых интересов эксплуататоров против трудящихся. Поэтому, несмотря на разнообразие их форм, все буржуазные государства имеют одну основу — обеспечение интересов буржуазии Это и есть тот внутренний фактор, который составляет сущность буржуазного государства.

Специфические условия борьбы рабочего класса за социализм в настоящее время обуславливают «возможность и необходимость в ряде стран *разнообразия форм* политической организации общества, строящего социализм «Но .. как бы ни были разнообразны в период строительства социализма формы новой, народной госу-

¹⁴⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 385

дарственной власти, сущность их одна — *диктатура пролетариата* »¹⁵⁰ Это объясняется как раз тем, что основой происхождения названных форм государства является обеспечение интересов трудящихся, которые под руководством пролетариата организуются на борьбу против эксплуататоров, за построение социализма. Поэтому диктатура пролетариата и есть внутренняя основа разных форм государства в период перехода от капитализма к социализму

О том же понимании внутреннего свидетельствуют положения из «Философских тетрадей» и «Материализма и эмпириокритицизма» В И Ленин пишет, что «мысль человека бесконечно *углубляется* (курсив наш.— Ю. Б.) от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*»¹⁵¹.

В подобном понимании употребляется привлекавшее внимание В И Ленина понятие сущности у Гегеля, которое Ленин выписывает в свои «Философские тетради» «Так как знание хочет познать истину того, что такое бытие *в себе и для себя*, то оно не останавливается (*не останавливается NB*) на непосредственном (внешнем — Ю. Б.) и его определениях, но *проникает* (*NB*) через (*NB*) него в предположении, что *за* (курсив Гегеля) этим бытием есть еще нечто иное, чем самое бытие, что этот задний план составляет истину бытия Это познание есть опосредствованное знание, так как оно не находится непосредственно при сущности и в сущности, но начинается с чего-то другого, с бытия, и должно проделать предварительный путь, путь выхода за бытие или правильное *вхождение* (курсив наш.— Ю. Б.) в него»¹⁵². Дальше это место продолжается у Гегеля так: «Только тогда, когда знание, выходя из непосредственного бытия, углубляется вовнутрь, оно через это опосредствование находит сущность»¹⁵³.

Если, как мы видели, категория сущности использовалась классиками марксистской философии для выделения внутренней стороны, внутренних связей предметов и процессов материальной действительности, то катего-

¹⁵⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 41

¹⁵¹ В И Ленин, Соч., т. 38, стр. 249

¹⁵² Там же, стр. 117

¹⁵³ Гегель, Соч., т. V, М., 1937, стр. 455

рия явления использовалась ими для выделения доступной непосредственному чувственному восприятию внешней их стороны, внешних связей предметов и процессов

Так, отмечая в «Капитале», что «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»¹⁵⁴, Маркс использует категорию явления для выделения внешней стороны предметов действительности, доступной непосредственному восприятию. То же самое видно из его высказывания, где говорится: «Задача науки заключается в том, чтобы *видимое, выступающее на поверхности явлений движение* (курсив наш — Ю Б) свести к действительному внутреннему движению»¹⁵⁵.

Таким образом, Маркс понимает под внешним то, что выступает на поверхности, что связано с поверхностью явления

В этом же смысле употребляет понятие «явление» и В. И. Ленин. Например, он пишет: «*несущественное, кажущееся, поверхностное* (курсив наш — Ю Б) чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность». Etwa (Примерно — Ю. Б) движение реки — пена сверху и глубокие течения внизу. Но и пена есть выражение сущности!»¹⁵⁶.

Но если бы, исходя из приведенного понимания категории явления и, соответственно, внешнего, внешней стороны, мы попытались дать окончательное определение содержания указанных понятий и, в частности, понятия «внешнее», то нами была бы допущена ошибка. Дело состоит в том, что как в произведениях Маркса, так и в произведениях В. И. Ленина категория «явление», а следовательно, и понятие «внешнее» употребляется в двух смыслах. Об этом свидетельствуют, например, уже приведенные места из «Теорий прибавочной стоимости», где Маркс пишет, что «различные, разнородные вещи должны рассматриваться как соответствующие воплощения, выражения одного и того же общего единства элемента, который *совершенно отличен от их натурального существования или явления*»¹⁵⁷ (курсив наш — Ю Б). Таким образом, категория «явление» употребляется Марксом

¹⁵⁴ К Маркс, Капитал, т III, стр 830

¹⁵⁵ Там же, стр 324

¹⁵⁶ В. И. Ленин, Соч., т 38, стр 118

¹⁵⁷ К Маркс, Теории прибавочной стоимости, стр 98—99

в том же значении, что и выражение «натуральное существование» предметов, и противопоставляется «сущности», которая, как это нами уже установлено, обозначает «внутреннее» не в пространственном, а во временном отношении.

Что же можно понимать в таком случае под выражением «явление», «натуральное существование»? Очевидно, сами предметы в том их виде, как они существуют в пространстве, будучи взятыми с их поверхностной, внешней и внутренней сторонами, т. е. в целом. Ведь несомненно, что когда говорится о натуральном существовании вещей, то имеется в виду не только поверхностная сторона предмета, а весь предмет в целом, как он существует в пространстве, в единстве его поверхностной и внутренней сторон.

Из этого разбора вытекает важный вывод, который необходимо учитывать при рассмотрении содержания категорий сущности и явления и, соответственно, при понимании внешнего и внутреннего, вывод о том, что категория явления, как она употребляется Марксом, имеет двойное значение в одном случае при помощи категории явления им выделяется поверхность предметов, которая может быть противопоставляемая их пространственно-внутренней стороне, а в другом — эта категория используется для обозначения самих этих предметов, взятых как единое целое и противопоставляемых их генетической основе. Таким образом, в последнем случае понятие «явление», а соответственно и «внешнее», не может быть противопоставляемо «пространственно-внутреннему», так как последнее включено в понятие «явления» и, соответственно, в понятие «внешнее». Следовательно, в данном случае понятие «явление» или, соответственно, «внешнее» противопоставляется «сущности» или, соответственно, «внутреннему», взятых не в пространственном, а во временном отношении.

То же самое наблюдаем и в произведениях В. И. Ленина. Говоря о том, что «поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность», — Ленин употребляет термин «поверхностное» и термин «явление» для выделения внешней, поверхностной *стороны* предметов. Но тот же термин «явление» он употребляет и в другом смысле. Отмечая, что «отношения каждой вещи (явления *etc.*) не только многообраз-

личны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс *ets*) связаны с *каждой*»¹⁵⁸, Ленин употребляет термин «явление» для обозначения предмета в целом, а не только его поверхностной стороны, взятой в пространственном ее значении. То же самое видно из его выражения, где сказано о том, что «явление *богаче* закона» Здесь Ленин понимает под явлением «цельность, тотальность»¹⁵⁸, т е предмет в целом, взятый как единство его поверхностной, внешней и внутренней сторон в их пространственно-геометрическом соотношении.

До последнего времени отмеченное двойное понимание категории «явление» не рассматривалось в нашей литературе, посвященной категориям сущности и явления. Но теперь это обстоятельство начинает привлекать внимание исследователей. Так, в диссертационных работах М. И. Заозерова «Диалектический материализм о категориях сущности и явления», Н. Р. Ставской «Основные признаки законов материального мира», указанная двусмысленность содержания категории «явление» констатируется вполне отчетливо.

Однако, к сожалению, Заозеров и Ставская ограничиваются только указанием на данный факт, не анализируют его и не ставят в связь с тем или иным пониманием категорий сущности и явления, а потому и понятий «внешнее» и «внутреннее».

В печатной литературе двусмысленность термина «явление» отмечена в книге В. П. Тугаринова «Соотношение категорий диалектического материализма», а также в книге М. Н. Руткевича «Диалектический материализм».

Отметив, что термин «явление» означает внешнюю сторону предмета, М. Н. Руткевич пишет, что «понятие «явление» нередко употребляется в более широком смысле. Например, подразумевая всю совокупность окружающих нас предметов и процессов природы, говорят о «явлениях природы», употребляя в этом случае термин «явление» как синоним предмета, процесса, вещи, в то время как, строго говоря, каждый предмет, процесс, вещь есть единство *сущности и явления* и, таким образом, явление не покрывает собою всего процесса»¹⁶⁰. Но в книге

¹⁵⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 214.

¹⁵⁹ Там же, стр. 141.

¹⁶⁰ М. Н. Руткевич, Диалектический материализм, Соцэкгиз, 1959, стр. 560.

М. Н. Руткевича указанный факт двусмысленности категории явления не рассматривается. Он пишет только, что «при изложении данного вопроса (о категориях явление и сущность — Ю. Б.) термин *явление* мы будем употреблять только в более узком смысле слова, как *внешнюю, поверхностную сторону процессов*»¹⁶¹.

В. П. Тугаринов также отмечает, что «понятие явления имеет два смысла». Он пишет «С понятием предмета граничат также понятия явления и процесса. Понятие явления имеет два смысла *взятое в его онтологическом плане*, т. е. независимо от процесса познания, а именно в том смысле, когда мы говорим: «явления природы», «общественные явления» и т. п. оно употребляется для обозначения таких объектов, которые представляют собой не отдельные тела, а совокупность тел (частиц), или других предметных объектов». В этом случае «*понятие явления обладает признаками отдельности и предметности*»¹⁶². Различая гносеологический смысл понятия «явление», В. П. Тугаринов пишет «Понятие явление *в гносеологическом смысле* означает внешнее проявление сущности»¹⁶³. В другом месте он также отмечает, что «явление понимается как внешняя сторона действительности, а сущность — как его глубинная сторона»¹⁶⁴.

Как видно из приведенных мест, В. П. Тугаринов различает два значения категории явление: в первом значении под явлением понимаются предметы, взятые в целом, в другом значении под явлением понимается внешняя сторона предметов.

Подобное двоякое понимание содержания категории явления требует своего истолкования, ибо вследствие относительности этой категории с категорией сущности двоякое значение первой категории (явления) волей-неволей должно распространяться и на вторую категорию (сущность). Это может привести и часто приводит к нежелательным недоразумениям при практическом использовании указанных категорий. Действительно, если категории явления соответствует предмет в целом как един-

¹⁶¹ М. Н. Руткевич, *Диалектический материализм*, Соцэкгиз, 1959, стр. 560.

¹⁶² В. П. Тугаринов, *Соотношение категорий диалектического материализма*, Л., 1956, стр. 29.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же, стр. 54.

ство внешней и внутренней сторон, рассматриваемых в аспекте их пространственного соотношения, то какая же тогда сторона предмета соответствует категории сущности? Ведь она тоже понимается как внутреннее. Если же категории явления соответствует только одна внешняя сторона предметов в смысле их пространственных отношений, то почему классики марксизма-ленинизма употребляют указанную категорию в отмеченных выше случаях для обозначения предметов, взятых в целом, в смысле «тотальность», т. е. в смысле единства их внешней, поверхностной и внутренней сторон.

Нам представляется, что употребление классиками марксизма-ленинизма категории явления в одних случаях для выделения только внешней стороны предметов и процессов, а в других — и внешней и внутренней, взятых как «цельность», «тотальность», не может быть случайным, а имеет известный смысл, который обусловлен определениями, пониманием «внешнего» и «внутреннего» как противоположностей. Поэтому, чтобы раскрыть объективное содержание указанных соотносительных категорий, т. е. вскрыть специфику связей и сторон в объективном мире, которым соответствуют категории сущности и явления, нужно прежде всего, как верно указал М. Н. Руткевич, раскрыть содержание понятий «внешние связи», «внешняя сторона», «внутренние связи», «внутренняя сторона». Если категории явления соответствуют внешняя сторона, внешние связи, а категории сущности — внутренние, то как же нужно понимать внешнюю и внутреннюю стороны и связи действительности?

О ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ СВЯЗЯХ ПРЕДМЕТОВ, ВЗЯТЫХ СО СТОРОНЫ ИХ УСТОЙЧИВОСТИ

Чтобы раскрыть специфику связей и сторон действительности, которым соответствуют категории внешнего и внутреннего, необходимо исходить из диалектико-материалистического понимания объективной реальности, учитывая, что она представляет собой единство многообразия, в его устойчивости и изменчивости.

С точки зрения диалектического материализма, объективная реальность — это материя, т. е. то, что существу-

ет вне и независимо от сознания, и что, действуя на наши органы чувств, вызывает ощущения. Материя представляет собой единство всех форм бытия, из которых состоит действительность, окружающая человека По поводу понимания материи Ф. Энгельс писал, что «вещество, материя есть не что иное как совокупность веществ .. и поскольку мы познаем последние, постольку мы познаем и материю »¹⁶⁵

Поскольку материальный мир есть единство многообразия, отдельные виды бытия материи неразрывно связаны друг с другом Но эта связь такова, что наряду со взаимным переходом материальных тел друг в друга, они существуют также и как относительно устойчивые, качественно определенные в своем бытии предметы и процессы.

Проявлением устойчивости бытия действительности есть качественная определенность, в соответствии с которой каждая из отдельных составных частей единого мирового целого всегда выступает как организованное единство многообразных компонентов и сторон Так, различные химические соединения состоят из менее сложных веществ и молекул, на которые последние можно разложить Сама по себе молекула, будучи качественно отличной от массы физического тела, к которому она принадлежит, в свою очередь может быть разложена на атомы, обладающие совершенно иными свойствами Живые организмы представляют собой единство клеток и органов, связанных друг с другом функционально. Весь объективный мир и все его предметы представляют собой сложные образования, обладающие устойчивой качественной определенностью, где каждый член организованного целого, как один из его элементов, занимает в нем определенное место и находится во взаимосвязи и взаимодействии с другими элементами этого целого

Взятый сам по себе указанный компонент также выступает как самостоятельное качество Так, скажем, молекула как известная качественная определенность состоит из атомов, приведенных к органическому единству определенным видом связей Атомы здесь выступают как ее компоненты Но каждый атом представляет также известную устойчивую определенность, так как он

¹⁶⁵ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 187

может отделиться от молекулы и включиться в связи, характерные для молекулы другой. Следовательно он также выступает как известное качество, которое в свою очередь является организованным единством многообразных компонентов и сторон, взаимодействующих друг с другом и с окружающими условиями.

Качественная специфика бытия организованных предметов материального мира зависит прежде всего от форм движения, форм взаимодействия, присущих компонентам этих предметов. Энгельс писал: «Тела неотделимы от движения их формы и виды можно познавать только в движении, о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать. Лишь в движении тело обнаруживает, что оно есть. *Познание различных форм движения есть познание тел*»¹⁶⁶, ибо «*природа движущихся тел вытекает из форм движения*»¹⁶⁷ (курсив наш — Ю. Б.)

Поскольку материи присущи многообразные формы движения и взаимодействия, каждая из ее составных частей, каждая из ее конкретных форм бытия не является лишь механическим соединением компонентов, из которых она состоит, а выступает как сложное образование, где эти компоненты приведены в устойчивое единство подвижными механическими, физическими, химическими, а в иных случаях биологическими и социальными связями и взаимодействиями. В целом все эти виды динамических связей и взаимодействия охватываются понятием основных форм движения и взаимодействия материи, исследованных в марксистской литературе.

Учет факторов, обуславливающих качественную определенность бытия предметов, на которые было обращено внимание выше, и к которому мы еще вернемся, — важное условие понимания вопроса об относительной устойчивости предметов действительности.

Но устойчивость объективной реальности снимается ее развитием. Ведь характерным признаком устойчивого в многообразных формах бытия мира является то, что, наряду со всеобщим принципом единства, ему присущ также принцип восходящего развития, о котором

¹⁶⁶ К Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1948, стр. 283.

¹⁶⁷ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 197.

писал В. И. Ленин¹⁶⁸. Поэтому относительная устойчивость бытия предметов действительности — временна, преходяща, и мир в целом и во всех своих составных частях выступает как переход, как перелив из одного качественного состояния в другое, происходящий путем постепенно подготавливаемого скачка. Это означает, что качественная определенность предметов подвижна, что ее устойчивость преходяща, что каждый отдельный предмет действительности в процессе своего движения и развития сливается с материей в целом. Таким образом, самостоятельное бытие единичного предмета, отделенного своей качественной определенностью от всего окружающего, является не абсолютным, а относительным. Энгельс говорит, что «когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества, или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, *а все движется, изменяется, возникает и исчезает*»¹⁶⁹ (курсив наш — Ю Б).

Следовательно, в объективном мире имеется взаимное превращение, переход предметов друг в друга, так, что каждый предмет является таким относительно устойчивым целым, которое может быть обособлено из всеобщих связей лишь условно. На самом же деле, это целое слито в единство со всем окружающим. Поэтому на первый взгляд представляется совершенно невозможным определить, где в этом всеобщем переплетении связей, взаимодействий и сторон находятся те, которые относятся к внешним, и те, которые относятся к внутренним. Ведь точное исследование свидетельствует, что «оба полюса какой-нибудь противоположности — положительный или отрицательный — столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на всю противоположность между ними, взаимно проникают друг друга»¹⁷⁰.

Таким образом, оказывается, что попытка выделить предмет из системы связей, которые соединяют его с природным целым, и установить, где внешняя, а где

¹⁶⁸ См В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 251

¹⁶⁹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 20

¹⁷⁰ Там же, стр. 22

внутренняя сторона этого предмета, сопряжена с известными трудностями. Ведь абсолютно резкие разграничительные линии несовместимы с диалектикой развития, так как в природе все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга благодаря промежуточным членам, так что если «мы, например, в обыденной жизни можем с уверенностью сказать, существует ли данное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени сложная вещь, как это очень хорошо известно юристам, которые тщетно бились над тем, чтобы открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством»¹⁷¹.

Где же в этом всеобщем переплетении связей, взаимодействий и сторон находятся те, которые относятся к внутренним и внешним?

Для установления, какие именно связи в предметах относятся к внешним связям и какие относятся к связям внутренним, необходимо, чтобы мышление располагало известным опорным пунктом, границей. Если таковая будет установлена, тогда можно считать, что по одну сторону этой границы находится внешнее, а по другую — внутреннее.

Задача нахождения границы, которая стала бы критерием для разграничения внешнего и внутреннего, внешних и внутренних связей в объективном мире, осложняется как раз тем обстоятельством, что материальная действительность представляет собой нераздельное единство изменчивости и устойчивости. Если устойчивость означает сохранение определенного состояния предмета, то изменчивость означает разрушение указанного состояния, замену одних состояний другими. Если объект рассматривается в аспекте его относительной устойчивости, то понятия внешнего и внутреннего имеют одно значение. Если же он рассматривается в аспекте его изменчивости, — они имеют другой смысл, так как перелив одного устойчивого состояния предмета в другое означает разрушение, переплавку того, что установилось в прошлом.

¹⁷¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 22

Но диалектика требует, чтобы действительность рассматривалась как единство противоположностей устойчивости и изменчивости, а это порождает противоречия в постигающем их мышлении «В том, что вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она содержит в себе противоположность между «устойчивостью» и «изменением», — писал Ф. Энгельс, — заключается *противоречие*»¹⁷². Это обстоятельство еще более затрудняет нахождение критериев в действительности, по которым можно было бы произвести разграничение внешнего и внутреннего.

Для преодоления перечисленных трудностей с целью раскрытия всей полноты содержания понятий «внешнее» и «внутреннее», как уже отмечалось, следовало бы найти границы, существующие в самой объективной действительности, исходя из которых можно было бы провести различие между внешними и внутренними сторонами и связями предметов. После этого можно было бы рассмотреть эти связи в аспекте их относительной устойчивости в пространстве, т. е. экстенсивно, и в аспекте их развития и изменения во времени, т. е. интенсивно, а также в единстве обоих этих аспектов.

③ том, что проблема исследования внешней и внутренней сторон материального мира, взятых в единстве этих аспектов относительной устойчивости и развития, в последнее время начинает привлекать внимание, свидетельствует, скажем, работа Р. Гроппа «Диалектический материализм», где он пишет «Всеобщую связь вещей нельзя отрывать от их непрерывного движения, их изменения и развития. Фридрих Энгельс определяет диалектику как науку о всеобщей связи, но он называет ее также наукой о всеобщих законах всякого движения. Ленин в своих «Философских тетрадах» отмечал два принципа диалектики. «I. принцип развития. II принцип единства». При этом «всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира, природы, движения, материи*.». Говоря о движении, изменении и развитии вещей, следует рассматривать их внутреннюю и внешнюю связь *одновременно как пространственную и как временную (историческую)*»¹⁷³ (курсив наш — Ю. Б.).

¹⁷² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 327

¹⁷³ Д. Гропп, Диалектический материализм, М., 1960, стр. 53

Таким образом, Р Гропп обращает внимание на необходимость исследования внешних и внутренних связей одновременно как со стороны относительной устойчивости предметов, так и со стороны их изменчивости, непрерывного развития во времени Эта мысль является несомненно правильной и чрезвычайно важной Но для того, чтобы выполнить задачу рассмотрения внутреннего и внешнего одновременно и как пространственного и как временного, сначала нужно рассмотреть каждый из этих аспектов в отдельности Только при таком условии можно добиться успешного понимания единства внешнего и внутреннего одновременно и как пространственного и как временного

Для нахождения границ, в соответствии с которыми в относительно устойчивых предметах существуют внешние и внутренние стороны и связи, необходимо руководствоваться категорией качества Как мы уже отмечали, качество есть устойчивая определенность бытия предмета и, следовательно, многообразного в своем единстве мира Сосуществование одного наряду с другим различных качественных состояний материи неотъемлемый признак изменяющейся действительности. В соответствии с объективной качественной определенностью, присущей каждой из наличных форм бытия материальной реальности, мышление может выделять предметы действительности или определенные области природы из их, как выражается Ф Энгельс, «естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям»¹⁷⁴ Указанное выделение основано не на субъективных критериях, а, наоборот, оно только и возможно потому, что указанные критерии не зависят от сознания, являются объективными

Поэтому перед познанием встает задача расчленить в соответствии с его объективной «анатомией» единое природное целое на составные части и исследовать строение этих частей в соответствии с особенностями, присущими им как устойчивым компонентам мира вообще Благодаря такому расчленению возникает возможность отделить внешнее от внутреннего в организованных, относительно устойчивых предметах.

¹⁷⁴ Ф Энгельс, Анти-Дюринг, стр 20--21

Как только относительно устойчивый предмет оказывается обособленным из всеобщих природных связей в соответствии с его качественной определенностью, обнаруживается, что он находится в двусторонних отношениях и взаимодействиях.

Во-первых, этот предмет вступает в отношения и взаимодействия с другими окружающими предметами и человеком, поскольку последний также является «предметом» природы. Благодаря этим отношениям обнаруживается, но ни в коем случае не создается качественная определенность бытия предмета. Это обнаружение происходит вследствие известной способности предмета воздействовать на окружающие его вещи, с которыми он взаимодействует. Так, скажем, качественная природа газа объективно раскрывается в тех воздействиях, которые он оказывает на растения и животные, на вещества, вступающие с ним в химическое взаимодействие. Качественная природа вируса раскрывается тем воздействием, которое он оказывает на живые организмы, и т. д. Следовательно, для того, чтобы качественная природа предмета могла раскрываться, не обязательно, чтобы он был воспринимаем человеком, познающим этот предмет. Предметы объективно обнаруживают свою природу в процессе универсального взаимодействия друг с другом, благодаря которому, собственно говоря, и становится возможным их познание человеком.

Во-вторых, обособленный из всеобщих природных связей предмет выступает как самобытное целое, как организованное единство соотносящихся и взаимодействующих друг с другом компонентов и сторон. Если, например, имеется в виду живой организм, то, находясь, с одной стороны, во взаимодействии с условиями внешней среды, он выступает, с другой стороны, как органическое целое, как единство костей, мускулов и других органов, объединенных функциональными и физиологическими связями в это целое.

Указанные два вида связей, где одни обращены на окружающее, а другие действуют в предмете, взятом самим по себе, имеют важное значение для понимания внешнего и внутреннего. Опираясь на эти два вида противоположных по направлению, но единых по источнику связей и отношений, в которые вступает качественно

устойчивый предмет, можно было бы провести разграничение внешнего и внутреннего. В этом свете связи, которые обуславливают единство предмета как целого и делают его известным качеством, были бы сферой внутренних связей. Связи же, благодаря которым данный предмет вступает во взаимодействие с другими предметами и благодаря которым обнаруживается его качественная определенность, были бы сферой внешних связей. Но в последние годы появились статьи ряда авторов, оспаривающих, что бытию предметов присуща однозначная качественная определенность. Наиболее ярко эти взгляды изложены в статье Т. Рахимжанова¹⁷⁵. Отмечая, что в советской учебной и научной философской литературе качество обычно «рассматривается с абсолютной стороны — как внутренняя или существенная определенность вещи, с изменением которой вещь перестает быть тем, чем она была до этого»¹⁷⁶, автор пишет, что «исходя из этой абсолютной стороны качества.. приходят к выводу, что предметы или явления могут обладать *бесконечно многими свойствами, но только одним качеством*»¹⁷⁷. В противовес такой точке зрения, Т. Рахимжанов предлагает считать предметы *не однокачественными, а многокачественными*. Приведя доводы, подтверждающие, по его мнению, правомерность такой точки зрения, автор статьи делает логически противоречивый вывод: «заканчивая разбор данного вопроса, следует указать, что, говоря о качестве в абсолютном смысле, мы как бы синтезируем все эти различные стадии, фазы развития данного явления в одно целое (Речь идет о качественных различиях в последовательных ступенях развития одного и того же предмета, например, эмбриональная жизнь, юность, зрелость, старость и смерть определенного человека.— Ю. Б.). Это будет его общим и основным качеством. А когда речь идет о многокачественности явления, то в основном имеются в виду различия и особенности каждого из этапов, стадий в его развитии, которые выражают его специфические качества, и подчеркивается относи-

¹⁷⁵ Т. Рахимжанов, О проблеме многокачественности явлений, «Научные записки ЛГУ», вып. 13, 1958, стр. 12—24.

¹⁷⁶ Там же, стр. 13.

¹⁷⁷ Там же.

тельная самостоятельность и устойчивость этих этапов и стадий»¹⁷⁸.

Как видим, автор взгляда о многокачественности предметов, после его обстоятельного обоснования в своей статье, пришел к выводу о том, что все многообразные качества, которые якобы присущи предмету, синтезируются в понятии качества в абсолютном смысле. Такой вывод не опровергает, на наш взгляд, правомерности того понимания качества, которое предложено нами как объективный критерий для определения внешней и внутренней сторон и связей предметов действительности, взятых в аспекте их устойчивости. При рассмотрении качественной природы предмета с целью его отличия от качественной природы других предметов правомерным является не относительный подход, а абсолютный, предполагающий, как правильно отмечает Т. Рахимжанов, не многокачественность, а однокачественность вещей.

Как известно, именно качественная определенность объективно отделяет предметы друг от друга, обуславливает их устойчивость. Поэтому качество есть внутренняя граница предметов, существующая в них самих по себе. Лес отличается от луга не только в линии их соприкосновения, но и внутри лесного массива. Животное от растения отличается не только своим внешним видом, но и внутренними особенностями. Еще Гегель, определяя качество, говорил о нем как о внутренней границе, отделяющей предмет от других предметов. «В наличном бытии определенность едина с бытием,— писал он,— и вместе с тем, она, положенная как отрицание, есть *граница, предел*»¹⁷⁹. «Лишь в своей границе и *благодаря* своей границе нечто есть то, что оно есть. Нельзя, следовательно, рассматривать границу как лишь внешнее наличному бытию, она, наоборот, проникает все наличное бытие. Понимание границы как лишь внешнего определения бытия основано на смешении качественной границы с количественной»¹⁸⁰.

Выступая *благодаря* своей качественной определенности как нечто целое, внутренне ограниченное от других окружающих его вещей, каждый предмет есть тож-

¹⁷⁸ «Научные записки ЛГУ», вып. 13, 1958, стр. 18

¹⁷⁹ Гегель, Соч., т. 1, стр. 158

¹⁸⁰ Там же, стр. 159

дество противоположностей — единства и многообразия Применительно к качеству предмета это тождество противоположностей выступает в виде однозначности качества и многообразия его свойств, обнаруживающихся при взаимодействии с другими предметами. Применительно же к тем факторам, которые обуславливают, «порождают» данное качество, предопределяя его возникновение и существование, но сами таковым не являются, указанное тождество противоположностей выступает как *единство* компонентов, из *многообразия* которых организована данная качественно определенная вещь Тождество противоположностей единства и многообразия является здесь основанием качества предмета

Но если каждый относительно устойчивый предмет возникает как известное качество лишь тогда, когда его многообразные составные элементы приводятся к органическому единству, то это означает, что качественная природа предмета обуславливается двумя факторами: 1) природой соединяемых элементов и 2) способом связей, объединяющим указанные элементы в организованное единство В связи с этим, факторов, обуславливающих качественную природу предметов, невозможно найти в их отношениях с окружающими предметами и нельзя там искать Эти факторы нужно искать в самих предметах Познать то, что определяет качество предмета, основу его качества, означает, поэтому, познать не только природу элементов, из которых он состоит, но прежде всего способ связи, организующий их в единство. Например, чтобы раскрыть то, что обуславливает качественную природу золота, необходимо разобраться не только в качественных особенностях атомов этого металла, от которых зависит характер связей, но и прежде всего в *способе* химического объединения атомов этого металла друг с другом в молекулу Если качество атомов золота решает вопрос о характере, типе его возможных связей, то сам способ связи придает известному количеству атомов золота новое специфическое качество, внутренне присущее этому металлу и обнаруживающееся в таких его свойствах, как ковкость, специфический цвет, определенная температура плавления, способность растворяться в определенной смеси кислот и т. д. Если разрушить или изменить структурные связи, объединяющие составные элементы извест-

ного предмета в его качественную определенность, то при тех же составных элементах, предмет теряет данное и приобретает новое качество. Так, с изменением способа связи атомов одного и того же элемента — углерода — можно получить качественно отличные друг от друга виды вещества в одном случае — уголь, в других — графит или алмаз

Второй пример Протоплазма клетки представляет собой единство множества веществ, составляющих ее. В частности сюда относятся белки, липоиды, полисахариды, минеральные соли и др. В единстве, в своей целостности, протоплазма оказывается способной выполнять сложнейшие биологические функции. Но при нарушении способа связи, образующего протоплазму из перечисленных выше веществ, последняя оказывается простой смесью этих веществ и ее функциональная биологическая способность нарушается, так как она теряет свое качество—быть особым биологическим веществом.

Третий пример Изменение способа расположения атомов друг относительно друга в молекуле углеводорода — бутана, содержащей 4 атома углерода и 10 атомов водорода, приводит к образованию качественно отличных друг от друга химических веществ. В случае, когда атомы расположены здесь в виде прямой цепочки, мы получаем нормальный бутан, в случае же, когда атомы располагаются в виде разветвленной цепи, образуется изобутан. Здесь, при одних и тех же составных компонентах вещества, в зависимости от характера их способа связи, изменяется его качественная специфика.

Приведенный разбор подтверждает, что качественная природа предметов обуславливается способом связей, которые приводят в единство их многообразные компоненты, а обнаруживается благодаря их связям с окружающими условиями, но не создается ими. Приведенное означает, что каждому относительно устойчивому предмету присущи два вида связей, которые были предположены нами выше,—внешние связи и внутренние. Поэтому становится возможным и их определение. Связи, которые приводят многообразие компонентов предмета к качественному единству, отделенному от окружающих предметов своей качественной определенностью как внутренней границей,—являются внутрен-

ними связями. Связи же, складывающиеся в процессе непосредственного взаимодействия предмета как определенного качества с окружающими условиями, благодаря которым обнаруживаются известные его свойства,— являются внешними связями.

Благодаря своим внешним и внутренним связям устойчивый предмет обладает внешней и внутренней сторонами. К внешней его стороне относится сторона, которой он вступает в непосредственные отношения с окружающими предметами и на которую эти предметы оказывают обратное непосредственное воздействие. К внутренней стороне относится сторона, несущая в себе связи, обуславливающие единство составных частей предмета, его качественную определенность.

Ввиду того, что всякий предмет есть единое целое, его внешнее и внутреннее не обособлены друг от друга, а существуют слитно как единство противоположностей. Они не могут быть отделимы друг от друга реально, если это отделение и возможно, то только силой абстрактного мышления.

Определив содержание понятий «внешнего» и «внутреннего» для предметов, взятых в состоянии относительной устойчивости, мы вплотную подошли к определению содержания категорий сущности и явления. Правда, это определение не может быть полным, так как нами рассмотрен лишь один из абстрактно выделенных аспектов вопроса о внешнем и внутреннем, а именно — аспект состояния относительной устойчивости предмета, когда не принимается во внимание его развитие во времени.

В указанном аспекте сущность выступает как способ внутренних связей, обуславливающих органическое единство разнообразных составных частей предмета и делающих его известной качественной определенностью. Явление же соответствует системе внешних связей, складывающихся во взаимоотношениях данного предмета с окружающими условиями или органами чувств человека, благодаря которым раскрывается его сущность.

Приведенные определения не охватывают всего содержания категорий сущности и явления. Они относятся к объектам, которые, как говорит Маркс, «находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное

время»¹⁸¹. Это значит, что упомянутые предметы рассматриваются в состоянии их относительной устойчивости, т. е. не в плане субординации, а в плане координации их элементов. Поэтому, руководствуясь описанным пониманием сущности, научное мышление не может успешно выполнить задачу всестороннего исследования предмета, истолковать все его особенности. Например, явления атавизма, наблюдаемые в живых организмах, оказываются совершенно непонятными с этой ограниченной точки зрения на сущность. Если, скажем, подходить к определенному организму как к данному, понимая при этом, что его сущностью есть присущий этому организму тип обмена веществ, то наличие явлений атавизма вступает в логическое противоречие с этим пониманием сущности, так как они из нее не вытекают. Аппендикс, рождение детей с шестью пальцами, «заячья губа», жабры у новорожденных и другие подобные особенности формы организмов, совершенно не участвуют в том типе обмена веществ, который составляет их сущность. Указанные явления рассматривались до возникновения эволюционной теории как необъяснимые курьезы только потому, что господствовали рассмотренные нами ограниченные представления о сущности.

Однако, несмотря на то, что указанные представления являются односторонними, они все же в известных пределах, если не забывать их ограниченности, необходимы. Без них не может обойтись современная наука.

Породившее метафизический метод разложение «различных процессов природы и природных вещей на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам»¹⁸² было основным условием успехов в развитии естествознания после того, как оно освободилось из-под влияния схоластики. Когда естествоиспытатели, понуждаемые развивающимся производством, должны были накопить предварительно необходимый естественнонаучный материал, затем координировать этот материал в известной системе, разбить на классы, роды, виды и установить их соотношение, — они вынуждены были рассматривать предметы изолированно друг от друга, не в движении, а в покое, отвлекаться

¹⁸¹ К Маркс, Капитал, т. I, стр. 17

¹⁸² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 21

от их изменчивости во времени В этом состоит рациональное зерно метафизического метода Не случайно Ф. Энгельс писал, что «метафизический образ мышления . является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета »¹⁸³, если при этом не забывать, что имеется предел, за которым «он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса»¹⁸⁴.

Из сказанного можно сделать вывод, что приведенное выше понимание внешнего и внутреннего, а в соответствии с этим также и содержания категорий сущности и явления, имеет важнейшее значение для науки Ведь вначале ее задачей является раскрытие внутренней структуры, раскрытие содержания и координации элементов предмета исследования, взятого в относительно устойчивом состоянии, т е изучение строения данного предмета как многообразия свойств и сторон, приведенных в органическое единство известной формой их связи. Это осуществляется прежде всего благодаря осмысливанию тех внешних воздействий, которые оказывает относительно устойчивый предмет на окружающие его предметы, когда он вступает с ними во взаимодействие, а также путем исследования координации устойчивых компонентов и внутренних процессов, происходящих в нем. Этот процесс познания хорошо разработан в формальной логике. После того, как этот первый этап исследования заканчивается и накапливаются необходимые сведения об «анатомии» предмета, взятого в состоянии относительной устойчивости, становится возможным последующий этап его изучения, когда предмет рассматривается в развитии и взаимной связи с природным целым Но такое исследование подвластно только логике диалектической, снимающей формальную логику и несущей ее в себе как один из моментов.

¹⁸³ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр 21—22.

¹⁸⁴ Там же, стр 22

О ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ СВЯЗЯХ ПРЕДМЕТОВ, ВЗЯТЫХ СО СТОРОНЫ ИХ ИЗМЕНЧИВОСТИ

Как отмечалось, диалектический подход к материальному миру хотя и предполагает исследование предметов действительности, взятых в состоянии устойчивости, но он не исчерпывается этим В И Ленин указывал, что диалектическая логика требует, чтобы предмет брался не только в состоянии относительного покоя, но и в состоянии развития, «самодвижения», изменения. Он пишет «Логика формальная, которой ограничиваются в школах берет формальные определения, руководствуясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все его связи и «опосредствования» диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» . изменении»¹⁸⁵. И это вполне понятно, потому что предметы действительности, равно как и вся материальная реальность, находятся не только в состоянии устойчивости, но и подчинены также всеобщему принципу изменения, перехода из одного качественного состояния в другое

Ввиду этого понимание системы обуславливающих качество предмета внутренних и обнаруживающих это качество внешних связей, о которых говорилось выше и которые охватываются категориями сущности и явления, на фоне всеобщего развития представляется односторонним Там речь идет о состоянии устойчивости предметов познания, как об одном из моментов их существования при вполне определенной координации с другими предметами действительности Но помимо своего настоящего каждый данный предмет имеет свое прошлое и будущее Он не только существует как устойчивый предмет в пространстве, но и развивается во времени. Поэтому понятие внешних и внутренних связей следует сформулировать не только с учетом состояния устойчивости предметов, но и с учетом также их непрерывного изменения Подчеркивая необходимость указанного подхода к пониманию предметов и процессов дей-

¹⁸⁵ В И Ленин, Соч, т 32, стр 72

ствительности, Ф. Энгельс писал, что «вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она содержит в себе противоположность между «устойчивостью» и «изменением»¹⁸⁶

На наш взгляд, обстоятельство, что вещи необходимо рассматривать одновременно и как устойчивые и как изменяющиеся, и есть как раз то необходимое звено, без учета которого невозможно прийти к правильному разрешению вопроса о характере внутренних связей, которым соответствуют категории сущности и явления, и уяснить, почему классики марксизма-ленинизма в одних случаях понимали под явлением лишь одну внешнюю сторону в смысле «поверхность» предмета, а в других — весь предмет в целом, взятый в единстве его поверхностной и скрывающейся за ней, глубинной стороной. Но, чтобы раскрыть указанное обстоятельство, необходимо предварительно исследовать вопрос о том, как выглядят внешняя и внутренняя стороны предмета, взятого в аспекте его непрерывного восходящего развития и изменения во времени.

Рассматривая вопрос об устойчивости предметов действительности с целью определения понятий внешнего и внутреннего, мы исходили из их качественной определенности. Благодаря этому в предшествующем разделе подчеркивалось, что специфику и устойчивость предметов характеризует именно их качество. Каждый предмет существует постольку, поскольку он сохраняет свою качественную определенность, качество, таким образом, выступало у нас как общая характеристика устойчивости предмета.

Но тем не менее известно, что, будучи общей характеристикой устойчивости вещи, качество несет в себе ее противоположность, а именно, *изменение*. В рамках качественной устойчивости возникает зародыш противоположности качественной устойчивости — количественные изменения, которые непрерывно изменяют качество по линии экстенсивной и линии интенсивной. Если количественные изменения качества по линии экстенсивной означают одно только его увеличение или уменьшение в пространстве, то по линии интенсивной они означают изменение качества по степени. Количественные изме-

¹⁸⁶ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 327

нения качества, рассматриваемые со стороны их интенсивности, означают нарастание или спад степени концентрации свойств, в которых обнаруживается качественная определенность. Простейшим примером интенсивных изменений качества является, скажем, изменение цвета в постепенном переходе от оранжевого к красному до исчезновения последнего в инфракрасном излучении. Интенсивные количественные изменения качества в направлении от менее развитых к более развитым по степени — главное направление его развития во времени, ведущее к прерывному скачкообразному переходу количественных изменений в качественные. Пределы интенсивных изменений предмета, в рамках которых его количественное изменение по степени не приводит к скачкообразным прерывным изменениям качества и предмет остается самим собой, — составляют меру. Точнее, мера есть единство экстенсивной и интенсивной количественной и качественной определенности предмета.

По сравнению с качественной определенностью, которую мы рассматривали выше со стороны ее устойчивости, качественная определенность со стороны находящейся в ней противоположности — изменчивости, отрицающей устойчивость, выражается категорией меры. Таким образом, мера — это более сложная форма устойчивости, выступающая как количественно изменчивая внутренняя граница качественной определенности, как единство экстенсивно-интенсивного количества и определенного качества.

Как известно, в процессе всеобщего взаимодействия и поступательного развития действительности данная мера, как внутренняя граница устойчивости предмета, отрицается, преодолевается скачкообразным перерывом, переходом интенсивных количественных изменений данного качества в новое качество, отрицающее старое. Благодаря такому переходу возникает новый предмет, отличный от первого и, соответственно, устанавливается новая мера, которая затем вновь преодолевается, и т. д.

Но так как при решении вопроса о внешнем и внутреннем речь идет не о сторонах и связях *разных предметов*, а о сторонах и связях *одного и того же предмета*, то при исследовании поставленной проблемы в аспекте изменчивости предмета — нет надобности выхолить за

пределы меры его качественной устойчивости Следовательно, весь последующий анализ касается вопроса интенсивных количественных изменений качества предмета в рамках меры его развития во времени.

Непрерывные количественные изменения качества по степени протекают так, что между прошлым и настоящим предмета, его настоящим и будущим в момент перехода от одной ступени к другой нет никакого перерыва. Здесь имеет место перелив предмета из одного состояния в другое. Благодаря этому в поступательном развитии качества сохраняется полная преемственность и это развитие приобретает характер непрерывного восходящего движения и обновления. Если на данном этапе развития одна, старая ступень предмета, сменяется второй, новой его ступенью, то в последующем движении эта новая ступень стареет и сменяется более новой и более развитой ступенью, которая приходит на смену той, что выступала как новая в предшествующий момент времени.

В связи с этой непрерывностью развития перед нами вырисовывается единый, поток перехода одного и того же предмета в разные его состояния, который осуществляется на основе наращивания изменения по степени, происходящего путем непрерывной борьбы заложенных в предмете противоположностей.

Выступая в этом потоке отличающихся друг от друга степеней качества, непрерывно сменяющих одна другую, указанный предмет на каждой фиксированной его ступени является относительно неподвижным целым, которое благодаря своей качественной определенности как бы обособленно от внешних условий и от своего прошлого и будущего. Поэтому данное относительно устойчивое состояние предмета характеризуется внешней и внутренней сторонами в разобранном уже смысле.

Но, с другой стороны, в то же самое время данный предмет обладает и иными связями, так как он пребывает в состоянии непрерывного изменения по степени и, благодаря этому, находится в тождестве с тем своим предшествующим состоянием, из которого он возник, и переходит в свое будущее состояние, отличное от первого. Прошлое предмета, его настоящее и будущее в момент перехода — слиты друг с другом и выступают как тождество, которое одновременно содержит и различие.

Именно благодаря этому осуществляется непрерывный процесс развития качества предмета во времени в пределах его меры. Здесь предмет выступает как слитый во всех своих звеньях поток перехода из одной формы своего наличного существования в другую, от одного порядка взаимоотношений с окружающими условиями к другому их порядку. Так складывается непрерывность связей между ступенями развития предмета на протяжении всей меры его существования как данной качественной определенности, в результате которой перед нами выступает тождество отдельных ступеней развития предмета, последовательно проходимых им вплоть до момента скачка, т. е. до перехода предмета от одной качественной определенности в другую.

Рассматривая, в первом случае, один и тот же предмет на одной фиксированной ступени его развития как относительно неизменное в своей качественной определенности целое, которое неподвижно по степени, — мы тем самым подчеркиваем прерывность развития предмета. В этом случае непрерывный ряд ступеней развития предмета во времени рассматривается как сумма состояния покоя, благодаря чему прослеживается различие одной ступени предмета от другой его ступени по степени развитости на каждой из них одного и того же качества.

Во втором случае, рассматривая предмет как непрерывный поток изменений степеней его качества, мы подчеркиваем непрерывность развития указанного предмета, включая в нее и его устойчивость. Это делается для того, чтобы выделить непрерывную связь, тождество отдельных этапов развития предмета. Благодаря указанному тождеству отдельных ступеней предмета они исчезают в едином потоке развития, сливаются в нем, становятся неразличимыми. А это означает также и исчезновение внешней и внутренней сторон, внешних и внутренних связей, характерных для каждой фиксированной ступени развития предмета. Таким образом, перед нами сплошной переход, где нет ни «внешнего», ни «внутреннего» в указанном выше смысле, т. к. все меняется местами и сливается как бы в неразличимый поток.

На первый взгляд может показаться, что в приведенных взглядах имеется логическое противоречие. Но

на самом деле никакого логического противоречия нет. Перед нами диалектическое противоречие, распавшееся на свои противоположные полюсы, каждый из которых взят абстрагированно от другого.

Чтобы избежать возможной ошибки, когда при рассмотрении развития его прерывность исключается из непрерывности, а устойчивость из изменчивости, их необходимо совмещать друг с другом, включая первое, как момент, во второе. Поэтому, когда рассматривается процесс непрерывного развития качества данного предмета, то в поток этого развития необходимо включать его устойчивость и ее отрицание изменчивостью. Благодаря такому включению, когда предмет *проходит* определенные стадии развития своей качественной определенности, в нем можно различить внешнее и внутреннее, которое существенно отличается от внешнего и внутреннего, характерного для рассмотренного нами состояния устойчивости предмета.

Для состояния устойчивости внутренние связи предмета — это те, которые обуславливают его качественную определенность на данном этапе ее развития и, таким образом, приводят к единству многообразия составных элементов указанного предмета. Внешние связи — это те, в которых обнаруживается качественная природа данного предмета.

Но когда предмет рассматривается со стороны непрерывного развития, положение изменяется. Внутренними связями здесь будут те, которые приводят к непрерывному *единству* все *последовательно вступающие в наличное бытие* ступени развития предмета в рамках его меры как данного качества. Здесь проявляется противоположность тождества и различия ступеней развития данного качества. Поскольку внешние и внутренние связи состояния устойчивости включаются в процесс непрерывного изменения предмета, где устойчивость сводится к одному из моментов изменчивости, к одной из преходящих наличных относительно устойчивых ступеней бытия данного качества, которая в последующем интенсивном развитии заменяется другой его ступенью и т. д., все связи состояния устойчивости предмета последовательно превращаются во внешние связи изменчивости. Это значит, что связи, которые обуславливают данную ступень развития предмета, выступают уже не

как внутренние, а как внешние. Переход внутреннего, характерного для состояния устойчивости, во внешнее состояние изменчивости объясняется тем, что весь последовательно непрерывный ряд ступеней развития предмета не может иметь наличного бытия в пространстве. Ведь все стадии развития качества предмета выступают последовательно одна после другой. В каждый данный момент *действительное*, т. е. наличное бытие имеют не все ступени развития предмета, а только какую-либо одну из них. В тот момент времени, когда одна из ступеней развития предмета имеется в наличии и доступна непосредственному восприятию, остальные либо уже прошли, либо еще не наступили. Следовательно, в наличии их нет. Они поэтому оказываются недоступными непосредственному восприятию.

Таким образом, в каждый данный момент времени предмет вступает в отношения с окружающими предметами не сразу всеми ступенями своего развития, а только одной из возможных его ступеней — той, которая существует как наличная в данный момент времени. Следовательно, предмет представлен всегда не во всей полноте своей качественной определенности, а только той ступенью ее развития, которой он достигает на данный момент. Здесь предмет как бы выступает на поверхности объективного мира в одном из многих возможных относительно устойчивых состояний его качества. Благодаря этому, непосредственному восприятию оказывается доступной как внешняя, так и внутренняя сторона этого относительно устойчивого состояния предмета. Если внешние связи предмета воспринимаются органами чувств непосредственно как его свойства, то внутренние его связи, характерные для данной стадии развития, воспринимаются при условии аналитического рассечения упомянутого предмета на части, проводимого либо путем эксперимента, либо путем непосредственного «анатомирования» предмета.

По-другому обстоит дело с *внутренними* связями предмета, складывающимися в процессе непрерывного *изменения* степени его качественной определенности. Они оказываются недоступными непосредственному восприятию, если указанное развитие не протекает перед наблюдателем. В каждый данный момент времени наличного бытия предмета его прошлое уже проминуло,

а будущее еще не наступило. Следовательно, как первое, так и второе недоступно наблюдению в данное время. Прошрое и будущее предмета выступает здесь как скрытая во времени его внутренняя сторона, которая может быть воссоздана только путем мышления, фиксирующего различные устойчивые ступени развития предмета исследования в их взаимных переходах друг в друга и, следовательно, во внутренней взаимосвязи.

Подытаживая сказанное по поводу внешних и внутренних связей изменчивости предмета познания, можно заключить следующее. К внешним связям изменчивости относятся связи, благодаря которым разнообразные составные элементы целого приводятся к определенному органическому единству, существующему как отделенная от прошлого и будущего устойчивая ступень развития предмета. К внутренним связям относятся те связи, которые и обуславливают и приводят к единству отдельные ступени развития предмета — его прошлое с настоящим и настоящее с будущим — и благодаря этому делают различные ступени развития предмета тождественными друг другу.

Благодаря своим внешним и внутренним связям развивающийся предмет имеет внешнюю и внутреннюю стороны. Внешняя сторона указанного предмета несет на себе совокупность его внешних связей и является одной из ступеней развития качественной определенности, представленной в наличном бытии данного предмета в отдельный момент времени. Внутренняя сторона такого предмета — это совокупность связей, приводящих к единству различные ступени его развития, возникающие в процессе меры существования указанного предмета как данной качественной определенности.

Проводя различие между внешними и внутренними связями, которые характерны для предмета, рассматриваемого со стороны его относительной устойчивости, и внешними и внутренними связями, характерными для предмета, рассматриваемого со стороны его непрерывного изменения и развития, мы опираемся на идеи материалистической диалектики, которые были разработаны в произведениях классиков марксистской философии.

О том, что классики марксизма проводили различия между внешними и внутренними связями в предметах, взятых в состоянии относительной устойчивости, и внеш-

ними и внутренними связями предметов, взятых в процессе развития, свидетельствует ряд мест из их произведений. Так, например, говоря о том, что задача науки «заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительно-му внутреннему движению»¹⁸⁷, — Маркс подчеркивал, что «исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение»¹⁸⁸.

Как видим из приведенного, Маркс считает, что для успешного исследования наука должна вначале проанализировать различные отдельные формы развития предмета, а затем проследить внутреннюю связь этих форм друг с другом. Это значит, что предмет исследования изучают вначале со стороны каждой из отдельных ступеней, присущих ему в различное время развития, а затем прослеживают внутреннюю связь этих ступеней развития друг с другом, раскрывают переход от одной ступени развития предмета к другой.

О том, что классиками марксизма проводилось различение внешних и внутренних связей в предметах, взятых в их устойчивости и в развитии, свидетельствует также и «Послесловие» ко второму изданию «Капитала» Маркса.

Давая общую характеристику открытого им диалектического метода, по собственному выражению Маркса, «так удачно» очерченного Кауфманом — автором статьи в майском номере петербургского «Вестника Европы» за 1872 г., — Маркс пишет, что для диалектического метода важным является не только закон, который управляет предметами до тех пор, «пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому»¹⁸⁹.

Как известно, законы — это как раз и есть существенные связи, которые повторяются в известных услови-

¹⁸⁷ К Маркс, Капитал, т III, стр 324

¹⁸⁸ К Маркс, Капитал, т I, стр 19

¹⁸⁹ Там же

ях. И если Маркс различает законы, которые управляют определенным предметом, «пока он имеет известную форму, пока он находится в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время», то это значит, что в соответствии с Марксом, необходимо отличать связи, характерные для устойчивого бытия данного предмета на определенной ступени развития его качественной определенности, когда она рассматривается в состоянии относительной устойчивости

Поскольку Маркс различает законы, действующие в предметах, когда они берутся в процессе развития и изменения, в процессе перехода из одной формы их бытия в другую, от одного порядка взаимоотношений с окружающими условиями к другому, то это значит, что в предметах необходимо видеть связи, обусловленные их развитием, их переходом от одной ступени к другой. Эти связи являются внутренними связями изменения и развития предмета во времени. Их нужно отличать от связей, благодаря которым предмет существует как данная устойчивая ступень развития качественной определенности

Та же мысль видна в высказывании Маркса, где он пишет по поводу изменений, которые происходят с капиталом «То, что раньше мы рассматривали как изменения, которые совершаются с одним и тем же капиталом *последовательно во времени*, теперь мы рассматриваем как *одновременно существующие* различия между вложениями капитала, сделанными одно рядом с другим в различные сферы производства»¹⁹⁰ (курсив наш.— Ю. Б.).

Из сказанного по поводу внешних и внутренних связей предметов познания, рассматриваемых со стороны их устойчивости и изменчивости, видно, что они находятся в неразрывном единстве друг с другом. При этом первая группа внутренних связей, те, которые объединяют различные стороны и компоненты предметов в известную качественную определенность, вместе со своей внешней стороной, через которую предмет взаимодействует с окружающими условиями, выступают как внешнее, доступное непосредственному восприятию, продолжение второго вида внутренних связей, тех, что

¹⁹⁰ К Маркс, Капитал, т III, стр 150

соединяют друг с другом отдельные ступени развития предмета во времени его прошлое с настоящим, а настоящее — с будущим. Таким образом, внешние и внутренние связи предмета в состоянии его устойчивости выступают как внешняя часть скрытых в прошлом и в будущем внутренних связей процесса изменчивости, т. е. временных связей. В этом состоит единство внутренних связей «устойчивости» предмета с внутренними связями его изменчивости.

Это единство является таким, что внутренние связи «устойчивости» включаются во внутренние связи «изменчивости», «снимаются» ими так, что в составе этих последних из внутренних связей «устойчивости» они превращаются во внешние связи «изменчивости».

Фактически указанное превращение имеет место не потому, что предмет *рассматривается* вначале в состоянии устойчивости, а затем в состоянии изменчивости. Оно не зависит от точки зрения субъекта, а существует объективно. Это превращение происходит прежде всего потому, что всякое *«движение находится в равновесии и равновесие в движении»*¹⁹¹, потому что природа имеет историю не только в пространстве — в форме расположения одного подле другого, но и во времени — в форме последовательности одного после другого.

Различение внешних и внутренних связей изменчивости объектов исследования от внешних и внутренних связей их устойчивости имеет большое значение. Оно занимает чрезвычайно важное место в научных исследованиях. Мы приведем только некоторые из примеров, подтверждающие это обстоятельство.

Каждый живой организм с установившейся морфологической структурой и типом обмена веществ имеет внутреннюю и внешнюю стороны и соответственно внешние и внутренние связи, характерные для устойчивости. Т. Д. Лысенко, определяя внешнее и внутреннее живых организмов, писал: *«Под внешним мы понимаем все то, что ассимилируется, а под внутренним — то, что ассимилирует»*¹⁹². Отсюда видно, что к внешним связям должны быть отнесены те, которые складываются

¹⁹¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 195.

¹⁹² Т. Д. Лысенко, Агробиология, М., 1949, стр. 470.

*между организмом и тем «строительным материалом», из которого он сам себя создает. Это — связи с условиями внешней среды, или, как пишет Т. Д. Лысенко, с пищей в самом широком смысле слова «Живые тела, соответственно своей природе, избирают из окружающей внешней среды различные условия, ассимилируют их, строят свое тело, согласно закономерностям их индивидуального развития, то-есть согласно их наследственности»*¹⁹³

К внутренней стороне и внутренним связям упомянутых организмов относятся связи, обуславливающие их природу, целостность — сюда принадлежат связи, вытекающие из особенностей обмена веществ в организме, структурные морфологические связи, а также связи, обуславливающие характер протекания физиологических процессов в организме и т. д.

В результате взаимодействия этих внешних и внутренних связей организмы осуществляют процесс жизнедеятельности, «*существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой*»¹⁹⁴

Процесс обмена веществ чрезвычайно сложен. Т. Д. Лысенко пишет по этому поводу, что в результате этого процесса «пища, взятая или поступившая в организм из внешней среды, через цепь различных превращений ассимилируется живым телом, из внешнего переходит во внутреннее. Это внутреннее, являясь живым, вступая в обмен с веществами других клеток и частиц тела, как бы кормит их. Путем закономерного многообразного изменения и превращения тела организмы, начиная от зиготы (оплодотворенной половой клетки), развиваются, становятся взрослыми, способными образовывать такие же половые клетки, из которых они сами произошли»¹⁹⁵

Если рассмотреть данный пример с точки зрения описанного понимания внешних и внутренних связей, то легко можно увидеть, что здесь речь идет о внешних и внутренних связях, которые складываются в предмете, когда последний берется в состоянии относительной устойчивости, ибо в данном случае рассматривается только процесс индивидуальной жизнедеятельности

¹⁹³ Т. Д. Лысенко, Агробиология, стр. 469

¹⁹⁴ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 244

¹⁹⁵ Т. Д. Лысенко, Агробиология, стр. 470

устойчивого и потому определенного в своих качественных особенностях живого организма

Исследование взаимодействия организма и среды со стороны его внешних и внутренних связей, характерных для состояния устойчивости, имеет огромное значение при изучении внутренних законов живого, при раскрытии сущности устойчивых биологических явлений. Ведь все, связанное с процессом жизнедеятельности организма, протекает под прямым влиянием разнообразных факторов внешней среды. Поэтому изучение проблемы поступательного совершенствования организмов, их развития, их эволюции невозможно без предварительного раскрытия сложных отношений их с внешней средой. Изучение указанного взаимоотношения внешнего и внутреннего для организмов в состоянии устойчивости дает опору для того, чтобы активно влиять на их развитие, целесообразно изменять их природу, а это, в свою очередь, имеет огромное значение для борьбы против виталистических теорий о том, что признаки организмов возникают под влиянием какой-то сверхъестественной «жизненной силы», действующей спонтанно, независимо от условий внешней среды, а также преформистских выдумок вейсманистов-морганистов об извечном существовании особых «локусов», или «генов», которые, передаваясь из поколения в поколение, якобы обуславливают специфику организмов.

Однако если для случая исследования характера жизнедеятельности морфологически сформировавшегося организма со стойкой наследственностью предлагаемое понимание содержания внешнего и внутреннего в предметах, взятых со стороны их устойчивости, оказывается достаточным, то для исследования вопроса об историческом эволюционном развитии и изменении данного вида, для исследования вопроса о его возникновении и направлении, в котором данный вид развивается, такое понимание содержания внешнего и внутреннего оказывается недостаточным. Это обстоятельство стало наиболее остро ощущаться в период, когда в биологии начала пробивать себе дорогу идея эволюционного развития живых организмов. Одностороннее понимание содержания категорий внешнего и внутреннего, когда они связывались только с состоянием устойчивости, приводило к тому, что процесс эволюционного развития получил вначале

неправильное истолкование Это зафиксировано в истории биологической науки. Рассмотрение вопроса о том, с какими трудностями встретилась биология, пытавшаяся применять категории внешнего и внутреннего, сформулированные исходя из анализа предметов познания, взятых в состоянии устойчивости, для истолкования вопроса об изменчивости организмов, показывает, что понимание содержания категорий внешнего и внутреннего должно базироваться не только на учете момента устойчивости предметов познания в пространстве, но также на учете момента их изменчивости во времени

Так, из истории биологии видно, что Кювье, разрабатывая свою классификацию животных, ошибочно абсолютизировал качественную устойчивость каждой из сопоставляемых им друг с другом форм живых организмов, не принимал во внимание ее изменчивость Он делал это несмотря даже на то, что исторически последовательное расположение форм живых организмов, включаемых в его классификацию, будучи взято как целое, давало изображение картины изменчивости развития этих организмов как процесса их поступательного совершенствования, усложнения от низшего, менее совершенного, к высшему, более совершенному Указанная ошибка привела Кювье к тому, что он истолковывал содержание понятий внешнего и внутреннего только в том смысле, в каком они пригодны для предметов, взятых в состоянии устойчивости Такое понимание вопроса исключало возможность уяснить переходы, переливы, имеющие место в процессе исторического эволюционного развития видов живых организмов

Чтобы дать теоретическое истолкование факта перехода организмов от одной устойчивости формы к другой, который был несомненным для естествоиспытателей-биологов, так как вытекал из ряда научных наблюдений над биологическими видами, Кювье прибегнул к односторонней теории ничем не подготовленных скачков, благодаря которым, якобы, такой переход осуществляется

Указанная теория скачков, которую с такой тщательностью пытался разработать Кювье, была логическим следствием понимания развития только как процесса прерывного, как суммы состояний покоя Для подобного изображения развития характерным является

то понимание внешнего и внутреннего, которое присуще предметам, взятым в состоянии устойчивости. При таком понимании процесса развития и, соответственно, внешней и внутренней сторон предметов действительности и их связей, *переход* от одной из смежных ступеней развития организма к другой его ступени кажется чем-то таинственным и непостижимым. Выражая это обстоятельство, один из последователей Кювье — д'Орбиньи писал: «Ничто не может открыть нам тайну, которая связана с последовательными творческими актами эпох органического мира от первой до последней.. двадцать семь раз отдельные акты творения последовательно заселяли всю Землю новыми растениями и животными вслед за каждым геологическим переворотом, который уничтожал все в живой природе. Таков факт несомненный, непостижимый, который мы лишь устанавливаем, не пытаясь проникнуть в сверхчеловеческую тайну, его окружающую»¹⁹⁶.

Взгляды д'Орбиньи как раз и свидетельствуют о том, что стоит только оторвать момент прерывности от момента непрерывности развития, момент его устойчивости от момента изменчивости, как механизм этого развития превращается в нечто недоступное для понимания.

Но помимо теории Кювье, объясняющей процесс поступательного развития организмов периодическими катастрофами, в биологической науке бытовала и другая теория, противоположная первой. Если первая концепция отрицала внутреннюю *связь* низшей ступени развития организма с его высшей ступенью, обходила вопрос о *переходе* от одной ступени к другой, абсолютизировала устойчивость, то вторая концепция основывалась на идее о релятивности развития и исключала какую бы то ни было его устойчивость. Автором этой теории был Ламарк.

Руководствуясь указанной точкой зрения, Ламарк выступил против положений Линнея о том, что «*вид* имеет безусловное постоянство в природе»¹⁹⁷, так как

¹⁹⁶ Цит. по кн. Б. М. Кедров, О количественных и качественных изменениях в природе, М., 1948, стр. 160.

¹⁹⁷ Ж. Ламарк, Философия зоологии, т. I, М.—Л., 1935, стр. 57.

очевидные биологические факты якобы подтверждали его несостоятельность. Он рассматривал всю существующую живущую природу как непрерывную цепь существ, в отдельных элементах которой, в процессе развития указанной цепи, происходят плавные непрерывные изменения. Таким образом, Ламарк абсолютизирует изменчивость и исключает из нее устойчивость, качественную определенность в рамках ее меры. Согласно Ламарку, если бы промежуточные звенья организмов не вымирали, то установление классов и видов животных и растений невозможно было бы вообще осуществить или осуществлять его совершенно произвольно, так как животные и растения представляли бы в наших глазах слитную, непрерывную линию постепенных переходов без всяких разрывов. Ввиду этого оказалось бы невозможным установить классификационные границы между ними. Эти границы, писал он, «по произволу можно было бы передвигать без конца, и разногласия не было бы в отношении только тех групп, на которые ясно указывали бы пробелы ряда»¹⁹⁸. Но, так как многие виды вымерли и мы о них никогда не узнаем, пишет дальше Ламарк, то пробелы в естественном ряду животных и растений «еще долго (а может быть и всегда) будут давать нам средства намечать границы для большинства создаваемых групп»¹⁹⁹.

Как видим из приведенных выдержек, Ламарк объясняет фактическое отсутствие слитности разнообразных видов животных и растений, которое наблюдалось естествоиспытателями его времени, вымиранием промежуточных звеньев. Если бы этого не было, то качественные границы, по мнению Ламарка, должны были бы носить чисто субъективный, произвольный характер, т. е. фактически отсутствовать. В самой природе никаких качественных границ не существует, полагал он, — эти границы устанавливаются людьми по произволу или по договоренности друг с другом.

Как правильно пишет К. А. Тимирязев, «это толкование фактической сомкнутости видовых групп, конечно, не могло удовлетворить и вынуждало ученых и мыслителей, даже сочувствовавших общему складу мыслей

¹⁹⁸ Ж. Ламарк, *Философия зоологии*, т. I, стр. 40

¹⁹⁹ Там же

Ламарка, соглашаться с доводами его противников»²⁰⁰.

Несмотря на их методологическую несостоятельность, взгляды Ламарка заключали в себе рациональное зерно, которое состояло в том, что они предвосхитили в неправильном и извращенном виде идею о непрерывности изменения, которая затем вошла в эволюционную теорию развития организмов. Здесь, как пишет Ф. Энгельс, мы «не должны упускать из виду, что во времена Ламарка наука отнюдь еще не располагала достаточным материалом для того, чтобы ответить на вопрос о происхождении видов иначе, как предвосхищая будущее,— так сказать, пророчески»²⁰¹.

Взгляды Ламарка свидетельствуют о том, что он стихийно подошел к пониманию внутреннего, которое характерно для состояния развития предметов, их изменчивости, но впал в ошибки в связи с тем, что не понял соотношения этого внутреннего с внутренним, характерным для предметов в состоянии устойчивости. Следовательно, он не понял, что развитие есть единство противоположностей, тождества и различия, изменчивости и устойчивости. Таким образом, обе указанные концепции развития живых организмов были односторонними и каждая из них правильна только наполовину, так как отражала только одну сторону описываемого процесса, один из двух его взаимно проникающих полюсов.

Единственно правильной является диалектическая концепция развития, которая исходит из признания единства взаимно проникающих противоположных сторон изменчивости и устойчивости. Здесь противоположные стороны — устойчивость и текучесть — изображаются не изолированно друг от друга, а в их подлинном объективном единстве, в их внутреннем взаимном проникновении потому, что эта концепция рассматривает развитие как поток, включающий наряду с изменением также и относительную устойчивость сменяющих друг друга ступеней движения, как поток, протекающий на основе борьбы указанных противоположностей.

В свете изложенного существование какого-либо из современных видов организмов, скажем лошади, с ха-

²⁰⁰ К. А. Тимирязев, Избранные сочинения, т. III, М., 1949, стр. 421.

²⁰¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 70.

рактерной для него устойчивой морфологической структурой и типом обмена веществ, есть одна из доступных непосредственному наблюдению форм наличного бытия этого вида. Каждый из представителей данного вида живет благодаря процессу обмена веществ, осуществляющемуся на основе двух факторов. Во-первых, на основе внутренних закономерностей жизнедеятельности самого организма, обусловленных его наследственностью, закономерностей, в соответствии с которыми осуществляется процесс ассимиляции и диссимиляции, т. е. на основе внутреннего, характерного для состояния устойчивости предмета. Во-вторых, обмен веществ протекает на основе внешних связей данного организма с окружающими его условиями среды, в которых он живет и которые ассимилирует, т. е. на основе внешнего, характерного для состояния устойчивости.

Если предположить, что внешняя среда и, соответственно, образ жизни данного вида остаются неизменными, то в процессе своего последующего воспроизводства вид будет неизменно сохранять характерные для него особенности. Это подтверждается многими фактами. Например, в настоящее время из растений широко распространены пальма, магнолия, дуб, вяз, ива, из животных — пеликан, каравайка, фламинго и т. д., которые почти без изменений существуют миллионы лет. Советский ихтиолог В. Д. Лебедев в 1954 году обнаружил ископаемые формы окуней, шук, лещей, плотвы и других пресноводных рыб, относящихся к среднему миоцену (10—15 млн лет до нашего времени), которые почти ничем не отличаются от своих потомков — современных рыб²⁰².

Указанные и многие другие факты, свидетельствующие об относительной устойчивости видов, как правильно пишет К. А. Тимирязев, вынуждают нас признать, что *«виды — в наблюдаемый нами момент — имеют реальное существование»*²⁰³. Отмечая это обстоятельство, т. е. то, что виды реально существуют, К. А. Тимирязев признает наличие в живых организмах внешнего и внут-

²⁰² См. В. Д. Лебедев, Неогеновая фауна пресноводных рыб Зайсанской впадины и Западно-Сибирской низменности, — «Вопросы ихтиологии», т. XIII, 1959.

²⁰³ К. А. Тимирязев, Соч., т. VI, 1939, стр. 106.

ренного, характерных для описанного нами состояния устойчивости предметов. Однако он понимает, что признание существования видов, сохранения и воспроизведения принадлежащих им признаков в потомстве, признание внутренних закономерностей наследственности и неразрывной связи организмов с внешней, окружающей их средой, еще далеко недостаточно для раскрытия вопроса о происхождении видов и особенно об их изменчивости.

Чтобы раскрыть закономерности изменчивости живых организмов и дать, таким образом, правильное их истолкование, необходимо проследить последовательное развитие этих организмов во времени, рассмотреть промежуточные ряды между их исходными формами и конечным результатом развития этих форм, вскрыть динамику организмов. Если в первом случае оказывается, что «виды в наблюдаемый нами момент имеют реальное существование», то во втором случае, пишет К. А. Тимирязев, выходит, что «*вида*, как категории, строго определенной, всегда себе равной и неизменной, в природе *не существует*»²⁰⁴. Как видим, К. А. Тимирязев подходит к мысли недостаточности внешнего и внутреннего, характерного для состояния устойчивости при попытках понять процесс развития вида как данной качественной определенности.

Чтобы раскрыть процесс развития вида, пишет К. А. Тимирязев, «в самих свойствах представителей видовых форм нужно найти указания на подвижность, на текучесть этих форм, уловить признаки как бы застывшего движения, как это, например, мы видим в моментальных фотографиях, необходимо... подыскать несомненные, очевидные примеры наблюденного движения форм, т. е. их изменения за память истории»²⁰⁵. «Продолжая сделанное выше сравнение с моментальной фотографией,— пишет далее Тимирязев,— мы можем сказать, что, охватывая одним общим взглядом всевозможные видовые формы, от только что зачинающегося до вполне обособившегося вида, мы выносим общее впечатление текучести, подвижности этих форм, точно так же, как в стробоскопе, соединяя в одно изображение формы, застыв-

²⁰⁴ К. А. Тимирязев, Соч., т. VI, стр. 106

²⁰⁵ К. А. Тимирязев, Избранные сочинения, т. III, стр. 440.

шие в различных фазах движения, мы получаем непосредственное впечатление этого движения»²⁰⁶.

В этих высказываниях Тимирязева видна попытка выразить процесс изменчивости вида, изобразить в чувственно наглядной форме единство прерывности и непрерывности, устойчивости и изменения, которые у него еще не проникают друг в друга, а выступают как лежащие рядом друг с другом. Он, как и Дарвин, взгляды которого в данном случае Тимирязев излагает и истолковывает, были подведены самими естествонаучными фактами к необходимости признания единства устойчивости и изменчивости организмов в процессе их эволюционного биологического развития.

Раскрывая непрерывный поступательный процесс изменения в живых организмах, запечатленный в разновидностях того или иного вида, руководствуясь при этом идеей, что разновидности являются внутренним связующим звеном между существующим и нарождающимся видом, Дарвин привел во внутреннюю связь разновидности домашних голубей. Тем самым он как бы внутренне соединил в единое связное и последовательно-непрерывное целое стадии развития, запечатлевшие фазы изменения одного и того же вида. Благодаря этому была наглядно показана его подвижность, текучесть. В результате такого сопоставления он доказал, что различные породы домашних голубей происходят от одного и того же представителя — дикого горного голубя.

Используя данные палеонтологии, В. О. Ковалевский проследил эволюцию современной лошади, происходящей от животного, называемого эогиппусом, жившего в Северной Америке в начале третичного периода. Приведенный Ковалевским к единству ряд промежуточных форм этого вида показывает процесс непрерывного развития современной лошади из маленького животного, которое было совсем непохожим на нее. Эогиппус имел 30 см роста, четыре пальца на передних и три — на задних ногах, череп и зубы совершенно отличные от черепа и зубов современных лошадей. Приводя во внутреннюю связь последовательные ступени развития эогиппуса, Ковалевский показал, как шло последовательное, постепенное, непрерывное развитие от древнейших непарно-

²⁰⁶ К. А. Тимирязев, Избранные сочинения, т. III, стр. 451.

палых эогиппусов к современной лошади путем перестройки конечностей, изменения формы черепа и зубов, увеличения роста и т. д. в каждой новой стадии.

Венский палеонтолог-дарвинист Неймайр нашел лично существующую в действительности застывшую последовательность ископаемых форм филогенетического ряда моллюсков рода *Paludina* и смог, благодаря этому, наглядно показать историю превращения одного вида моллюсков в другой. Раковины «*Paludina*» образуют в Славонии мощные палюдийные слои, относящиеся к палиоцену В нижних палюдиновых слоях имеются раковины, принадлежащие к виду *Paludina Neumauri*, а в верхних господствуют представители другого вида *P. Hernesi*. Эти два вида внутренне связаны многочисленными переходными формами, находящимися в промежуточных палюдиновых слоях, которые приводят ко внутреннему единству особей обеих указанных видов, раскрывая, таким образом, непрерывный филогенетический ряд застывшей изменчивости.

Подобных примеров можно привести множество. Но нас интересуют в данном случае не примеры сами по себе, а их истолкование в аспекте раскрытия характера связей отдельных ступеней последовательного развития качественно определенных организмов во времени. Выводы, вытекающие из анализа приведенных примеров, позволяют заключить, что, если взять одну из ступеней развития определенного вида живых организмов, то она имеет устойчивое наличное бытие в пространстве в данный момент времени Следовательно, для организма этого вида, когда он рассматривается со стороны устойчивости, характерны внешние связи, вытекающие из его взаимоотношений с окружающей средой Но помимо них, для данного организма характерны и внутренние связи, вытекающие из особенностей анатомической структуры, из физиологических процессов обмена вещества, происходящих в этом организме, из особенностей строения тела и взаимного расположения органов друг относительно друга, сложившегося в процессе онтогенеза этого организма и т. д. Это есть внешние и внутренние связи, характерные для состояния устойчивости предмета.

Однако если принять во внимание, что существующая совокупность устойчивых организмов данного ви-

да — только одна из ступеней последовательного ряда вымерших, а потому и исчезнувших в глубине веков ступеней его развития, внутренние связанных друг с другом общностью происхождения, го становится ясным, что когда речь идет об организме, взятом со стороны его устойчивости, мы имеем здесь дело с внешним обнаружением одной из частей всей исторически непрерывной цепи развития особей данного вида, которые в будущем вымрут и исчезнут. Таким образом, все другие звенья этой цепи скрыты во времени, они уже не существуют потому, что организмы вымерли или не народились. Эти звенья непрерывного ряда можно восстановить только путем применения абстрактного мышления, как это сделал Дарвин в случае с установлением генетической основы породы домашних голубей, или благодаря палеонтологическим находкам, как это сделали Ковалевский в случае с лошадью и Неймайр — в случае с моллюском.

Следовательно, когда речь идет о процессе изменчивости организмов, — мы имеем дело с пониманием внутреннего, которое существенно отличается от его понимания, вытекающего из анализа состояния устойчивости объекта. Оказывается, что здесь к внутренним связям относятся связи, складывающиеся в процессе *перехода* одной устойчивой формы живых организмов в другую их форму, связи, объединяющие различные ступени развития этих организмов во времени. Ввиду того, что предшествующие поколения организмов как бы ассимилировали особенностями организации своего тела, т. е. внешние условия, которые встречались на их жизненном пути, и сконцентрировали эти условия так, что выработанная ими система обмена вещества поддерживается в последовательном развертывании грядущих поколений, приводимых общностью происхождения во внутреннее единство с настоящими и прошедшими поколениями, — складываются внутренние связи изменчивости. Благодаря этим связям каждый отпочковывающийся от предшествующего новый организм данного вида требует вполне определенных условий для своей жизни и развития, приобретает наследственную способность реагировать на те или иные условия жизни аналогично тому, как реагировали бы на них породившие его предки. Как общее правило, о котором свидетельствуют ра-

зобранные примеры, внутренние связи изменчивости, обуславливающие единство различных ступеней развития организмов, оказываются недоступными непосредственному наблюдению. Их можно восстановить только силой абстрактного мышления — путем сопоставления последовательных этапов развития организмов, зафиксированных каким-либо подходящим для этого образом (последовательность палеонтологических находок, замедленная или ускоренная киносъемка, непосредственное наблюдение искусственно воссозданного процесса развития в лабораторных условиях, если он протекает в течение подходящего времени и т. д.).

Ввиду того, что отдельная ступень развития вида организмов, как об этом уже говорилось выше, является лишь звеном последовательного ряда внутренне связанных общностью происхождения, но вымерших форм этих организмов, звеном, выходящим из глубин времени в непосредственное существование, — внутренние связи, характерные для состояния относительной устойчивости организмов, становятся внешними связями, если включить данную ступень в исторически непрерывный ряд развития. В этом можно убедиться, применив известные методы научного исследования, благодаря которым мы практически расчленив предмет скажем, анатомируя организм, сравнительно легко можем обнажить внутренние связи состояния устойчивости и тем самым сделать их доступными непосредственному восприятию. Если, например, перед нами находится организм, взятый в отдельный момент его жизни, то ясно, что этот организм существует непосредственно, т. е. имеет наличное бытие, является действительным в данный момент времени. Благодаря своему реальному существованию этот организм как бы сливается с окружающими его внешними условиями, ибо он есть часть этих условий, существующая во взаимодействии с их другими частями. Путем анатомического рассечения этого организма на его составные компоненты нам сравнительно легко установить его внутреннюю анатомическую структуру. Применяя разнообразные методы научного исследования, мы можем раскрыть внутренние физиологические и физико-химические процессы, связанные с обменом веществ, протекающим в данном организме. Больше того, применяя метод условных рефлексов, мы мо-

жем сделать доступным непосредственному восприятию внутренний механизм его высшей нервной деятельности и т. д. Но все это означает, что внутреннее, характерное для предмета, взятое со стороны его устойчивости, в случае, когда мы сопоставляем отдельные фазы развития предмета во времени, превращается во внешнее, «снимается» изменчивостью, превращаясь в один из ее моментов, в одно из ее обнаружений в пространстве.

Рассмотренные в настоящем разделе примеры из области естествознания свидетельствуют о том, что внешние и внутренние связи изменчивости, которые обуславливают возникновение отдельных ступеней развития предмета как данного качества и приводят эти ступени к единству, на самом деле складываются в процессе развития, что их отражение и правильное истолкование имеет большое значение в научном исследовании. Если естествознание прошлого, которое было «преимущественно *собирающей* наукой, наукой о законченных вещах»²⁰⁷, не ощущало потребности в разработке теории познания этих внутренних связей изменчивости, довольствуясь рассмотрением одного лишь состояния устойчивости, то теперь, когда «в нашем веке оно стало в сущности *упорядочивающей* наукой, наукой о процессах, о происхождении и развитии этих вещей, о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое»²⁰⁸, разработка теории познания внутренних связей изменчивости, которые были здесь рассмотрены,— является решающим условием успешных современных естественнонаучных исследований.

Исходя из данного понимания внешних и внутренних связей и сторон изменчивости предметов, можно было бы попытаться определить соответствующее содержание категорий сущности и явления. При этом, как отмечалось, в содержании категорий сущности и явления, взятых в аспекте изменчивости предметов, диалектически «снимается» то их содержание, которое было описано в связи с рассмотрением состояния их устойчивости. В этом свете явление выступает как налично существующая в данный момент времени ступень развития предмета, т. е. практически как сам этот предмет. Сущность

²⁰⁷ К Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 369.

²⁰⁸ Там же.

же должна рассматриваться как тот способ внутренней связи многообразных компонентов предмета, который предопределяет его качественную природу и ее изменение в рамках меры существования данного предмета во времени.

КАТЕГОРИИ СУЩНОСТИ И ЯВЛЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕДИНСТВА УСТОЙЧИВЫХ И ИЗМЕНЧИВЫХ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ СВЯЗЕЙ ПРЕДМЕТОВ ПОЗНАНИЯ

Рассмотрение внешних и внутренних связей предметов действительности, взятых в аспектах их относительной устойчивости и изменчивости, а также соответствующих этим связям внешней и внутренней сторон объективной реальности, на наш взгляд, позволяет разрешить вопрос о диалектико-материалистическом понимании содержания категорий сущности и явления и совместить описанную нами выше двойственность значения, которая имеется в понимании содержания категории явления, а потому и категории сущности в марксистской литературе.

В свете описанного понимания внешнего и внутреннего и, соответственно, внешних и внутренних связей и сторон действительности содержание категории явления на самом деле может иметь двоякое значение. И это обстоятельство отнюдь не должно расцениваться как случайное. Когда речь идет об объективно существующем моменте устойчивости исследуемых предметов, то, в этом случае, категория явления отражает доступную чувственному восприятию и обнаруживающуюся во взаимодействиях предметов друг с другом их внешнюю, поверхностную сторону, или связи предметов, возникающие между ними, когда они взаимодействуют друг с другом благодаря их взаимному противостоянию, как известных и отличных друг от друга качественных определенностей.

Во втором значении категория явления употребляется, когда речь идет о рассмотрении качественно определенных предметов действительности со стороны их изменчивости, со стороны их развития во времени, где возникает необходимость противопоставлять одну относительно устойчивую ступень предмета другой его отно-

сительно устойчивой ступени для того, чтобы был охвачен весь процесс развития предмета во времени как непрерывный поток его изменения или совершенствования. В этом случае категория явления употребляется для выделения предмета и процесса, как известной, относительно устойчивой качественной определенности, представляющей собою единство многообразия присущих этому предмету элементов или сторон, приведенных в органическую целостность известным способом связей. Следовательно, здесь категория явления употребляется для обозначения предмета, взятого как цельность, как «тотальность»

Отмеченное понимание содержания категории явления позволяет понять, почему она может употребляться в различном значении. Когда речь идет о познании сущности предмета, рассматриваемого со стороны его относительной устойчивости, эта категория употребляется для выделения его внешней, поверхностной стороны. Когда же речь идет о процессе исторического развития предмета и возникает необходимость сопоставлять существующие в различные промежутки времени отдельные ступени его изменения во времени друг с другом, — категория явления употребляется как синоним понятия «предмет», «процесс», когда последний берется в целом. Таким образом, если предмет рассматривается в устойчивости, категория явления отражает его поверхностную сторону. Если же этот самый предмет рассматривается в процессе его изменения, категория явления обозначает сам этот предмет на данной ступени его развития как единство многообразия.

Подобно категории явления, категория сущности имеет также двоякое значение. Это проявляется в ее двояком употреблении. Когда предмет познания рассматривается со стороны его относительной устойчивости, сущность противостоит явлению как противоречивый способ внутренней связи многообразия сторон и составных элементов этого предмета, который обуславливает их органическое единство и делает предмет известной качественной определенностью.

В случаях, когда предмет рассматривается со стороны его развития и изменения, сущность выступает как совокупность внутренних связей изменчивости, обуславливающих не только устойчивую качественную природу

предмета познания, но и составляющих противоречивую основу его развития и перехода от одной ступени к другой в пределах меры существования указанного предмета как данной качественной определенности. В этом случае категория сущности соответствует связям, обуславливающим как качественную определенность предмета, так и связям, обуславливающим единство и возникновение ступеней развития, складывающихся в процессе исторического изменения предмета во времени. Следовательно, она выступает в виде внутренней закономерности бытия и развития предмета как определенного качества.

Таким образом, если предмет рассматривается в устойчивости, категория сущности отражает тот способ внутренних связей, которые делают предмет данным качеством. Если же этот самый предмет рассматривается в процессе его изменчивости, категория сущности означает основу его существования как качественной определенности и ее изменения. Тем самым первое значение категории сущности диалектически «снимается» во втором ее значении.

Ввиду того, что внешняя и внутренняя стороны предметов, их внешние и внутренние связи, когда эти предметы рассматриваются в аспекте их устойчивости, находятся в неразрывном единстве с внешней и внутренней сторонами, внешними и внутренними связями предметов, когда они рассматриваются в аспекте их изменчивости, между сущностью и явлением, взятыми в их первом и втором понимании, имеется неразрывная связь. При этом эта связь такова, что в обоих случаях явление выступает как внешнее обнаружение сущности, как внешние связи, внешняя сторона предмета.

Когда предмет берется в аспекте его устойчивости как данная качественная определенность, не совпадающая с другими качествами, — явление выступает как внешняя, поверхностная сторона указанного предмета, как система его внешних, поверхностных связей, обнаруживающихся благодаря взаимодействию указанного предмета с окружающими условиями или познающим его человеком. Практически явление выступает здесь как совокупность определенных свойств предмета, обнаруживающихся благодаря его взаимодействию с окружающими условиями и человеком. Как известно, эти

свойства зависят от качественной природы предмета, но сами ею не являются. Они не создаются его отношением с другими предметами, а только обнаруживаются в таком отношении. Сама же качественная природа предмета зависит от его противоречивой сущности, от характера компонентов, из которых данный предмет состоит, и, главным образом, от их способа связи друг с другом в органическую целостность. Именно эти связи являются внутренними связями, характерными для предмета, взятого в аспекте его относительной устойчивости.

Поэтому, чтобы раскрыть внутреннюю природу предмета и соответствующие ей определяющие связи, необходимо, исходя из его отдельных свойств и особенностей, обнаруживающихся во внешних отношениях и выступающих как явления данной сущности, раскрыть прежде всего противоречивый способ связей, который приводит к органическому единству составные элементы указанного предмета. В этом проявляется единство явления и сущности для предметов, рассматриваемых со стороны их относительной устойчивости, а также то, что явление есть внешнее обнаружение сущности в одном из ее моментов.

В случаях, когда речь идет о предметах, в которых объективно на передний план выдвигается устойчивость, например, минералы, космические тела и т. д., или в случаях, когда речь идет об изучении относительно устойчивой формы какого-либо предмета макромра, — обнаружить упомянутые существенные связи можно экспериментальными методами или, иногда, методами мышления, лежащими в основе элементарной логики. В этих случаях вопрос о происхождении предметов исследования, о закономерностях и движущих силах их развития остается вне поля зрения по характеру самой задачи исследования.

Если предмет берется в его изменчивости — сущность и явление этого предмета также находятся в неразрывном единстве друг с другом. Явление выступает здесь тоже как внешнее обнаружение сущности в виде отдельной ступени развития предмета, в виде отдельного этапа его существования в наличной действительности, который противостоит скрытой в прошлом и будущем предмета, недоступной непосредственному восприя-

тию, внутренней его стороне. Следовательно, явление выступает здесь как внешний момент сущности, который противопоставляется ряду исторически прошедших и возможных будущих этапов развития предмета, отличающихся по степени. При этом исторически прошедшие и будущие этапы развития предмета слиты друг с другом через наличное бытие этого предмета, взятого на данном этапе его развития. Здесь сущность обнаруживает один из своих моментов через явление, которое выступает как сам предмет, в единстве и поверхностной и внутренней сторон, характерных для этого предмета, взятого со стороны устойчивости. Процесс познания явления в этом случае мало чем отличается от познания сущности предмета в первом ее понимании, так как сущность предмета, взятого со стороны его устойчивости, выступает как явление предмета, рассматриваемого со стороны его изменчивости.

Но чтобы познать сущность предмета со стороны его изменчивости, познание должно путем анализа и синтеза подвергнуть исследованию не только его отдельные явления, а взять ряд следующих друг за другом явлений данной сущности как ступеней развития этого предмета с точки зрения их исторической внутренней связи и перехода одной ступени развития в другую с тем, чтобы путем восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному, осуществляемого путем диалектического анализа и синтеза, воссоздать сущность развивающегося предмета в его исторически обусловленной, объективной полноте. В этом случае сущность представляет собой противоречивый способ внутренних определяющих связей, которые обуславливают не только качественную природу предмета, но и развертывание его внутренних противоположностей как источника существования и развития данного предмета. И для того, чтобы эту сущность раскрыть, познание уже не может ограничиться методикой, вытекающей из элементарной логики, а должно пользоваться диалектикой как логикой и теорией познания.

Когда мы здесь говорили о двояком значении категории явления и сущности, то имелось в виду, что указанное их двоякое значение имеет смысл только в случае, если исследуемый предмет или процесс рассматривается в двух аспектах, взятых порознь, где первый ас-

пект — это состояние относительной устойчивости, а второй — непрерывный процесс изменения и развития. Подобное рассмотрение вопроса о содержании категорий сущности и явления может применяться лишь в целях удобства исследования. На самом же деле вся действительность есть непрерывный процесс изменения, где относительная устойчивость неотделима от изменчивости. Поэтому и первое и второе понимания сущности и явления находятся в неразрывном единстве друг с другом. Здесь речь идет не о двух разных закономерностях сущности и явления, а об одной и той же закономерности, которая существует как в пространстве, так и во времени и соответственно обнаруживается в категориях сущности и явления.

Исходя из сказанного видно, что категорию явления неправильно было бы сводить только к отражению поверхностной внешней стороны, а категорию сущности — лишь к отражению скрытой под этой поверхностью внутренней стороны предмета. Такое понимание сущности и явления, независимо от того, желаем мы этого или нет, может привести к рассмотрению предметов действительности только со стороны их относительной устойчивости, а понятия внутреннего и внешнего — свестись к геометрическому их пониманию. Если этим ограничиться, мышление становится метафизическим. Поэтому понимание сущности и явления, когда сущность рассматривается как внутренняя, относительно устойчивая сторона объективной действительности, скрытая за *поверхностью* явлений, а явление как внешнее выражение этой стороны²⁰⁹, о котором мы уже говорили, представляется недостаточным. Сторонники такого понимания сущности и явления не учитывают, что соответствующие этим категориям стороны и связи объективной действительности нужно рассматривать и в изменчивости. Поэтому вместо диалектико-материалистического понимания связей и сторон объективной действительности, которые соответствуют категориям сущности и явления, упомянутые авторы дают их истолкование на основе элементарно-логического способа мышления. Элементарная логика, хоть и не является исключительно методом метафи-

²⁰⁹ См.: «Категории материалистической диалектики», М., 1956, стр. 64.

зики и, в основном, способна приводить к правильному отражению объективного мира, когда его предметы берутся в аспекте устойчивости или когда мышление оперирует уже готовыми, ранее добытыми знаниями, оказывается неспособной обеспечить накопление и логическую обработку знаний о *развитии* предметов, ибо, если мышление руководствуется лишь элементарной логикой, применяя ее к развитию, оно неизбежно впадает в ошибки метафизического характера.

ГЛАВА III

ДИАЛЕКТИКА СУЩНОСТИ И ЯВЛЕНИЯ

Анализ объективного содержания категорий сущности и явления позволяет рассмотреть объективную диалектику сущности и явления и ее отражение в сознании. Ф. Энгельс писал, что «так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая *субъективная* диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения»²¹¹ Таким образом, объективная диалектика сущности и явления — это внутренняя сторона независимого от сознания процесса развития предмета, изменяющегося количественно в рамках меры его существования как такового, взятая в соотношении с внешней стороной развития указанного предмета. Названный процесс развития происходит на основе борьбы недоступных непосредственному наблюдению противоположностей в сущности предмета, обуславливающей его качественную определенность и ее изменение благодаря взаимодействию этого предмета с окружающими условиями.

Субъективная диалектика сущности и явления — это отражение их объективной диалектики, отложившееся в сознании благодаря систематическому повторению операций, направленных на познание указанной закономерности действительности в виде соответствующей устойчивой логической формы, по которой образуются и связываются познавательные образы — представления, понятия и т. д. с целью адекватного познания действительности отражающим ее мышлением.

²¹¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 166

Объективно существующий в предмете внутренний способ связей, благодаря которому он выступает как известное качество и который составляет сущность названного предмета, недоступен непосредственному восприятию в целом. Реально он раскрывается благодаря явлениям данной сущности, которая через них взаимодействует с окружающими условиями и тем самым обнаруживается путем развертывания потенциально заложенного в ней содержания. Следовательно, чтобы могло развернуться все содержание сущности, необходимо осуществление процесса развития предмета, возникшего как данная качественная определенность. Так, например, сущность капиталистического способа производства не может быть познана мышлением на основе исследования тех его явлений, которые существуют, когда капитализм только лишь возникает в недрах феодального способа производства в виде отдельного экономического уклада. Для раскрытия сущности капитализма необходимо, чтобы этот способ производства достиг определенной степени зрелости. Анализ явлений капиталистического общества, когда оно уже в основном созрело, позволил Марксу раскрыть его сущность, которая до этого не могла быть раскрытой потому, что находилась в зародышевых формах проявления.

Сущность как начало, обуславливающее качество предмета в момент его возникновения как такового, совершенно неуловима. Она представляет собой на этой начальной ступени развития скорее «выражение условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность до установления более многостороннего отношения или связи»²¹², способной объективно раскрыть всю ее полноту. Маркс писал, что сущность денег, возникших в глубокой древности, наиболее полно обнаруживается только на развитых ступенях общества, где в экономике господствуют денежные отношения. Он отмечал: «Хотя более простая (абстрактная — Ю Б) категория может исторически существовать раньше более конкретной, но в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии она может принадлежать только более сложным обще-

²¹² К Маркс, К критике политической экономии, стр. 215

ственным формам. »²¹³, в которых она исторически выступает в своей полной силе.

Отмеченное Марксом объективное обнаружение категорий (в том числе и сущности) в процессе экстенсивного и интенсивного развития предметов характерно не для всех объектов исследования. Оно имеет место в объектах, которые проходят более или менее долгий путь своего становления и в которых, следовательно, состояние устойчивости несущественно. Для предметов же, становление которых по сравнению с временем их устойчивого бытия занимает ничтожно малые промежутки времени, как, например, атом, сущность обнаруживается во внешнем взаимодействии, когда эти предметы берутся в их неизменности, так как интенсивная сторона развития в них почти неуловима. Процесс обнаружения сущности таких объектов достаточно исследован в нашей литературе и останавливаться на нем нецелесообразно. Поэтому мы сосредоточимся на рассмотрении развертывания сущности изменчивых объектов.

Как установлено, наиболее полное объективное развертывание сущности того или иного предмета происходит в процессе его интенсивного изменения, когда различные по степени своей развитости явления этой сущности вступают в отношения с предметами окружающих условий и друг с другом.

Существенная особенность этого процесса состоит в том, что каждая более высокая ступень явлений данной сущности концентрирует в сжатом виде особенности предшествующих ступеней. Но это не значит, что исходя из наиболее развитой ступени явления можно раскрыть всю его сущность. Даже взятое на высшей ступени развития явление не обнаруживает своей сущности полностью. На отдельной устойчивой ступени развития предмета отношение компонентов, которое составляет его сущность, совсем не похоже на то их отношение, которое складывается в процессе поступательного исторического развития. Так, Маркс писал, что отношения, в которых находятся категории современного капитализма, «прямо противоположны тому, которое представляется. . соответствующим последовательности исторического развития»²¹⁴. Для прослеживания объективной диалектики

²¹³ К Маркс, К критике политической экономии, стр. 216.

²¹⁴ Там же, стр. 221.

любого предмета, указывал Маркс, необходимо отыскать зародыш этого предмета, являющийся той элементарной клеточкой, от которой начинается его развитие, и проследить исторически последовательный ряд внутренне связанных ступеней его восходящего изменения²¹⁵. Поэтому, когда речь идет об объективном обнаружении сущности, которое осуществляется путем развития ее явлений в исторически последовательном ряде их сменяющихся форм, где низшая ступень сменяется высшей, — перед нами предстает объективная диалектика сущности, знание которой значительно облегчает понимание ее субъективной диалектики.

Прослеживание объективной диалектики сущности, начинающееся от возникновения того первого явления, которое порождается соответствующим способом связи как данное качество и кончающееся той степенью развития предмета, дойдя до которой сущность оставляет позади себя исторический ряд явлений, дающих в совокупности своих связей ее наиболее полное обнаружение — сопряжено со значительными трудностями. Здесь речь идет о взаимодействии с окружающими условиями и друг с другом не одного или нескольких отличающихся по степени явлений, а целого их исторически субординированного ряда. Каждый из членов этого ряда есть лишь одно из возможных обнаружений исследуемой сущности, вся полнота которой выступает только в их единстве, в их внутренней взаимной связи.

Трудность состоит в том, что в наличном бытии этого последовательного ряда явлений никогда не существует, ибо каждое из этих явлений имеет наличное бытие одно после другого. Больше того, для обнаружения того момента сущности, который заложен в одном из таких явлений, оно должно вступить во взаимодействие с окружающими условиями, ибо только во взаимодействии тела обнаруживают свою природу.

В преодолении указанных трудностей на помощь приходит абстрактное мышление, воссоздающее картину объективной диалектики сущности и явления, которая протекает последовательно во времени. Это воссоздание осуществляется при посредстве понятий, соединяющих содержание рассредоточенных во времени явле-

²¹⁵ См К Маркс, К критике политической экономии, стр 213.

ний в их объективной последовательности и подающих эту последовательность в сконцентрированном виде. Путем развертывания содержания понятий, концентрирующих в себе знания о внутренних связях прошедших событий, можно воссоздать картину прошлого в его внутренней закономерности. И это не значит, что тем самым воображаемое выдается за действительное. Научные понятия сокращенно отображают объективную диалектику вещей и позволяют воссоздать верную картину объективно протекающих процессов в их исторической и логической значимости. То, что протекает иногда на протяжении целых геологических эпох, можно изобразить в логической форме в течение нескольких часов.

Таким образом, для того чтобы развернуть объективную диалектику сущности, раскрывающей свое содержание в последовательном ряде сменяющих друг друга явлений, нет надобности всегда прослеживать весь этот ряд. Здесь достаточно сопоставления в их внутренних связях лишь основных, переломных стадий развития объекта. Вопрос о способах обнаружения сущности по отдельным ступеням ее развития рассматривается, когда речь идет о соотношении исторического и логического. Следовательно, он скорее относится не к объективной диалектике сущности и явления, а к их субъективной диалектике. Здесь же мы попытаемся рассмотреть объективную диалектику сущности и явления не в логическом, а в объективно-историческом плане, исходя из того, что для развертывания содержания его сущности предмет должен пройти исторически последовательный ряд ступеней развития, о котором говорилось выше.

При рассмотрении объективного развертывания сущности очень важно не упускать из виду необходимости расчленения и диалектического соединения двух аспектов развития — экстенсивного и интенсивного, которые вытекают из подхода к качественной определенности со стороны устойчивости и изменчивости.

Взятое в экстенсивном плане самообнаружение сущности происходит благодаря взаимодействию отдельной устойчивой ступени развития предмета с окружающей средой. Особенности предмета, обнаруживающиеся в таком его взаимодействии со средой, выступают как явления его сущности. Как отмечалось, в данном случае яв-

ление — это внешняя сторона, внешние связи предмета в пространственно-геометрическом смысле этого слова, противостоящие внутренним связям, внутренней стороне как сущности предмета в том же значении понятия «внутреннее». В аспекте интенсивного развития предмет представляет собой ряд последовательно сменяющих друг друга ступеней, каждая из которых вытекает из предшествующей и «снимается» последующей. Таким образом, отдельная устойчивая ступень предмета как явление интенсивно развивающейся сущности есть налицо существующий и потому внешний момент всего скрытого во времени непрерывного ряда последовательно сменяющих друг друга ступеней развития указанного предмета. Поэтому связи, которые определялись как внутренние, когда предмет рассматривался в экстенсивном плане, выступают как внешнее обнаружение внутренних связей или сущности предмета, когда он рассматривается в плане интенсивном.

Из сказанного вытекают важнейшие выводы, исходя из которых будет вестись последующее изложение вопроса об объективной диалектике сущности и явления. Выводы эти сводятся к признанию того, что в процессе развертывания сущности наблюдается две главные стороны развития: первая — это процесс взаимодействия наличного явления данной сущности с внешними условиями, составляющими действительность, в которую она выходит (экстенсивная сторона дела); вторая — это процесс исторического развертывания сущности путем смены одного ее явления другим, путем перелива ее из одного налично существующего состояния в другое (интенсивная сторона вопроса).

Опираясь на эти две абстрактно выделенные стороны, по которым придется проследживать процесс развертывания сущности, так сказать, выход ее явлений в непосредственно существующую действительность, мы сможем рассмотреть основные черты объективной диалектики сущности и явления. Мы полагаем, что в результате такого рассмотрения можно будет обнаружить, что так называемые основные категории материалистической диалектики выражают собою отдельные стороны, моменты сущности.

К предположению, что так называемые основные категории диалектики должны рассматриваться как отра-

жение отдельных моментов сущности, приводит не только анализ истории развития взглядов на сущность, но, главным образом, анализ метода Маркса

Характеризуя свой диалектический метод, Маркс писал, что при развитии категорий необходимо постоянно иметь ввиду, что как в действительности, так и в голове предмет исследования является субъектом и что категории выражают формы бытия, условия существования, «часто только отдельные стороны этого субъекта» ²¹⁶

Если принять во внимание, что Маркс ставил перед собой цель раскрыть сущность капиталистического способа производства и дал гениальный анализ развития этой сущности в исторически последовательной системе категорий, логически воссоздав тем самым конкретное целое капиталистической формации, то становится ясным, что категории диалектики рассматривались им (применительно к политико-экономическим исследованиям) как выражение отдельных сторон внутренней закономерности, сущности исследуемого субъекта

Рассматриваемая в таком свете сущность как категория, взятая в роли методологического орудия научного исследования любого предмета действительности, должна определять логически предполагаемый саморазвивающийся субъект, который можно выразить лишь тогда, когда применяются так называемые основные категории материалистической диалектики, отражающие отдельные взаимно связанные стороны этого субъекта. Последующее изложение объективной диалектики сущности и явления будет подчинено заданию вскрыть рациональное содержание этого положения

Выполнение поставленной задачи правильнее было бы, на наш взгляд, начинать с анализа отношений явления как непосредственно данной ступени развития предмета познания с теми внешними условиями, с которыми это явление взаимодействует. Но соображения удобства исследования этого сложного вопроса вынуждают отдать предпочтение тому, чтобы начать изложение с особенностей процесса интенсивного развертывания сущности, происходящего путем перехода предмета от одной налично существующей ступени развития к другой, от одного явления его сущности к другому ее явлению.

²¹⁶ К Маркс, К критике политической экономии, стр 220

После того, как будет рассмотрена эта главная сторона развертывания сущности, т. е. диалектика перехода одного ее устойчивого явления в другое, можно легче проследить вторую сторону обнаружения сущности — механизм взаимодействия отдельного ее устойчивого явления с внешними условиями, в котором сущность такого явления раскрывается.

Как об этом уже говорилось, явление сущности развивающегося предмета есть его наличное бытие, выступающее в виде определенной ступени развития предмета, в виде отдельного его относительно устойчивого состояния. Как отдельный момент разворачивающейся сущности, каждое такое явление неразрывно связано с нею; сущность представляет собой в этом случае невидимую в данный момент внутреннюю сторону, невидимые внутренние связи ступеней развития предмета, скрытые во времени.

Поскольку процесс развертывания сущности, процесс ее объективного раскрытия есть такое диалектическое движение, в котором одно, предшествующее наличное состояние сущности как ее явление «снимается» последующим ее наличным состоянием, возникающим во внешней действительности благодаря опоре на первое и исходя из него, постольку процесс раскрытия сущности выступает в виде диалектики основания и следствия. Категории основания и следствия в этом смысле выражают внутреннюю связь сущности «снятого» явления предмета с сущностью налично существующего явления, т. е. связь предшествующего состояния сущности предмета с ее наличным действительным состоянием.

Но диалектика основания и следствия раскрывает лишь ту часть внутренних связей, характерных для сущности предмета, которые наблюдаются в процессе ее перехода от предшествующего к настоящему. Она не охватывает полностью той стороны сущности, которая выражает ее наличное, действительное бытие в виде определенного устойчивого явления, а также не выражает внутренней связи этого ее наличного действительного бытия с будущим. Указанные стороны сущности выражаются другими категориями, о которых пойдет речь ниже.

Как отмечалось, категория основания соответствует особому виду внутренних связей развивающегося предмета, которые складываются в момент перехода одного, старого его наличного состояния, в другое, новое его состояние. Поскольку эти внутренние связи имеются в каждом развивающемся предмете в виде устойчивого повторения отношений основания и обоснованного в потоке развития этого предмета, названные категории имеют всеобщее объективное значение. Выделяются эти внутренние связи из совокупности всей системы связей, выражающихся категорией сущности, реальным, объективным отношением, складывающимся между явлениями указанной сущности в момент, когда одно из них переходит в другое

Фактически момент перехода одного явления данной сущности в другое ее явление есть реальная абстракция, ибо здесь обнаруживается не вся совокупность связей, характерных для сущности, а раскрывается только один их момент, одна сторона. Указанная абстракция не есть нечто чисто мысленное, не один только продукт абстрагирующей деятельности нашего сознания, существующий в мозге, а объективная реальность, существующая вне и помимо мышления. Она существует также реально, как реально существует «абстрактный труд», по поводу которого Маркс писал, что «это — абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно», что это «не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух»²¹⁷

Абстрактность отношений основания и обоснованного объясняется здесь тем, что они представляют собой связи, складывающиеся лишь в процессе происхождения каждого из новых явлений данной сущности из старого ее явления, которые (связи) не охватывают всего сложного механизма экстенсивного и интенсивного развития сущности во времени. Следовательно, поскольку к основанию принадлежат связи, составляющие лишь одну сторону внутренних связей ряда явлений, лишь одно звено общей совокупности внутренних связей, соответствующих сущности данного предмета, — отношение, вы-

²¹⁷ К Маркс, К критике политической экономии, стр. 15

ражаемое указанными категориями, является абстрактным.

Основанием называется та из относительно устойчивых форм бытия сущности, которая становится исходным моментом ее внутренне обусловленного процесса последующего развития Следствием (обоснованным) называется та новая форма обнаружения сущности, которая неизбежно возникает из основания благодаря его прошедшему взаимодействию с окружающими внешними условиями.

В Программе КПСС уделяется большое внимание подготовке оснований построения коммунистического общества Там сказано, что партия «выдвигает и решает задачи коммунистического строительства в меру подготовки и созревания материальных и духовных предпосылок, руководствуясь тем, что нельзя перепрыгивать через необходимые ступени развития, равно как и задерживаться на достигнутом, сдерживать движение вперед Решение задач строительства коммунизма осуществляется последовательными этапами»²¹⁸ Каждый из этих этапов есть основание для достижения последующего.

Связь между основанием и следствием имеет генетический характер Это означает, что основание существует как нечто имманентное предмету, побуждающее его переходить от одной ступени своего развития к другой, более высокой

Диалектика основания и следствия, наблюдаемая в процессе интенсивного развития сущности предмета, имеет характерные для нее особенности, которые вытекают из взаимосвязи устойчивости и изменчивости в развитии, оговоренной выше Так, если подходить к основанию и следствию со стороны устойчивости предмета как ступени развития определенного качества, эти категории совпадают друг с другом, являются неразличимыми, поскольку устойчивость исключает изменчивость В устойчивой ступени развития мы сталкиваемся с одной только возможностью основания и следствия, которая становится действительной в последующий момент изменения Поэтому здесь налицо тождество основания и следствия,

²¹⁸ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 65.

которое представляет собой единство многообразия, ибо рассматриваемая ступень развития предмета выступает как совокупность различных компонентов, приведенных в органическое единство друг с другом, что характерно для качественной определенности вообще

Если же подойти к основанию и следствию со стороны интенсивного развития предмета, то в процессе изменчивости осуществляется переход тождества основания и следствия в их различие, так как названный предмет переходит здесь от низшей ступени к высшей. Ввиду того, что в развитии устойчивость есть момент изменчивости, единство и многообразие являются характерными для основания и следствия противоположностями, которые присущи им наряду с противоположностями тождества и различия. Если первые выдвигаются на передний план, когда речь идет об устойчивости предмета, то вторые — когда мы имеем дело с изменчивостью. Так, любой организм будучи как устойчивое целое единством многообразия, по определению Ф. Энгельса, является в одно и то же время одним и тем же и все-таки другим, ибо он живет, ассимилирует определенные питательные вещества, в нем образуются новые клетки, он стареет и т. д.

Прослеживание диалектики основания и следствия в процессе интенсивного развития предмета, где устойчивость «снимается» изменчивостью, показывает, что основание и следствие непрерывно меняются местами. То, что здесь и теперь является следствием предшествующего развития, выступает там и тогда как основание развития последующего. Тождество основания и следствия здесь налицо потому, что в момент перехода следствие неотлично от основания последующего развития. Различие имеет место в силу того, что происходит изменение, в котором следствие, *возникающее* из известного основания, *начинает* приращивать новые свойства, отсутствовавшие у этого основания, когда оно выступало как следствие в прошлом. Как видим, подход к разворачиванию сущности предмета со стороны интенсивного перехода основания в следствие и обратно раскрывает существенный момент определяющих внутренних связей восходящего изменения, которые объединяют отдельные явления в последовательный и непрерывный ряд относительно устойчивых ступеней, разворачивающихся во времени от прошедшего к настоящему.

Интересной особенностью этой диалектики есть то, что причиной перехода следствия предшествующего развития в основание развития последующего является взаимодействие одного из устойчивых явлений указанной сущности с внешней средой. Поэтому переходы основания в следствие и, следовательно, тождества в различие связаны с диалектикой противоположностей единства и многообразия, которая наблюдается в каждой относительно устойчивой ступени развития предмета. Так, скажем, развитие живого организма от низшего к высшему происходит в силу процесса ассимиляции и диссимиляции, который, в конечном счете, заставляет организм добывать и усваивать пищу, получаемую из внешней среды. Усваивая пищу, организм растет, в нем происходят экстенсивные количественные изменения, которые переходят в интенсивные, и он переходит от одной ступени развития к другой. Если рассматривать этот организм со стороны тождества основания и следствия в устойчивой ступени его развития и, следовательно, со стороны противоположностей единства и многообразия, действующих в этом тождестве, можно заключить, что следствие превращается в основание потому, что к материалу, из которого состоит названная ступень развития, приращивается нечто новое, извлекаемое из окружающих условий. Оно присоединяется к материалу рассматриваемой нами ступени характерным для него способом связи. Ввиду этого происходит количественное развитие (например рост) той устойчивой ступени организма, которая выступала как следствие предшествующего этапа, и она становится основанием последующего следствия.

В общем процессе интенсивного развития, когда основание и следствие переходят друг в друга, первое не остается позади второго, а «снимается» в нем и переходит в то внутреннее предмета, на которое наслаивается материал, ассимилируемый этим предметом из окружающих условий путем перевода данного материала из внешнего во внутреннее. Так, яйцо, из которого развивается цыпленок, будучи основой возникновения последнего, не остается в действительности наряду с цыпленком, происшедшим из него, а исчезает в нем. Но это его исчезновение таково, что фактически оно сохраняется в качестве основы возникновения цыпленка в этом последнем, «снимается» в нем.

Здесь мы подошли к категории основы, которая очень близка к категории основания. Чем же отличаются они друг от друга и что общего между основой и основанием? Как первая, так и вторая есть определенная ступень развития сущности предмета. При этом основа есть первоначальная форма существования сущности, как новой, только что возникшей качественной определенности. Дело здесь в том, что возникновение определенного качества происходит благодаря соединению рассредоточенного ранее многообразия компонентов в органическое единство определенным способом связи. Только благодаря тому, что совокупность многообразия элементов, из которых должно составиться известное качество, объединяется определенным способом связей в единство, возникает данное качество как таковое. Эта первоначальная форма существования качества выступает как основа его последующего интенсивного и экстенсивного развития. Так, основой вещества является определенный способ связей атомов в молекулу, ибо все виды вещества представляют собой совокупность определенных молекул, объединяемых друг с другом химическими связями. С разделением вещества, когда это деление не затрагивает внутримолекулярных связей, качество вещества не меняется, так как сохраняется его основа. Но стоит довести деление до молекулы и продолжить его, как данное вещество перестает существовать.

Исследуя капиталистический способ производства, Маркс начинает с его основы — рабочей силы как товара. Как известно, товар существовал и в первобытном, и в рабовладельческом, и в феодальном обществе. Но там он не был основой экономической жизни общества. Больше того, товар не был основой экономической жизни даже в период *возникновения* капитализма. Он становится основой капиталистического общества, когда оно доходит в своем развитии такой стадии, на которой товарное отношение пронизывает всю общественную жизнь. Только после того, как «рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, — пишет Маркс, — с этого момента товарная форма продуктов труда приобретает всеобщий характер»²¹⁹.

Как видим из приведенного разбора, любая качест-

²¹⁹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 177.

венная определенность то ли природы, то ли общества, еще не прошедшая процесса экстенсивного и интенсивного развития, возникшая благодаря объединению известным способом связи определенных элементов, называется основой

Категория основы, хоть и имеет известную близость к категории основания, все же отличается от нее. Если основа — это способ связей многообразия элементов, из которых образуется известная качественная определенность, то основание, как мы уже видели, — это любой ближайший предшествующий этап сущности, выступающий как одно из ее явлений, которое переходит в явление более высокого порядка. Когда основа обосновывает новую форму воплощения данной сущности в одно из ее последующих явлений, она превращается из основы в основание последующего интенсивного развития сущности данного предмета. Так основа переходит в основание. В этом ее и отличие от него.

Ввиду того, что основание, когда оно уже обосновало следствие, перестает существовать во внешней действительности, а уходит внутрь происшедшего из него следствия, «снимается» последним, об основании нельзя сказать, что оно имеет самостоятельное наличное бытие, так как оно не существует наряду со следствием. Основание всегда находится внутри поглотившего его следствия. А так как процесс интенсивного развития предмета не прекращается, то указанное следствие есть также только один из моментов наличного бытия сущности — ее явление, которое в свою очередь превращается в основание последующего развития, и т. д.

Если рассмотреть диалектику основания и следствия на протяжении меры развития предмета во времени, то в результате такого рассмотрения перед нами предстанет картина исторического пути развертывания сущности, выступающей как внутренне связанный ряд непрерывно сменяющих друг друга явлений попеременно играющих роль оснований и следствий. При этом характерной особенностью этого непрерывного ряда явлений есть то, что в наличной действительности существуют не все его звенья, а только одно из них, та ступень являющейся сущности, через которую данный предмет взаимодействует с окружающими условиями. Остальные же звенья указанного непрерывного ряда явлений либо

уже прошли, либо еще не наступили Это означает, что в непосредственной действительности их нет.

Но рассмотрение исторического развертывания явлений сущности того или иного предмета со стороны диалектики основания и следствия раскрывает лишь часть того способа связей, который составляет всю его сущность, здесь исследуется лишь внутренняя связь предшествующего с настоящим Поэтому, чтобы представить весь механизм развертывания внутренних связей предмета в мере его существования как данного качества во времени, необходимо рассмотреть еще и другие стороны диалектики сущности и явления

Рассмотрим вначале вопрос о развертывании явлений сущности со стороны ее устойчивого состояния, которое, как об этом говорилось выше, есть один из «снятых» моментов ее интенсивного развития.

Отдельное устойчивое состояние предмета как явление его интенсивно развивающейся сущности есть многообразие составных элементов, приведенных во внутреннее единство друг с другом определенным способом связи Для него характерны, во-первых, форма организации составных частей, во-вторых, характер этих частей и их количество Поэтому внутри устойчивого предмета как явления определенной сущности необходимо различать его форму и содержание, которые выступают как внутренние противоположные стороны сущности, заключенной в этом явлении Содержанием указанного явления будет совокупность его составных элементов, приведенных к устойчивому единству способом связи, характерным только для сущности данного предмета Формой этого явления будет тот способ связей, которым его составные элементы приведены к относительно устойчивому единству.

Таким образом, форма и содержание выступают как две неразрывно связанные внутренние противоположности сущности явления, каждая из которых проникает в другую Взятые в единстве, они представляют собой сущность как она существует на определенном этапе развития предмета Взятые порознь, они представляют собою отдельные, абстрактно выделенные противоположные стороны указанной сущности.

Когда говорится о содержании, то имеются в виду те внутренние процессы в явлении, которые выступают как

единство количества, характера его составных элементов и их структуры, как динамическое единство оформленного материала. Когда же речь идет о форме, то имеется в виду один только способ связи составных элементов явления, благодаря которому оно обладает известной качественной спецификой, т. е. обращается внимание лишь на оформление материала, на способ его соединения, от которого зависит содержание явления.

Если попытаться абстрагироваться от формы организации составных элементов явления, формы связи того материала, из которого оно состоит, и сосредоточиться лишь на самих этих элементах, на самом материале, то на первый взгляд может показаться, что составные элементы явления совершенно безразличны к той форме связи, которой они приведены в органическое единство. Но на самом деле это не так. Оставаясь одним и тем же и в угле, и в графите, и в алмазе, углерод образует различные по своей качественной специфике вещества только потому, что его атомы объединяются друг с другом различным способом связей.

Следовательно, не только составные элементы явлений действительности обуславливают их содержание, но также и та внутренняя форма, которой эти элементы приводятся к единству.

Это означает, что содержание устойчивого явления возникает в результате подчинения определенному способу связи материала, полученного из окружающих условий, который поступает внутрь рассматриваемого явления благодаря его внешним отношениям с окружающей действительностью. Для того, чтобы материал внешних условий мог перейти в содержание указанного явления, необходимо, чтобы старая форма связи этого материала, делавшая его компонентом содержания других предметов, была заменена новой формой организации. В силу разрушения старой формы связи материала и подчинения его новой форме связи изменяется содержание указанного материала, и он приобретает особенности, характерные для содержания усвоившего его предмета. Таким образом, материал, из которого состоит содержание предмета, ни на мгновение не остается бесформенным, его форма нематериализованной.

Так, в момент возникновения человеческого общества предметы природы, которыми овладевает антропоид,

организующийся в производственный коллектив, слиты с природой, элементами которой они являются. Сами антропиды, овладевающие указанными предметами с целью использования их в качестве орудий своей целесообразной деятельности, не выделяются еще из природы, а являются ее частью. Будь это палка, камень или кость животного, указанные предметы природы обладают специфической для них формой связи, которая делает их составной частью содержания среды. Но для того, чтобы из предметов природы им превратиться в орудия труда, являющимися элементом содержания способа производства, указанная форма связи этих предметов с окружающими условиями должна быть известным образом преобразована. Эти предметы необходимо вырвать из их природных связей, разрушить, разорвать эти связи и включить в новую форму связи с человеком. Указанная форма связи предметов природы делает их уже орудиями труда, которые становятся содержанием определенного способа производства.

Следовательно, для того, чтобы возникло содержание определенного способа производства — его производительные силы, — естественная форма предметов природы, становящихся орудиями производства, должна быть преобразована в соответствии с теми производственными связями, в которых они приобретают свое реальное существование как содержание определенного способа производства. Это подтверждает положение о том, что нельзя говорить о содержании как о совокупности разобщенных элементов, отделяя от него ту устойчивую форму связи, благодаря которой они образуют это содержание.

Но слитность элементов, из которых состоит предмет с формой их организации в содержании указанного предмета, однако, не означает, что элементы содержания не оказывают влияния на тот способ связи, которым они приведены в одно целое. Так, потребление орудий производства в процессе функционирования производительных сил общества приводит к тому, что старые орудия труда изнашиваются и заменяются новыми. Как известно, в процессе воспроизводства орудия труда совершенствуются. Замена орудий труда как устойчивых элементов содержания способа производства приводит к тому, что рано или поздно должна быть изменена так-

же и форма их связи, т. е. те производственные отношения, в которых функционируют производительные силы общества. Если при сохранении старой формы производственных отношений содержание способа производства, в который была включена новая техника, остается сравнительно неизменным, то при замене одних производственных отношений другими содержание этого способа производства существенно изменяется, потому что включение новых орудий производства в новую, соответствующую им форму производственных отношений дает новый как в количественном, так и в качественном отношении производственный эффект.

Диалектическое единство содержания и формы явления было отмечено еще Гегелем, который писал, что «при рассмотрении противоположности между формой и содержанием существенно важно не упускать из виду, что содержание не бесформенно, а *форма* одновременно и содержится в *самом содержании* и представляет собою нечто *внешнее* ему. Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она, как рефлексированная внутрь себя, есть содержание, во-вторых, она, как нерелексированная внутрь себя, есть внешнее, безразличное для содержания существование. В *себе* здесь дано абсолютное отношение между формой и содержанием, а именно: переход их друг в друга, так что *содержание* есть не что иное, как *переход формы* в содержание, и *форма* есть не что иное, как *переход содержания* в форму»²²⁰.

С этими идеями Гегеля, как известно, был солидарен В. И. Ленин, который вкладывал в них материалистический смысл. Ленин писал «Борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания. *суть примеры*»²²¹, где можно видеть «не только единство противоположностей, но *переходы каждого* определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое [в свою противоположность?]»²²².

С переходом формы в содержание мы имеем дело, когда явление поддерживает свое устойчивое состояние благодаря усвоению внешнего материала, которое происходит путем реорганизации формы этого материала в форму указанного явления. С переходом же содержа-

²²⁰ Гегель, Соч., т. I, стр. 224

²²¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 215

²²² Там же, стр. 214

ния в форму мы сталкиваемся в случае, когда содержание явления, вступающего в более развитую фазу своего существования, побуждает свою форму к действию, активизирует ее с целью усвоения нового материала, необходимого для развития. В первом случае, когда идет речь о переходе формы в содержание, происходит взаимодействие, где преобладает движение в направлении от внешнего к внутреннему. Во втором случае, когда содержание переходит в форму, мы имеем дело с взаимодействием, где преобладает движение в направлении от внутреннего к внешнему.

Например, взаимодействуя с внешними условиями, устойчивое явление, благодаря активности своей формы, захватывает новый материал, чтобы ассимилировать его и превратить в свое содержание. Однако чтобы внешнее могло быть захвачено и высвобождено из связи с предметами окружающей среды, его старая форма связи должна быть разрушена и реорганизована в форму, присущую рассматриваемому нами содержанию. Поэтому объекты внешних условий благодаря активности формы развивающегося содержания освобождаются от их старой формы и подчиняются новой форме связи. Но как только указанное подчинение произошло, перед нами уже форма, которая получила свою новую материализацию, т. е. форма перешедшая в содержание. Скажем, чтобы предметы питания превратились в тело потребляющего их животного, их первоначальная форма должна быть разрушена и заменена формой связи, присущей телу этого животного. Указанное разрушение формы продуктов питания происходит ежечасно в процессе захватывания, пережевывания и переваривания пищи. То же встречается на каждом шагу в неживой природе. Так, для окисления вещества оно должно быть доведено до состояния, при котором становится возможным перемещение электронов от одних атомов или ионов к другим. При этом процесс происходит так, что окисляющееся вещество теряет электроны, а восстанавливающееся приобретает их. Таким образом, происходит захватывание атомами электронов, при котором старая форма связи электрона разрушается, и он подчиняется новой форме связи. Выходит, что благодаря присоединению нового материала, захваченного из внешних условий, форма рассматриваемого нами явления получает новую материализацию и пере-

ходит в содержание. Здесь происходит взаимодействие, для которого характерно преимущественно движение от внешнего к внутреннему.

Как отмечалось, в силу материализации формы рассматриваемое нами устойчивое явление, которое является следствием предшествующего развития, превращается в основание последующего изменения. Но на этом процесс не заканчивается, так как развитие продолжается. Поднимаясь на новую ступень, содержание того явления, которое *начало переходить* из следствия в основание, изнутри побуждает свою форму к новой активности, к новой материализации. Здесь на передний план выпячивается такое взаимодействие, для которого характерно преимущественно движение от внутреннего к внешнему. Содержание явления, начавшего превращаться в основание, активизирует, побуждает свою форму к действию и тем самым переходит в форму, призванную захватить и перевести в него новый материал. Так, переходя в форму, содержание обуславливает возникновение нового явления — следствия и перевод предшествовавшего явления в основание.

Если иметь ввиду непрерывную линию развития, возникающую благодаря переходу содержания в форму и обратно, — перед нами предстанет процесс объективного развертывания сущности предмета, выходящей в виде одного своего относительно устойчивого явления в непосредственную действительность. Это явление, оказавшееся единством формы и содержания, выступает как момент внешнего обнаружения сущности, который сразу же снимается с тем, чтобы в непосредственное бытие вступило новое ее явление, которое будет следствием предшествующего как своего основания. Таким образом, отдельное явление выступает в виде некой отдушины, через которую можно не только заглядывать в сущность. Через эту отдушину из внешних условий поступает также материал, который необходим, чтобы в процессе ее экстенсивного и интенсивного развития сущность смогла развернуть все потенциально заложенные в ней возможности.

Следовательно, рассмотрев диалектику основания и следствия, формы и содержания, мы смогли описать стороны сущности предмета, которые раскрываются у него в процессе предшествующего развития и в настоящем, относительно устойчивом состоянии. Но помимо этого, сущность предмета раскрывается также и в процессе его

последующего развития Уяснение вопроса о закономерностях перспектив развития предмета познания имеет чрезвычайно важное значение для полного объективного раскрытия его сущности

Процесс развертывания сущности предмета, протекающий в направлении от настоящего к будущему, имеет свои особенности, отличные от процесса ее развертывания, происходящего путем диалектики основания и следствия, формы и содержания

Как отмечалось, ассимиляция внешних условий предметом приводит элементы этих условий к внутреннему единству с сущностью данного явления, и предмет продолжает разворачивать содержащееся в нем и его условиях богатство возможностей в последующем развитии Поэтому наличное явление данной сущности, взаимодействующее с условиями и благодаря этому смыкающееся с ними, вместе с этими условиями выступает как возможность *возникновения* новых явлений данной сущности, как возможность ее последующего интенсивного развития

Таким образом, при разборе вопроса о последующем развертывании сущности мы сталкиваемся с категорией действительности и возможности, а дальнейшее изложение покажет, что механизм перехода возможности в действительность связан с диалектикой категорий случайности и необходимости, которые выступают как внутренний механизм этого перехода.

Излагая вопрос о явлении, содержании и форме, нам уже приходилось пользоваться категорией действительности Как видно из разбора вопросов, для изложения которых использовалась эта категория, под действительностью понималось единство сущности устойчивого предмета и ее внешнего обнаружения, т. е. ее явления. Выписывая высказывания Гегеля о том, что «действительность есть единство сущности и существования»²²³, В. И. Ленин таким образом отмечал ценную мысль, заключенную в этом высказывании Гегеля о том, что понятие «действительность» включает в себя сущность и ее проявление

Категория действительности часто употребляется в расширительном смысле В этом случае под действи-

²²³ В. И. Ленин, Соч, т. 38, стр. 145

тельностью понимается мир в целом, выступающий как бесконечное в пространстве и времени единство многообразных конечных вещей и процессов. Имея в виду понятие действительности как мира в целом, мы говорим также о бесконечном превращении того, что включается в эту действительность, о вечном процессе возникновения и исчезновения вещей. Так, Ф. Энгельс говорил о мире в целом, как о процессе, «в котором каждая конечная форма существования материи — безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение — одинаково преходяща и в котором ничего не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения»²²⁴.

Если все конечное в мире подвержено непрекращающемуся изменению, возникновению и исчезновению, то значит, что все существующее в данный момент времени превращается в нечто иное; все что есть — проходит, перестает реально существовать как данное качество и заменяется новым, приходящим на смену старому. Значит, все что есть, как действительное в данный момент, в какой-то следующий момент времени перестает быть действительным, а на его место приходит новое действительное.

Как видим, здесь понятие действительности употребляется уже не в том расширительном смысле, о котором речь шла выше. Здесь это понятие употребляется для выделения каждого отдельного и конкретного устойчивого проявления сущности предмета, которое существует не всегда, а только в данный момент времени. Категория действительности употребляется здесь для отграничения наличного существования предмета от видов его прошлого и будущего существования. В этом смысле мы и употребляли категорию действительности в предшествующем изложении. В таком же смысле мы будем употреблять ее и в дальнейшем.

Как видно из сказанного, категория действительности неразрывно связана с категорией возможности. Обе эти категории находятся в диалектическом единстве друг с другом, так что переходят одна в другую. Взаимосвязь этих категорий, отражая диалектику развития

²²⁴ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 18

явлений, показывает, что новые явления не возникают на пустом месте, а имеют свое основание в явлениях, существующих в данное время как действительные

Развиваясь на базе заложенных в ней противоположностей между сущностью и явлением, содержанием и формой, основанием и следствием, действительность одного явления отрицается, превращается в действительность явления другого.

Поэтому, указывая, что сущность, взаимодействующая с условиями через одно из своих устойчивых явлений, выступает вместе с ними как *возможность* возникновения новых ее явлений, мы определяем возможность как единство старого явления данной сущности и нового ее явления, существующего в первом и в условиях в виде *предпосылки* для перехода данной ступени развития предмета в новую его ступень Это — так называемая реальная возможность.

Но если мы будем определять возможность, исходя только из устойчивого явления данной сущности, имеющегося в наличной действительности, и не принимать во внимание, что это явление взаимодействует с условиями, т. е. с определенными явлениями других сущностей, речь будет идти о так называемой абстрактной возможности

В каждом действительном явлении данной сущности содержатся абстрактная и реальная возможности. В действительность превращается только реальная возможность, вытекающая не только из содержания явления данного предмета, но и из содержания внешних условий, благодаря взаимодействию с которыми интенсивно развивается указанный предмет.

Выписывая из «Логики» Гегеля мысль, что возможность реализуется благодаря взаимодействию «всей совокупности моментов действительности»²²⁵, В И Ленин отметил, что здесь необходимо учитывать **ц е л ь н о с т ь, с о в о к у п н о с т ь м о м е н т о в д е й с т в и т е л ь н о с т и**, которая в своем **развертывании** оказывается необходимостью»²²⁶.

Из приведенных мыслей В И Ленина вытекает, что реальная возможность имеет свое основание не только

²²⁵ В И Ленин, Соч, т 38, стр 147

²²⁶ Там же

во внутренних связях, относящихся к сущности явления, но также и во внешних условиях, которые либо позволяют, либо не позволяют реализоваться данной возможности. Например, гносеологические корни идеализма существуют как возможность отрыва понятий от предметов, которая содержится в самой сущности абстрактного мышления. Но эта возможность превращается в действительность только в соответствующих условиях. Сюда относятся интересы реакционных классов, способствующих распространению идеалистических теорий с целью отвлечь народные массы от борьбы против эксплуатации. Поэтому, когда речь идет о реальной возможности, нужно учитывать оба ее составные момента не только то, что содержится в сущности развивающегося предмета в виде абстрактной возможности, но так же и условия, которые либо позволяют, либо не позволяют реализоваться данной возможности и перейти в своем разворачивании в необходимость.

Разворачивание сущности, выступающей в действительности в виде одного из своих явлений, мы рассмотрим сначала со стороны реальной возможности, т. е. со стороны единства явлений этой сущности и условий, ибо у нас идет речь не о воображаемом, а о реальном переходе возможности в необходимость, благодаря которому она превращается в действительность.

Процесс перехода реальной возможности в необходимость происходит так, что сущность, вышедшая в действительность в виде одного из своих устойчивых явлений, благодаря его внешним связям, сливается через это явление с условиями. Внешняя среда, содержащая компоненты, составляющие условия, выступает по отношению к данному явлению как случайное, потому что ряд ее элементов не вытекает из сущности данного явления, обусловленной в предшествующем своем развитии лишь теми элементами среды, которые составляет ее условия.

Условия — это, в известном смысле, нечто самостоятельное, независимое от сущности данного явления. Они состоят из многообразия самостоятельных предметов и процессов, включенных во внешнюю среду, и выступают для данного явления как некий чуждый ему пока внешний материал, облеченный в собственную форму. И прежде чем этот материал сможет быть переведен

в содержание данного явления, он должен вступить во взаимодействие с формой этого содержания и быть захвачен ею так, чтобы форма указанного материала смогла быть перестроена в соответствии с формой содержания рассматриваемого явления

Как известно, смысл такой переработки состоит в том, чтобы внешние условия, т. е. их компоненты, которые встречаются на пути развертывания сущности явлений рассматриваемого предмета, были освобождены от своей первоначальной формы и реорганизованы так, чтобы они могли быть включены в форму связи, характерную для содержания явлений данного предмета. Это значит, что из внешнего они должны быть переведены во внутреннее. Процесс, в котором указанный результат достигается, был уже описан, когда рассматривалось взаимодействие формы известного содержания с материалом окружающих условий.

Таким образом, рассматривая диалектику возможности и действительности, видим, что механизм перехода здесь связан с диалектикой содержания явления и условий. Только на базе этой диалектики происходит реализация возможности и переход одного действительного явления данной сущности в другое ее действительное явление. Указанный переход выступает как необходимость.

Следовательно, необходимость — это определенного рода взаимодействие содержания явлений данной сущности с условиями, которое (взаимодействие) в процессе *перехода* названного явления этой сущности в другое ее явление, неотвратно *возникает*. Значит, необходимость — это неотвратимость определенного *направления* развертывания возможности, опосредствованная самой сущностью и конкретными условиями, с которыми взаимодействует ее наличное явление. Выяснить, в какой степени необходимо направление развертывания того или иного процесса, предмета, явления, — важнейшее требование *анализа* действительности. До тех пор, пока не выяснена необходимость возможного процесса, его нельзя полностью понять, а потому и использовать. Знание сущности предмета в аспекте не только тех его связей, которые соответствуют основанию и следствию, форме и содержанию, но и в аспекте связей, соответствующих необходимости, — важнейшее условие позна-

ния этого предмета и практического управления его развитием. Особенно важно здесь знание взаимозависимости необходимости и случайности, потому что оно проливает свет на *судьбы* данного явления, позволяет предвидеть дальнейший ход его развития.

При рассмотрении развертывания необходимости нужно учитывать, что, как это уже отмечалось, она вытекает из двух факторов, дополняющих друг друга, — внешнего и внутреннего. К внутреннему фактору относится та сторона возможности, которая вытекает из содержания устойчивого явления разворачивающейся сущности. К внешнему фактору относится сторона возможности, вытекающая из условий, в которых это развертывание происходит. Ведь фактически в мире нет никаких изолированных явлений. Поэтому когда говорится о необходимом или случайном направлении, в котором происходит процесс развития возможности того или иного предмета, то имеется в виду взаимодействие данного его состояния с вполне определенным комплексом внешних условий, благодаря которым и в которых это развитие становится неизбежным.

О том, что внешние условия играют в процессе перехода возможности в действительность такую же определяющую роль, как и факторы, вытекающие из внутренней природы самого развивающегося явления, свидетельствуют многочисленные примеры, по которым можно судить, что изменение условий, при прочих равных обстоятельствах, может существенно изменить характер развертывания событий в ту или иную сторону и даже предотвратить их возникновение. Следовательно, изменчивые факторы внешней среды, которые приводят к изменению условий, нужных для необходимо-направленного развертывания возможности данной сущности, выступают как источник случайности, отклоняющей или видоизменяющей развертывание ее необходимости. Таким образом, случайность — это нечто вносящее изменения в условия и приводящее к тому, что реальная возможность, заключенная в содержании наличного явления и вполне определенных условий, с которыми оно взаимодействует, превращается из реальной в абстрактную. Ведь изменение условий может произойти в ту или иную сторону, и в зависимости от этого изменяется данная реальная возможность, а вместе с ней — и необходи-

мость последующего действительного явления, в котором должно произойти очередное обнаружение сущности

Изменение реальной возможности происходит потому, что случайность, которая изменяющим образом действует на условия, меняет сторону возможности, зависящую от содержания развивающегося явления. Ведь с изменением условий меняется и та сторона содержания явления, которой оно должно взаимодействовать с названными условиями. Случайность, проникающая в условия из внешней среды, приводит к тому, что в разворачивании необходимости должна участвовать не та сторона явления, которой оно вступило бы во взаимодействие с условиями до их изменения, а какая-то новая, наиболее соответствующая отмеченной случайности. Получается, что случайность, проникающая в условия из внешней среды, *вынуждает*, чтобы с ней вступали во взаимодействие некоторые другие элементы возможности, находящиеся в содержании того явления, которое путем необходимости должно перевоплотиться в новую действительность. Благодаря произведенному случайностью изменению условий реальная возможность может *превращаться в абстрактную возможность*. Из совокупности элементов той части абстрактной возможности, которая зависит от содержания рассматриваемого нами явления, случайность, извне проникшая в условия, выделяет какой-то случайный (но соответствующий ей) элемент абстрактной возможности и вступает с ним во взаимодействие. Благодаря взаимодействию двух названных случайностей, одна из которых проникает в условия из внешней среды, а другая содержится в той части абстрактной возможности, которая заложена в наличном явлении разворачивающейся сущности, возникает новая необходимость. Она продолжает развиваться, если условия остаются неизменными. В этом случае абстрактная возможность снова становится возможностью реальной. Если же влияние внешних факторов приведет к изменению условий, описанный процесс повторяется сначала.

Так абстрактная возможность, превращаясь в реальную возможность, переходит в необходимость благодаря слиянию двух случайностей. Одна из этих случайностей проникает в условия из внешней среды, другая содержит-

ся как часть абстрактной возможности внутри явления рассматриваемой нами сущности.

В нашей философской литературе еще не исследован вопрос о классификации случайностей, связанных с пониманием необходимости. Поэтому среди философов по поводу видов случайностей нет единого мнения. Иногда высказываются взгляды, что для определения случайности достаточно указания, что это — форма проявления необходимости. Но, как это было показано некоторыми советскими исследователями, такое понимание случайности недостаточно. От общей констатации факта связи между необходимостью и случайностью, от общего признания того, что за каждой случайностью стоит необходимость, отмечают упомянутые исследователи, надо перейти к рассмотрению связи той или иной случайности с конкретным процессом²²⁷. Они пишут, что здесь «мы столкнемся с такими случайностями, в которых наиболее полно проявляется данная необходимость. Необходимые признаки того или иного биологического вида проявились первоначально как случайные отклонения от признаков другого вида. Эти случайные отклонения могли закрепиться и переходить по наследству лишь вследствие того, что они отвечали задаче *приспособления* организмов к окружающей среде, помогали борьбе за существование и т. д. (курсив наш — Ю. Б.). Здесь случайность выступает в форме, которая приближается к адекватной форме воплощения данной необходимости»²²⁸.

Приведенная мысль авторов цитированной статьи свидетельствует, что они различают случайности, которые содержатся в самом развивающемся объекте. В данном случае таким объектом выступает изменяющийся вид животных, внутри которых возникают отклонения от ранее принадлежащих этому виду признаков. Указанная случайность называется упомянутыми исследователями случайностью, которая «приближается к адекватной форме воплощения данной необходимости».

Но наряду со случайностью, которая «приближается к адекватной форме воплощения данной необходимости», авторы цитированной статьи выделяют случайности, ко-

²²⁷ См. журн. «Коммунист», 1957, № 17, стр. 97.

²²⁸ Там же

которые выступают как чуждые для данной необходимости и называют такие случайности «чистыми» случайностями.

Указанная классификация случайностей совпадает с различением случайности, обусловленной изменением внешней среды, которая соответствующим образом влияет на условия, и случайности, обусловленной содержанием рассматриваемого нами явления, осуществляющего переход в новую действительность. Если изменение внешних условий выступает для возможности данного явления как «чистая» случайность, которая в начале перехода указанной возможности в действительность еще не была приведена во внутреннюю связь с содержанием упомянутого явления, то сторона явления, с которой оно оказывается способным вступить во взаимодействие с измененными условиями, представляет собой случайность, приведенную во внутреннюю связь с содержанием этого явления. Каждое явление разворачивающейся сущности содержит в себе одну из сторон возможности своего перехода в новую действительность. Эта сторона выступает как случайная потому, что она представляет собой один из многих моментов данной сущности, обнаруживающийся во взаимодействиях с внешней средой. Так как в среде, которая содержит в себе условия для развертывания возможностей, заложенных в сущности предмета, действуют случайности, *изменяющие условия*, случайно обнаруживающие одну из заложенных в самой сущности предмета возможностей, то эта возможность выступает как случайность, заранее находящаяся во внутренней связи с упомянутой сущностью. Эта случайность представляет собой на самом деле случайно обнаружившуюся особенность сущности, возникшую в ней в результате предшествующего развития и вступившую во взаимодействие с *изменившимися* условиями, в которых протекает развитие. Такая случайность выступает как «форма воплощения данной необходимости» в изменившихся условиях ее развития.

После предложенной классификации случайностей и рассмотрения их превращения в необходимость легко проследить переход реальной возможности, заложенной внутри содержания явления данной сущности, и теми условиями, с которыми это явление взаимодействует в действительность.

Переходя в форму, содержание устойчивого явления разворачивающейся сущности захватывает этой формой внешний материал из условий. Он переводится внутрь данного явления вследствие материализации его формы и переходит в содержание. Но ввиду этого перехода следствие предшествующего развития становится основанием развития последующего и тем самым реальная возможность, заложенная в сущности рассматриваемого явления и его условиях, превращается в новую действительность, представляющую собой *закономерный* результат описанной диалектики.

Если принять во внимание непрерывность процесса развития, совершающегося по описанной диалектике перехода от возможности к действительности, то становится ясным, что в качестве необходимости здесь выступает сама сущность, которая разворачивает непрерывно последовательный и внутренне связанный во всех своих звеньях ряд наличных явлений благодаря взаимодействию каждого из них с окружающими условиями.

Перевод рассредоточенных во внешней среде компонентов условий ко внутренне связанному единству, наблюдаемому в предмете, есть одновременно и процесс развертывания внутреннего содержания его сущности, который происходит благодаря тому, что сущность последовательно «вводит» в действительность всю совокупность своих возможных явлений. Этот необходимый процесс саморазвития сущности осуществляется во взаимодействии со случайностями, попадающимися на пути ее развития, которые обогащают ее содержание.

Если подойти к описанному процессу развития не со стороны явлений данной сущности, а со стороны условий, в которых эта сущность развивается, то названные условия представляют собой совокупность явлений других сущностей, которые тоже не остаются неизменными. Весь смысл их развития состоит в том, чтобы реорганизовать принадлежащую предметам условий (куда входит и рассмотренная нами сущность) форму, высвободить из нее материал и подчинить его собственному содержанию. Этот процесс сбрасывания старой и перевоплощения в новую форму связи, осуществляемый содержанием сущности развивающегося явления, когда оно переходит от возможности к действительности, позволяет абстрагиро-

ваться от формы. Но если отвлечься от формы содержания сторон, взаимодействующих в процессе развертывания сущности, а также учесть, что описанный процесс развертывания сущности является двусторонним в том смысле, что сущность предметов, входящих в условия тоже разворачивается, то в результате перед нами предстанет лишенная формы «чистая» материя. Эта материя выступает как субстрат всех возможных перевоплощений. Облекаясь в разнообразные формы, она образует качественно отличающиеся друг от друга предметы, находящиеся в вечном взаимодействии друг с другом и переходящие друг в друга в соответствии с закономерностью, определенную сторону объективной диалектики которой мы попытались рассмотреть в настоящем разделе

Таким образом, в итоге всего сказанного по поводу объективной диалектики сущности и явления можно заключить, что сущность развивающегося предмета обнаруживается в процессе его непрерывного развития в пространстве и времени на протяжении меры существования этого предмета как данной качественной определенности. Выступая в виде устойчивого явления, в котором благодаря его взаимодействию с окружающими условиями, обнаруживаются такие стороны сущности, как форма и содержание, сущность указанного предмета в процессе предшествующего и последующего развития раскрывает другие свои стороны. Они отражаются категориями основания и следствия, возможности, случайности, необходимости, действительности. Лишь связанное единство указанных категорий, выражающих различные стороны сущности в процессе ее исторического развития, раскрывают всю ее объективную полноту

В процессе экстенсивного и интенсивного развития предмета его сущность выступает как основание и следствие в связях его предшествующего развития с настоящим; как форма и содержание в ее наличном существовании, как необходимость и случайность в процессе ее перехода из возможности в действительность. Это значит, что перечисленные категории являются отражением определенных сторон сущности предмета, взятой в различных аспектах ее экстенсивного и интенсивного развития.

Субъективная диалектика сущности и явления зависит от их объективной диалектики и является отражением последней. Диалектический характер объективной реальности, отражаемой мышлением, необходимо обуславливает диалектический характер процесса отражения в том смысле, что «наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они не противоречат друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой»²²⁹. Ввиду того, что законам диалектики подчиняются процессы природы, общественной жизни и процессы мышления, В. И. Ленин писал, что «диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма»²³⁰.

Указывая, что «диалектика... включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от не знания к познанию»²³¹, В. И. Ленин не только подчеркивал тождество объективной и субъективной диалектики, одинаковость наиболее общих законов для них обеих, но имел в виду также и отличия субъективной диалектики от объективной, когда писал, что «диалектика *вещей* создает диалектику *идей*, а не наоборот»²³².

То же самое наблюдается и у Ф. Энгельса, когда он пишет, что имеется «два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, что человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе — до сих пор большей частью и в человеческой истории — они пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей. Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира»²³³.

²²⁹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1955, стр. 213.

²³⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 360.

²³¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 38.

²³² В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 188.

²³³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 367.

Следовательно, субъективная диалектика форм познания представляет собой воспроизведение в сознании диалектики предметов природы. Она является истинной постольку, поскольку соответствует последней. Законы субъективной диалектики представляют собой специфическую, идеальную форму отражения законов объективной диалектики мышлением. Они используются людьми как законы движения познания к истине. В этом свете субъективная диалектика выступает как система связей и отношений мыслей о предметах действительности, обусловленных диалектикой отражаемой реальности и специфическим характером мышления, как система методологических установок, приемов и способов, отражающих связи между субъективными образами в сознании. Если объективная диалектика существует независимо от сознания, то субъективная диалектика — это сознательное применение познанной диалектики внешнего мира.

Отраженные в форме понятий и категорий предметы действительности и их связи не совпадают абсолютно с объективно-реальными предметами и их связями, не являются абсолютно тождественными им. В понятиях происходит абстрагирование от непосредственного объективного богатства существования. Ввиду этого познанием сущность берется в отрыве от непосредственной объективной действительности явлений. Единую, объективно-существующую сущность какого-либо предмета материального мира, которая в процессе своего исторического развития разворачивает все богатство своего содержания в последовательном и непрерывном ряде своих явлений, познание охватывает общим концентрирующим взглядом так, что здесь предшествующее сливается с настоящим и последующим. Поэтому, будучи переведенной в форму понятия, сущность оказывается не реально-материальной сущностью, а идеальной, логической сущностью, которая стоит вне существования, так как является идеальным отражением различных этапов последнего в сконцентрированном виде. Этим объясняется то обстоятельство, что мысль о сущности предмета, выраженная в форме понятия, и реальная его сущность, существующая как внутренняя закономерность на каждой данной ступени развития предмета, не могут абсолютно совпадать друг с другом. Цель субъек-

тивной диалектики дать воспроизведение диалектики объективной, отразить предмет как сложное единство многообразного в той системе внутренних связей и отношений, благодаря которой он существует и в которой он развивается.

Мышление оказывается не в состоянии проникнуть сразу в сущность познаваемых вещей. Процесс познания есть последовательное проникновение знания в непосредственно данную действительность, осуществляющийся по линии углубления знания, развивающегося от менее полного знания к более полному, от менее глубокого — к более глубокому. Познание начинается с данной в чувственном восприятии непосредственной конкретности, которая выступает для познающего субъекта как видимость. Затем из видимости выделяется исследуемое явление и осуществляется его последующий анализ, проводимый с целью проникновения в его внутреннюю природу, в его внутренние закономерности. Это проникновение осуществляется не сразу, а постепенно. В процессе постепенного углубления познания в сущность исследуемого предмета оно переходит от знания одной, менее глубокой сущности указанного предмета, к другой, более глубокой его сущности. Следовательно, оказывается мало знать, что сущности и явлению присуща объективная диалектика. Задача познания состоит прежде всего в том, чтобы отобразить эту диалектику средствами мышления и сделать ее достоянием человеческого сознания. Для этого необходимо применять в процессе познания законы диалектического мышления, определенные логические формы и способы исследования. На указанное обстоятельство обращал внимание еще В. И. Ленин, когда указывал, что весь секрет познания движения состоит не в том, чтобы доказать его существование, а в том, чтобы «его выразить в логике понятий»²³⁴. Следовательно, главное после признания объективной диалектики сущности и явления — раскрытие диалектических закономерностей и форм процесса отражения связей и сторон объективного мира, отражаемых в этих категориях. Раскрытие диалектических закономерностей процесса отражения сущности и явления и означает освещение субъективной диалектики этих категорий.

²³⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 252

Существуя объективно, вне и независимо от сознания, внутренние связи в предметах действительности, которым соответствует категория сущности, могут быть обнаружены, если проследить ряд внутренне связанных друг с другом ступеней развития предмета, каждая из которых выступает как наличное явление данной сущности. Но весь последовательный ряд ступеней развития указанного предмета сразу недоступен непосредственному восприятию. Познание всегда сталкивается с предметом исследования на какой-то определенной ступени его развития.

Предмет, взятый на данной ступени его развития, находится в непосредственном взаимодействии с другими предметами, которые его окружают. Но в то же самое время он обособлен от этих предметов, ибо является известной качественной определенностью. Присущая ему качественная природа объективно отграничивает этот предмет от окружающих условий, не позволяет ему раствориться и исчезнуть в них. Эта качественная природа предмета раскрывается в его внешних отношениях.

Если пренебречь связями, складывающимися между предметом и окружающей средой, то о характере данного предмета ничего нельзя сказать, ибо его природа не обнаруживается вне этих внешних связей и отношений. Присущие предмету особенности обнаруживаются через его взаимодействие с окружающими предметами, включенными во внешнюю среду.

Всякий предмет, взятый на одной из устойчивых ступеней его развития, выступает как явление известной сущности, все богатство содержания которой раскрывается в последовательном ряде таких явлений. В отношениях же с органами чувств воспринимающего данное явление человека, а также в отношениях с другими предметами — явлениями иных сущностей — раскрывается не все содержание сущности, воплощенное в данном явлении, а только известная его часть. Ведь указанное явление вступает в отношения с другими явлениями и человеком только своей внешней, поверхностной стороной. Поэтому субъективный образ рассматриваемого явления, формирующийся на основе непосредственного восприятия его взаимодействия с явлениями других сущностей или органами чувств человека, представляет со-

бой видимость Видимость, таким образом, есть не что иное, как первоначальное выражение сущности вещей во внешних отношениях друг с другом и непосредственно воспринимающим их человеком, где содержится не вся полнота сущности явления, а только один из ее чувственно воспринимаемых моментов. Следовательно, когда говорится о видимости, то имеется в виду не чисто субъективное построение человеческого сознания, а такая форма чувственно-наглядного образа, в которой заключено содержание, абстрагированное из внешних отношений, находящихся в самой материальной реальности

Согласно представлениям классиков диалектического материализма, «видимость» есть категория диалектики как науки о всеобщих законах развития природы, общества и мышления, а уже на этой основе она есть также и категория познания, ибо субъективная диалектика есть только отражение диалектики объективной

Такое предметное толкование «видимости» направлено против разновидностей кантианской и неокантианской гносеологии и логики, метафизически противопоставляющих формы познания, как нечто чисто субъективное, отношениям, имеющимся в материальной действительности. Как было показано в первой главе, для кантианской философии категории — это только формы мышления, лишенные какого бы то ни было объективного содержания. Для марксистской же философии категории — это наиболее общие связи, стороны и отношения материальной действительности, отраженные мышлением. В свете такого понимания, видимости В. И. Ленин писал «объективна и кажимость, ибо в ней есть *одна из сторон объективного мира*»²³⁵. Это значит, что в видимости выступает объективное действие явлений материального мира друг на друга и на органы чувств человека, в результате которого формируется известный чувственный образ. Этот образ обусловлен не имманентной способностью сознания, а объективными свойствами самих явлений действительности, выраженными в упомянутом образе. Поэтому В. И. Ленин писал: «Не только *Wesen*, но и *Schein* объективны»²³⁶. В другом месте по этому же поводу он отмечал: «Кажу-

²³⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 86

²³⁶ Там же

щееся есть сущность в *одном* ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов»²³⁷. Как видно из приведенного, объективное содержание видимости действительно само по себе и совсем не обязательно, чтобы его кто-либо видел. Оно существует независимо от сознания как определенное действие, которое одно явление может оказывать на другое явление или на органы чувств человека. Когда указанное действие становится достоянием человеческого представления, оно обозначается категорией видимости. Следовательно, содержание видимости—это нерасчлененная совокупность внешних воздействий, складывающихся между явлением известной сущности и окружающей средой, в которую указанное явление попадает и в которой оно развивается. Будучи отраженным человеческим познанием это содержание приобретает характер чувственно-наглядного образа, видимости.

В видимости предмета сущность не раскрывает всех своих особенностей. Они оказываются скрытыми внутри предмета, в его внутренних связях. Видимость же есть отражение особенностей сущности, которые обнаруживаются на поверхности явления. Так как внешние отношения явления известной сущности изменчивы и преходящи, ибо предмет попеременно вступает в отношения то с одними, то с другими компонентами внешней среды, «кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность»,—пишет В. И. Ленин²³⁸.

Каждое из предшествующих явлений сущности, когда оно вступает во взаимодействие с внешней средой и познающим человеком, образует видимость, отличающуюся от видимости, возникающей от подобного же взаимодействия другого явления данной сущности. Поэтому в процессе интенсивного развития явлений сущности предмета каждое из ее видимых обнаружений сменяется другим видимым обнаружением. Например, один и тот же организм в процессе своего интенсивного развития, будучи одновременно и тем же самым и другим, на разных стадиях этого развития выступает как ряд сменяющих друг друга видимостей. Каждая из ступеней развития данного организма, вступая во внешнее вза-

²³⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 121

²³⁸ Там же, стр. 118

имодействие со средой и познающим человеком, образует различные видимости. Благодаря такой диалектике складывается слитный во всех своих звеньях ряд видимостей, каждое звено которого опирается на изменяющиеся явления определенной сущности предмета, разворачивающейся в совокупном ряде следующих друг за другом таких явлений.

Раскрывая объективное содержание видимости, мы, по необходимости, должны были обозревать исторически последовательный ряд явлений данной сущности, каждое из которых полагает свою видимость. Но на самом деле указанный ряд видимостей той или иной сущности не может быть обозреваем в каждый данный момент времени, так как в действительности в непосредственно наличном бытии такого ряда никогда не существует. Как это отмечалось выше, в действительности имеется в наличии только одно из явлений той или иной сущности. Вступая во взаимодействия с окружающей средой и человеком, оно дает только одну какую-либо видимость, содержащую соответствующий ей внешний момент сущности того или иного предмета. Поскольку видимость содержит в себе только один из моментов, только видимую внешнюю «часть» содержания сущности, остальная «часть» которого недоступна непосредственному восприятию, постольку сущность, выступающая как видимость, является преходящей. Она как бы есть и в то же самое время ее нет, так как одно явление данной сущности сменяется другим ее явлением, а это в свою очередь приводит к замене одной видимости другой. В. И. Ленин писал по поводу изменчивости видимости, что когда сущность выступает в форме видимости, — она есть «ничто, несуществующее.., которое существует . бытие как момент»²³⁹. Так, скажем, в капиталистическом обществе, экономика которого основана на купле-продаже рабочей силы, каждая сделка по найму капиталистом рабочего представляет собой видимость равноправия, сходного с обычной сделкой по купле-продаже товаров. Рабочая сила выступает в такой сделке в качестве обычного товара, выбрасываемого лишенным средства производства рабочим на рынок для обмена на деньги. Подобно тому, как, в зависимости от рыночной конъюнктуры, устанавливается цена на тот

²³⁹ В. И. Ленин, Соч, т. 38, стр. 121

или иной товар, так, в зависимости от спроса и предложения, капиталист покупает, а рабочий продает свою рабочую силу. Видимость равноправия здесь налицо, так как рабочий получает от капиталиста полную сумму денег, составляющих цену его «товара» — рабочей силы. Но если проникнуть глубже этой поверхностной внешности в сущность дела, окажется, что в действительности равноправия нет. Маркс показал, что за отмеченной видимостью скрывается сущность, не совпадающая с первой. Капиталист платит за рабочую силу, которая обладает скрытой от непосредственного наблюдения способностью производить в процессе производства прибавочную стоимость, принадлежащую рабочему и безвозмездно присвояемую капиталистом. Значит в описываемой нами видимости содержится только один момент сущности капиталистической эксплуатации. При этом в видимости содержится настолько ничтожный момент сущности, что здесь она оказывается фактически ничем, чем-то несуществующим, которое однако существует, так как видимость содержит в себе один из моментов бытия сущности. Если этот момент сущности, заключенный в видимости, принимать за саму сущность, познание получает неправильное, а иногда прямо извращенное отображение исследуемого предмета.

Однако если речь идет о видимости, как одном из моментов сущности, когда вторая воспринимается чувствами благодаря ее наличному существованию в виде явления, то связь, имеющаяся между предшествующим видимым явлением этой сущности и ее последующим видимым явлением на поверхности действительности не наблюдается. Видимость выступает как бы обособленной от предшествующего и последующего видимых явлений названной сущности. Этот кажущийся отрыв видимости как данного момента обнаруживающей себя сущности от всех прошедших и будущих ее видимых моментов связан с тем, что последовательное разворачивание сущности происходит так, что каждое из предшествующих видимых ее явлений не остается позади последующего и потому не существует наряду с ним, а «снимается» тем явлением, которое возникает на его основе. Сущность, разворачивающая свое содержание, не оставляет позади себя видимо существующего следа до времени, а «снимает» его, и поэтому она пребывает всегда в такой форме

непосредственного существования в действительности, на основе чувственного восприятия которой нельзя судить ни о прошлом предмете, ни о его будущем. Поэтому, если познание рассматривает предмет, не учитывая всей совокупности связей, которые могут сложиться между ним и окружающими предметами на протяжении всего периода экстенсивного и интенсивного развития этого предмета, сосредоточиваясь только на внешних связях той ступени развития названного предмета, которая имеется как наличная в данный момент времени, оно (познание) оказывается не в состоянии постичь содержания сущности объекта своего исследования. В видимости перед неопытным и изумленным взором наблюдателя предметы часто представляются в виде, прямо противоположном тому, какими они на самом деле являются.

Имеется великое множество примеров, когда взятые в их видимости предметы, несмотря на неопровержимую достоверность особенностей их чувственно воспринимаемого бытия, являются перед наблюдателем, неискушенным в тонкостях диалектики познавательного процесса, в виде, прямо противоположном их истинной природе. Исследователи, не учитывающие в своей работе результатов, достигнутых научной теорией познания, не знакомые с диалектикой философских категорий видимости и сущности, могут уподобиться тем мыслителям прошлого, которые, не зная закономерностей познавательного процесса, не зная, что «в явлениях вещи иначе выглядят», чем тогда, когда известны внутренние связи этих явлений, «гордились тем, что пресмыкались перед видимостью, принимали видимость, — как говорит Маркс — за конечное»²⁴⁰. Этим мыслителям было невдомек, что видимость, дающая, казалось бы, абсолютно достоверные, самоочевидные факты, не совпадает с сущностью вещей, что она есть один только отблеск этой сущности. Поэтому часто мыслители прошлого, оставаясь рабами фактов, приходили к неверным выводам относительно сущности предметов, которые они пытались истолковать. Примером этого может служить, скажем, геоцентрическая система мира, идеалистическое понимание истории, кажущаяся свобода, обеспечиваемая буржуазной демократией, и др.

²⁴⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, 1948, стр. 209.

Так, идеалистическое понимание истории, широко распространенное в домарксистской социологии, объясняется тем, что действительные движущие силы исторического прогресса — условия материальной жизни общества, а в них прежде всего материальные отношения, вытекающие из способа производства, применяемого в ту или иную историческую эпоху обществом, — не выступают полностью на поверхности разнообразных исторических событий. В связи с этим они оказываются недоступными непосредственному восприятию. Больше того, непосредственное наблюдение, улавливая только видимость сущности, в соответствии с которой разворачивается история, показывает, что, выступая против рабства, против феодализма, участвуя в том или ином общественном движении, одним словом, в каждом из своих действий, люди руководствуются определенными, сознательно поставленными целями, определенными, идейными мотивами для указанных действий. Домарксистские социологи не знали, что если ограничиться этим фактом, то действительная природа исторического процесса будет извращена. Ведь, если познание ограничится тем, что люди всегда действуют сознательно (а из сознательных действий людей собственно и складывается история), и не пойдет дальше к раскрытию внутренних связей, приводящих к источнику побудительных идейных мотивов для этих действий, к целям, ради которых указанные действия предпринимаются, то оно останется в сфере поверхностной видимости, и, естественно, ему будет представляться, что идейные мотивы, сопутствующие сознательной деятельности людей и обуславливающие ее, являются единственной движущей силой исторического прогресса.

Несмотря на неопровержимость и абсолютную достоверность наблюдаемых фактов, свидетельствующих, что всякое историческое событие совершается во имя определенных идей, которые якобы являются его движущей силой, идеалистическое понимание истории оказалось ошибочным. Это было доказано в результате применения к видимости исторического процесса его материалистически понятой сущности, являющейся одним из величайших открытий Маркса.

Как видим, вся беда представителей домарксистской социологии состояла в том, что они не умели свести ви-

димое, выступающее на поверхности явлений движение к действительному внутреннему движению и разработать на этой основе материалистическое понимание истории

Но если это было бедой домарксистских социологов, если у них это объяснялось ограниченностью научного мировоззрения, то за идеализмом современных буржуазных социологов, который они оправдывают, пресмыкаясь перед видимостью исторических событий и возводя ее в ранг сущности, якобы раскрывающей содержание явлений истории, скрывается нечто совсем иное. Как говорил Маркс, «раз понята связь вещей, рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечивания бессмысленной путаницы. Да и за что же, как не за это платят сикофантам-болтунам, которые козыряют в науке»²⁴¹.

Извращение сущности процессов, протекающих в действительности, имеется и в представлениях экономистов, ориентирующихся только на видимые отношения в обществе, которые были уличены Марксом в товарном фетишизме

Общественные отношения производителей товаров, связанных друг с другом благодаря узам, вытекающим из производственных отношений, выступают в непосредственной жизни в виде товарного обмена. Поэтому они представляются не как отношения между людьми, а как отношения между предметами производства — товарами. С развитием капиталистического способа производства, когда он достигает известного уровня, отношения людей выступают в виде капитала, приносящего проценты. Здесь капиталистические производственные отношения достигают наиболее фетишистской формы. Навивное мышление неискушенного экономиста, ограничивающегося установлением непосредственно видимых, внешних связей между капиталом и соответствующим доходом на него в виде процента, не замечает последовательного ряда внутренне связанных звеньев процесса производства прибавочной стоимости, которые опосред-

²⁴¹ К Маркс, Ф Энгельс, Избранные письма, стр. 209

ствуют возникновение процента на данный капитал. Оно оказывается неспособным даже предположить, что процент — это только один из видов прибавочной стоимости, полученный путем эксплуатации рабочей силы, купленной на данный капитал. Мышление такого экономиста наивно полагает, что способность приносить прибыль есть таинственное и непостижимое свойство той вещи, которая называется деньгами.

По этому поводу Маркс пишет, что с развитием капиталистического общества *«вещь»* просто как вещь теперь уже является капиталом, а капитал кажется просто вещью, результат всего процесса воспроизводства кажется свойством, принадлежащим вещи самой по себе; от владельца денег, т. е. товара в той его форме, в которой его можно во всякое время обменять, зависит, израсходовать ли их как деньги или отдать в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, перед нами выступает выработанный в чистом виде этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги, и в этой форме он уже не несет на себе никакого следа своего происхождения. Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения»²⁴².

Таким образом, из приведенных примеров видно, что познание, останавливающееся на доступных непосредственному восприятию видимых связях и отношениях вещей, оказывается здесь ослепленным «фетишизмом, присущим товарному миру, или предметной видимостью общественных определений труда»²⁴³. Поэтому и содержание теорий, которые состояются из «ходячих и предвзятых мнений, почерпнутых из поверхностнейшей внешней видимости вещей»²⁴⁴, изображает в извращенном виде действительные процессы, поверхностная сторона которых оказывается доступной непосредственному наблюдению. Извращение здесь происходит потому, что сознание не идет дальше видимого на поверхности действительности, не проникает внутрь предмета и

²⁴² К Маркс, Капитал, т III, стр 406

²⁴³ К Маркс, Капитал, т I, стр 88

²⁴⁴ К Маркс, Капитал, т III, стр 412

не вскрывает внутренних связей, не лежащих на поверхности и являющихся ввиду этого недоступными непосредственному восприятию в данный момент времени.

Подчеркивая возможность извращенного понимания сущности в том случае, когда познание останавливается лишь на внешних видимых связях и отношениях, Энгельс указывал, что «с экономическими, политическими и другими отражениями дело обстоит так же, как и с отражениями в человеческом глазу. Они проходят через призму и поэтому представляются в перевернутом виде — вниз головой. Биржевик видит движение промышленности и мирового рынка только в перевернутом отражении денежного рынка и рынка ценных бумаг, и поэтому следствие становится для него причиной»²⁴⁵. Отражение экономических отношений в виде правовых принципов необходимо является точно так же стоящим вверх ногами «Это отражение совершается так, что этот процесс не доходит до сознания действующего; юрист воображает, что действует с априорными положениями, а это всего лишь экономические отражения. Таким образом, все стоит на голове»²⁴⁶.

То обстоятельство, что видимость непосредственно не совпадает с сущностью, используется представителями современной идеалистической философии. Одни из них утверждают, что мир материальной действительности является «ненастоящим» и пытаются подставить под него «настоящий мир» — мир идей, бога. Другие идеалисты используют этот факт несовпадения сущности вещей с их видимостью для того, чтобы отрицать наличие объективной закономерности, которая лежит в основе явлений действительности. Видимое на поверхности действительности они пытаются выдать за сущность вещей, за единственную объективную реальность. В этом отношении особое рвение проявляет современная буржуазная гносеология.

Как пишет прогрессивный английский философ М. Корнфорт, «в современной буржуазной философии отсутствует какая-либо концепция диалектической взаимосвязи наблюдаемого бытия и сущности. В результате эта философия имеет тенденцию к дроблению на противостоящие друг другу школки, каждая из которых

²⁴⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 425.

²⁴⁶ Там же, стр. 428—429.

основана на ложных принципах. Так, например, существуют философы, полагающие, что они уже проникли или могут проникнуть посредством некоего особого видения в сущность вещей, и философы, отрицающие возможность такого проникновения. Однако общим для представителей обеих этих направлений является то, что они не в состоянии осознать, каким образом можно перейти от бытия к сущности с помощью научных методов исследования. Представители первой школы полагают, что они постигают сущность неким особым, отличным от науки путем. Представители другой признают, что только научные методы могут дать знания, но в то же время оговариваются, что эти знания не выходят за пределы внешних данных наблюдения и их коррелятов»²⁴⁷.

Отсутствие научной методологии перехода от видимости к постижению сущности предметов исследования приводит к тому, что представители современной буржуазной науки, например политической экономии, фактически «не заслуживают звания ученых»: в лучшем случае они остановились в преддверии подлинной науки, на стадии простого описания или эмпирического наблюдения»²⁴⁸.

«Не случайно буржуазную социальную науку в наибольшей степени характеризует стремление игнорировать или затушевывать внутренние причины социальных изменений, субстанцию социальных форм, лежащую в основе видимости действительности. То же, что остается в сфере ее интересов, сводится к нескончаемому исследованию видимости, форм и внешних причин. В результате при характеристике содержания той или иной политики не учитываются внутренние процессы в обществе, обслуживаемом данной политикой; социальные формы и институты обсуждаются без учета общественной «субстанции», из которой они развились и т. д.

Буржуазные экономисты изучают и устанавливают соотношения между заработной платой и стоимостью рабочей силы, между стоимостью капиталовложений и степенью их использования и т. д., напоминая астронома, который ограничился бы тем, что каждый день тща-

²⁴⁷ М. Корнфорт, Видимость и сущность, журн. «Вопросы философии», 1960, № 7, стр. 64

²⁴⁸ Там же, стр. 67

тельно отмечал время восхода и захода Солнца, не исследуя его действительного движения. Такое знание, хотя оно и весьма полезно для обыденной жизни, далеко от познания сущности. Буржуазные ученые не исследуют глубинных процессов, лежащих в основе явлений, уподобляясь зачастую тем, кто еще верит, будто Солнце вращается вокруг Земли»²⁴⁹.

Подлинная наука, враждебная всякому извращению существа фактов, руководствуется диалектико-материалистическим пониманием несовпадения непосредственно наблюдаемой видимости и сущности, которая лежит в основе явлений. Она видит свою задачу в том, чтобы за обманчивой внешней видимостью обнаружить ее действительную основу — сущность видимых явлений. Таким образом, чтобы избежать извращенного понимания предмета, когда он выступает как видимость, необходимо не ограничиваться самой этой видимостью, не останавливаться на ней, а идти дальше, проникать в сущность предмета. Это значит, что необходимо проследивать не только те его внешние связи и отношения, которые возникают, когда названный предмет взаимодействует с другими предметами, но раскрывать отношения и связи, обусловленные процессом его развития. Здесь необходимо также вскрывать связи, приводящие к внутреннему единству данное видимое явление сущности с ее предшествовавшим видимым явлением и последующим. Характер этих связей в их объективном значении был нами описан в предшествующем параграфе настоящей главы. Но чтобы добиться раскрытия внутренних связей, обуславливающих переход от одного видимого состояния сущности к ее другому видимому состоянию, к видимости необходимо подходить как к одному из внешних обнаружений сущности, постигаемому путем непосредственного восприятия ее отдельного явления.

Видимость осознается как явление сущности, когда предполагается, что взятый на определенной ступени своего развития предмет находится не только в отношениях с окружающими его предметами и человеком, но также в связях со своими ближайшими предшествующей и последующей ступенями развития. В этом случае имеется в виду, что данное, видимое состояние предмета

²⁴⁹ М. Корнфорт, Видимость и сущность, журн. «Вопросы философии», 1960, № 7, стр. 67

есть только лишь один из его моментов, который хоть и обладает объективной действительностью, но не раскрывает полностью всей внутренней природы указанного предмета. Ведь внутренняя природа предмета уходит своими корнями не только в доступное непосредственному восприятию его настоящее, но и в недоступное в данный момент указанному восприятию прошедшее и будущее этого предмета.

Таким образом, в теории познания различие между видимостью и явлением состоит в том, что в первом случае речь идет о предмете, рассматриваемом в его статическом состоянии, когда не принимаются во внимание внешние связи и отношения между отдельными ступенями развития этого предмета во времени и когда учитываются лишь внешние отношения этого предмета с окружающей его средой и человеком. Благодаря этим отношениям обнаруживаются не все, а только некоторые свойства рассматриваемого предмета. Причем они оказываются видоизмененными побочными влияниями и обстоятельствами.

Во втором случае, в отличие от первого, мы подходим к этому же самому предмету, не как к неизменному, а рассматриваем его относительно устойчивое состояние, как временное, как изменчивое. В связи с этим понимание предмета обогащается предположением, что на каждой из ступеней его развития этому предмету присущи связи, обуславливающие как его качественную специфику, так и ее изменение в последующем развитии. Здесь как бы предполагается, что под наблюдаемой внешней видимостью скрывается ее действительная внутренняя основа, в которую необходимо проникнуть.

В этом состоит величайшее методологическое значение категорий сущности, явления, видимости. Овладев указанными категориями, диалектическое мышление учитывает, что во внешних отношениях, а следовательно, и в чувственном восприятии, вещи иначе выглядят, чем взятые в их действительной внутренней природе, отражаемой в формах мышления.

Непосредственное наблюдение раскрывает познающему субъекту не действительную внутреннюю природу вещей, а только ту их внешнюю сторону, которой они непосредственно обращены к человеку. При этом, раскрывая действительный характер поверхности предме-

тов, давая субъективный образ их внешней стороны, непосредственное наблюдение большей частью извращает внутренние отношения и связи, в которых находятся наблюдаемые предметы. Так, мы видим, что Солнце движется вокруг Земли, тогда как мышление нас убеждает, что на самом деле все обстоит наоборот. Выходит, что соотношение субъективных образов, полученных в результате непосредственного наблюдения, иное, чем соотношение форм мышления. Это объясняется тем обстоятельством, что в картине действительности, которая формируется в результате ее непосредственного восприятия, учтен не весь объект, а только его внешняя сторона, в аспекте того отношения, в котором находится с этим объектом воспринимающий его субъект.

В зависимости от изменения места по отношению к объекту характер отражения, получаемого вследствие непосредственного восприятия этого объекта, может существенно изменяться. Так, непосредственное наблюдение солнечной системы с Земли дает картину, которая в общих чертах была описана Птоломеем. Наблюдение этой же системы, проведенное, скажем, с Сириуса, даст картину, которая была описана Коперником. Следовательно, картина наблюдаемой действительности может изменяться в зависимости от изменения положения воспринимающего, в зависимости от его перспективы и отношения к познаваемому объекту.

Помимо этого, как отмечалось, на ступени видимости предметы иначе выглядят, нежели в их сущности, еще и потому, что на доступной чувствам поверхности действительности, отображаемой восприятием, они выступают в виде, измененном побочными обстоятельствами и влияниями. Так, скажем, товары никогда, или почти никогда, не продаются по их стоимости. Цена товара иногда значительно отклоняется в ту или иную сторону от его стоимости. Это зависит от тысячи побочных факторов. Сюда входят время года, в которое продается товар, количество этого товара, выброшенное на рынок, количество денег, находящихся в обращении, и т. д. и т. п. Чтобы познание получило возможность исследовать предмет, как он есть сам по себе, этот предмет необходимо изолировать от привходящих, большей частью случайных обстоятельств и рассмотреть, как иногда говорят, в «чистом виде».

Следовательно, первоочередная задача познания, постигающего сущность предмета, состоит в том, чтобы расчленить видимую картину действительности, данную в чувственном восприятии, абстрагироваться от побочных обстоятельств, изменяющих действительный характер явления, чтобы получить его в «чистом», освобожденном от привходящих влияний виде. Так, для непосредственного наблюдения явления изменения объема газов в зависимости от давления необходимо абстрагироваться от изменений температуры и проводить наблюдения при температуре постоянной. Если этого условия не выдерживать, то наблюдаемое явление окажется видоизмененным привходящими обстоятельствами, в данном случае — влиянием расширения, которое зависит от разницы температур газа. Благодаря этому наблюдаемая картина действительности выступает как видимость, под которой скрывается ее действительная сущность.

Способ познания, в соответствии с которым познаваемый предмет освобождается от всевозможных привходящих побочных обстоятельств и исследуется в «чистом виде», теоретически был разработан Марксом, который считал, что «задача науки заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение, свести к действительному внутреннему движению»²⁵⁰.

В связи с тем, что конкретный предмет исследования выступает в восприятии как «хаотическое представление о целом», Маркс считал, что путь научного познания начинается с расчленения этого конкретного хаотического представления о целом, чтобы, в конечном счете, мысленно воссоздать его как единство многообразного, как сочетание многочисленных мысленных определений в их внутренней связи друг с другом. Поэтому первоначальный анализ Маркса направлен на то, чтобы подвергнуть расчленению видимость исследуемого предмета, абстрагировать побочные обстоятельства и, таким образом, раскрыть подлежащее исследованию явление в неосложненном «чистом» виде. Так, при исследовании закона стоимости Маркс пишет, «если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала привести к последним, т. е. отвлечь-

²⁵⁰ К Маркс, Капитал, т III, стр 324

ся от этого обстоятельства (отклонения цен.— Ю. Б.) как совершенно случайного, чтобы получить в чистом виде явление образования капитала на почве товарного обмена и чтобы при исследовании его не дать ввести себя в заблуждение этим побочным обстоятельством, заменяющим истинный ход процесса»²⁵¹.

Чтобы обнажить явление в его непосредственной чистоте, Маркс также отвлекается от колебаний спроса и предложения и, таким образом, снимает это привходящее обстоятельство со счета «В политической экономии,—пишет Маркс,—предполагается, что они (спрос и предложение.— Ю. Б.) покрывают друг друга... Это делается для того, чтобы рассматривать явление в их закономерном, отвечающем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от той внешней видимости, которая порождается колебаниями спроса и предложения, с другой стороны,— для того, чтобы найти действительную тенденцию их движения, известным образом фиксировать ее»²⁵².

Операция абстрагирования, проводимая на различных ступенях научного анализа, чтобы получить явления в «чистом» виде, неоднократно повторяется у Маркса. Так, снова возвращаясь к исследованию стоимости, уже после того, как были проанализированы постоянный и переменный капиталы, Маркс вновь применяет анализ. Он пишет, что «анализ процесса в его чистом виде требует, чтобы мы совершенно абстрагировались от той части стоимости продукта, в которой лишь вновь проявляется постоянная капитальная стоимость, т. е. чтобы мы постоянный капитал приравняли к нулю»²⁵³. При исследовании накопления капитала Маркс абстрагируется от расщепления прибавочной стоимости на различные части. «Расщепление прибавочной стоимости и посредствующее движение обращения,—пишет он,—затемняют простую основную форму процесса накопления. Поэтому анализ последнего в его чистом виде требует предварительного отвлечения от всех явлений, скрывающих внутреннюю игру его механизма»²⁵⁴.

²⁵¹ К Маркс, Капитал, т I, стр 172

²⁵² К Маркс, Капитал, т III, стр 197

²⁵³ К Маркс, Капитал, т I, стр 220

²⁵⁴ Там же, стр 569

Из сказанного видно, что в процессе познания субъективная диалектика категорий видимости, явления и сущности вначале состоит в том, чтобы за нерасчлененной чувственно-наглядной видимостью, в которой извращается истинная природа предмета исследования, раскрыть его явление в виде, неосложненном побочными обстоятельствами и влияниями, а затем раскрыть сущность этого явления.

Преодолевая видимость и обнажая путем анализа и абстрагирования от побочных обстоятельств доступное чувственному восприятию конкретное явление исследуемого предмета, познание продолжает свою аналитическую работу с целью раскрыть его сущность, его определяющие внутренние связи, найти, как пишет Маркс, «действительную тенденцию его движения и известным образом фиксировать ее»²⁵⁵.

Освобожденное от побочных влияний и обнаженное в «чистом виде» явление определенной сущности представляет собой известную устойчивую конкретность, реальный предмет, взятый на определенной ступени развития. Он выступает как известное качество, как органическое единство многообразия. Маркс пишет, что «конкретное потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного»²⁵⁶.

Это освобожденное от побочных влияний конкретное явление как качество на известной ступени его развития выступает в виде того объективного материала, на котором последовательно осуществляются все операции познания.

Последовательность этапов процесса познания внутренних связей явлений действительности была исследована Марксом, который назвал свой метод методом восхождения от абстрактного к конкретному. Согласно этому методу, конкретное, выступающее в виде доступной непосредственному восприятию устойчивой ступени интенсивного развития предмета действительности, должно быть просвечено абстракциями — этим своеобразным рентгеновским аппаратом познания. Благодаря указанному просвечиванию вскрываются составные элементы исследуемого явления и, что особенно важно,

²⁵⁵ К Маркс, Капитал, т III, стр 197

²⁵⁶ К Маркс, К критике политической экономии, стр 213

обнаруживаются недоступные непосредственному наблюдению его внутренние определяющие связи, составляющие сущность этого явления

• После того как способ внутренних связей многообразия элементов, определяющий качество предмета, оказывается раскрытым, мышление осуществляет процесс восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному, где внешние проявления и сущность предмета неразрывно сливаются друг с другом благодаря диалектическому синтезу. Следовательно, на заключительной ступени познание снова возвращается к конкретному. Но это уже не чувственно воспринимаемое, а мысленное конкретное, такое конкретное, которое оплодотворено знанием скрытого от непосредственного наблюдения способа связей, координации и субординации многообразных составных элементов предмета, каждый из которых может быть доступным непосредственному наблюдению сам по себе.

Выходит, что в познании конкретное выступает двойко. На ступени чувственного познания оно выступает как объективно-реальное нерасчлененное целое, внутренняя сторона, внутренние связи которого скрыты от субъекта. На пути восхождения познания от чувственно-конкретного к абстрактному, когда конкретное аналитически расчленяется, раскрываются его составные элементы, из многообразия которых состоит это конкретное, их внутренние связи, обнажается та генетическая основа, которая приводит многообразные составные элементы указанного конкретного явления к их органическому единству в развитом целом. Наконец, осуществляя мысленное синтетическое воспроизведение конкретного, познание как бы возвращается к исходной точке, с тем только различием, что здесь конкретное выступает как приведенное к органическому целому, мысленно воссозданное единство многообразия, где каждый элемент соответствующим образом субординирован и координирован с другими, где знание определяющих внутренних связей позволяет дать правильное истолкование внешних видимых связей и отношений этого конкретного.

Началом процесса восхождения от чувственно-конкретного к логически-конкретному, как уже было сказано, является высвобождение исследуемого явления от

влияния побочных обстоятельств, которые видоизменяют его действительную картину. Последующее движение познания связано с анализом, применяемым для раскрытия структуры исследуемого объекта, взятого в его устойчивом состоянии, для раскрытия характера внутренних связей и внутреннего взаимодействия различных его составных компонентов

В связи с тем, что исследуемое явление выступает для мышления на этом первом этапе познания, как развитое, относительно устойчивое конкретное единство многообразия, сконцентрировавшее в себе все особенности предшествовавшего развития, здесь может быть применен элементарный анализ, сущность которого исследована формальной логикой. Как известно, в основе элементарного анализа лежат категории целого и части, между которыми имеется диалектическое взаимодействие, но зато отсутствует развитие. Благодаря элементарному анализу раскрываются составные элементы и простейшие статические связи и отношения в исследуемом явлении. Здесь, можно сказать, рассматривается то в явлении, что в предшествующих параграфах было обозначено как сущность, характерная для состояния относительной устойчивости предмета познания. Основными категориями, отражающими противоположные стороны указанной сущности, являются категории формы и содержания, на объективной диалектике которых мы уже останавливались.

Если попытаться дать характеристику элементарному анализу, то можно сказать, что он представляет собой экспериментальное или мысленное расчленение конкретного целого на его составные элементы с целью рассмотрения этих элементов со стороны их устойчивого, внутреннего и экстенсивного взаимодействия. Элементарный анализ широко применяется в науке на первых ступенях исследования. Так, его применяли представители классической политической экономии, выделявшие в процессе исследования капиталистической системы производства путем такого анализа отдельные стороны капиталистического общества: банки, классы, деньги, кредит, товар и т. д. Тем самым они сводили конкретное целое, которое было предметом их теоретических усилий, к абстрактному выражению в сознании путем выделения многообразия его компонентов и сто-

рон. По поводу указанных абстракций Маркс замечал, что они являются продуктом движения от конкретного целого капиталистического общества, данного в созерцании и представлении, ко все более и более тощим абстракциям.

«Экономисты XVII столетия,—писал Маркс,—. всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее абстрагированы и зафиксированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к государству, международному обмену и мировому рынку»²⁵⁷.

Указанное движение познания от конкретного целого, данного в созерцании, к абстрактному выражению многообразия его элементов путем аналитически получаемых абстрактных определений является важным условием познания, ибо только на этом пути оказывается возможным предварительное изучение многочисленных сторон и свойств предмета исследования в их соотношении с конкретным целым. Результатом такого исследования может быть знание координации частей в развитии целом.

Однако элементарный анализ оказывается недостаточным, когда приходится обращаться к исследованию сущности названного предмета. Для этого нужно взять предмет со стороны его интенсивного развития, со стороны изменчивости, т. е. брать данный предмет как известное внутреннее единство составных частей в процессе его поступательного развития. Чтобы раскрыть сущность предмета, взятого в процессе развития, как его порождающую и определяющую основу, необходимо применять диалектический анализ, который существенно отличается от анализа элементарного.

Благодаря диалектическому анализу прослеживается внутренняя связь между компонентами каждой из ступеней развития предмета как известного органичес-

²⁵⁷ К Маркс, К критике политической экономии, стр 213.

кого целого, раскрываются внутренние определяющие связи развития этих компонентов и предмета в целом. На основе такого анализа вскрывается содержание отдельных ступеней исследуемого предмета, взаимная координация их составных элементов, их взаимная внутренняя связь и последовательность во времени.

Мы уже отмечали то обстоятельство, что всякому предмету исследования присущи как структурные, так и исторические связи. Если структурная связь характеризуется одновременным существованием и устойчивым взаимодействием составных частей рассматриваемого предмета, то для исторической связи характерно то, что отдельные ступени развития предмета или его составные элементы относятся друг к другу как предшествующее и последующее во времени. Исходя только из структурных связей налично существующего предмета познания невозможно обнаружить всю полноту его сущности. Здесь обнаруживаются только те ее противоположные стороны, которые фиксируются категориями формы и содержания. Но их оказывается недостаточно для того, чтобы была раскрыта вся полнота сущности данного предмета.

Из сказанного видно, что в случае применения диалектического анализа, когда предмет рассматривается не со стороны его относительной устойчивости, а со стороны развития и изменения во времени, наряду с категориями формы и содержания, раскрывающими сущность предмета со стороны его относительной устойчивости, должны применяться также и категории основания и следствия, которые раскрывают сущность предмета познания со стороны ее исторического развития во времени. Применение категорий основания и следствия позволяет познанию продвинуться к той генетической основе, которая выступает в качестве источника возникновения и существования предмета познания как данной качественной определенности, к тому способу связи, который порождает все наличные явления указанного предмета и делает их формами проявления одной и той же сущности.

Но исследование сущности предмета путем диалектического анализа обычно начинается не с того, чем этот предмет был в момент его возникновения, следовательно, не с того, с чего начиналась его действительная

история. Оно начинается с той ступени развития предмета, которая выступает перед познающим мышлением в момент, когда оно приступает к познанию данного предмета. Это значит, что мы имеем здесь дело с предметом, уже достигшем известной ступени развития, оставившим позади себя свою предшествующую историю. Поэтому задача диалектического анализа состоит не только в том, чтобы вскрыть структурные связи предмета, но и, начав с более поздних, а поэтому и более сложных форм его развития, продвинуться к более простым формам и от них — к простейшим. Здесь познание начинается с того, что идет путем, прямо противоположным действительной истории предмета. Оно начинается как бы с конца и продвигается к началу. На это обстоятельство ясно указывал Маркс. Так, раскрывая характер и направление аналитического исследования, которое было им предпринято в «Капитале», он писал, что «размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *«post festum»* [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития»²⁵⁸.

Сказанное означает, что применение категорий основания и следствия, которые используются для раскрытия сущности предмета познания, когда мышление осуществляет восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному, прямо противоположно их объективной диалектике, описанной в предшествующем параграфе настоящей главы. Если, в случае объективного развертывания сущности предмета путем диалектики основания и следствия, процесс протекает так, что развитие осуществляется от основания к следствию, то в субъективной диалектике картина меняется. Здесь движение познания протекает от знания следствия в направлении к знанию основания.

Пользуясь анализом с целью анатомического рассечения предмета познания для вычленения его сущности, диалектическое мышление выполняет свою задачу таким способом, который в корне отличается от способа мышления недиалектического. Указанное обстоятельство связано прежде всего с тем коренным раз-

²⁵⁸ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 82

личием в понимании сущности, которое имеется в диалектическом и недиалектическом мышлении.

Для недиалектического мышления сущность явления представляется в виде чувственно воспринимаемого общего признака, встречающегося в каждом из устойчивых явлений определенного класса. Этот общий признак может быть зафиксирован сознанием в виде общего представления, обозначаемого словом. Именно так понималась сущность явлений Декартом, Локком и др.

Понимая сущность явлений как их общий чувственно воспринимаемый признак, эти мыслители считали, что задача познания сущности есть задача анализа и абстрагирования многообразных чувственных признаков предмета с целью нахождения среди них общего, одинакового, повторяющегося, с тем, чтобы он мог быть зафиксирован в абстракции. Так поступал, например, Декарт, когда путем анализа и абстрагирования отбрасывал признаки, отличавшие исследуемые явления друг от друга, и удерживал одну лишь протяженность, как абстрактно выделенное общее свойство материальных предметов, выдавая это свойство за их сущность. Следовательно, объективным пробразом сущности у Декарта было общее, чувственно воспринимаемое свойство явлений, которое обнаруживается на чувственной ступени познания.

Указанное понимание процесса познания сущности исследуемых явлений приводит к тому, что мышление фактически отходит от объективной внутренней закономерности предмета, постепенно отбрасывает составные элементы предмета, разрушая таким образом все мосты, по которым оно могло бы к ним возвратиться. Вместо полнокровного предмета с его органически связанными компонентами у этого мышления остается лишь одна тощая абстракция последнего. Синтез вычлененных таким путем абстракций всегда оказывается неадекватным внутренним определяющим связям предмета, так как они попросту не исследуются познанием.

Указанная особенность недиалектического мышления была одной из причин, которые приводили к выводу, что внутренние связи предмета оказываются недоступными для познания (Локк, Кант). Этот вывод агностицизма был подвергнут резкой критике с позиций идеалистической диалектики Гегелем.

В. И. Ленин отмечает, что Гегель по существу совершенно правильно выступал против агностицизма, ибо «мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит от истины, а подходит к ней»²⁵⁹ Для диалектического мышления процесс анализа и абстрагирования выступает не как простое «оставление в стороне чувственной материи оно скорее есть снятие последней и сведение ее как простого явления к существенному, проявляющемуся только в понятии»²⁶⁰. При этом сущность исследуемого явления не сводится к тощей абстракции, как это полагали Декарт, Кант и другие философы-метафизики. Здесь раскрывается его внутренняя основа и способ общих внутренних связей различных, а зачастую и противоположных компонентов исследуемого явления.

Следовательно, для недialeктического мышления предполагаемая сущность явления фиксируется абстрактным представлением, при образовании которого фактически совсем не обязательно знать действительную сущность познаваемого предмета. Здесь оказывается достаточно знания чувственно воспринимаемых свойств предмета, общих у него с другими аналогичными предметами, т. е. знания того эффекта, который этот предмет способен произвести вступая в известные для субъекта связи и взаимодействия.

Для диалектического мышления сущность отражается не в форме абстрактного представления, а в форме понятия. Понятие, будучи теоретической абстракцией, отображает предмет не с точки зрения узко практической цели отдельного индивида, которому известен какой-либо отдельный способ практического использования предмета, не отдельную сторону этого предмета, общую у него с другими предметами, а со стороны того ядра, того способа существенных внутренних связей, которые определяют природу и развитие указанного предмета и дают возможность знать многие эффекты, возникающие при любом виде взаимодействия этого предмета с окружающими условиями. Если в первом случае мы получаем односторонние знания предмета, то во втором случае перед нами открывается возможность его всеохватывающего, всестороннего знания.

²⁵⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 161.

²⁶⁰ Гегель, Соч., т. VI, стр. 18.

Таким образом, для диалектического мышления сущность явлений не есть нечто чувственно воспринимаемое одинаковое в них, фиксируемое при посредстве наглядного представления. Для него сущность — это прежде всего определяющая генетическая связь, *единство* многообразных, отличающихся друг от друга сторон явления и его свойств, способ связи разнообразных составных элементов явления, вырастающий из его основы и определяемый ею. В связи с этим логическая форма, которая выражает указанную сущность, никак не может быть сведена к абстрактному представлению. По этому поводу еще Гегель писал, что сущность вещи «не есть абстрактное единство в противоположность различиям, характеризующим реальность, а есть единство различных определенностей и, стало быть, конкретная целостность. Так, например, представления «человек», «синий» — пишет далее Гегель, — должны прежде всего называться не понятиями, а абстрактными общими представлениями, и эти представления становятся понятиями лишь в том случае, когда мы показываем относительно них, что они содержат в себе *различные стороны в единстве*, так как это последнее, в самом себе определенное единство, составляет понятие»²⁶¹

В этих высказываниях идеалиста Гегеля имеется рациональное понимание диалектической природы понятия. Будучи диалектиком, он выступает здесь против метафизического понимания сущности как чувственно воспринимаемого общего признака однородных явлений действительности и доказывает, что сущность, отображаемая только понятиями, представляет собою систему определяющих внутренних связей, объединяющих различные и противоположные стороны явления, связей, система которых недоступна непосредственному восприятию. И действительно, согласно диалектическому материализму, «чувственное познание охватывает отдельные стороны вещей, явлений, внешние их стороны, внешнюю связь явлений, а логическое познание делает огромный шаг вперед, охватывая явление в целом, его сущность, внутреннюю связь явлений, поднимается до раскрытия внутренних противоречий». ²⁶²

²⁶¹ Гегель, Соч., т. XII, стр. 111

²⁶² Мао Цзедун, Избранные произведения, т. I, М., 1952, стр. 510—511

Ввиду указанного понимания формы отражения сущности явлений перед диалектическим мышлением прежде всего стоит задача найти внутреннюю основу, которая образует различные явления исследуемого предмета в процессе его интенсивного развития, задача раскрытия определяющих внутренних связей, от которых зависит его развивающаяся по степени качественная природа

Поэтому диалектическое мышление использует анализ не для того, чтобы абстрагироваться и отбросить все различия, имеющиеся в исследуемом явлении, как это делает недialeктическое мышление, а для того, чтобы выявить внутренние зависимости, приводящие эти различия к органическому единству. Это хорошо видно из известного примера, где речь идет о недialeктическом и диалектическом подходе к пониманию сущности человека.

Так, противопоставляя метафизическому пониманию сущности человека ее диалектическое понимание, Маркс писал в своих «Тезисах о Фейербахе», что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»²⁶³

Анализ этого определения сущности человека показывает, что сущность любого предмета, в том числе и человека, обнаруживается диалектическим мышлением не путем абстрагирования от различий, которые имеются в явлениях известного класса, для того, чтобы выявить и удержать чувственно воспринимаемое общее, повторяющееся в них. Она обнаруживается на основе совершенно конкретного анализа тех взаимозависимостей, благодаря которым указанные различия приводятся к единству, благодаря которым осуществляется процесс развития этих различий в исследуемых явлениях.

В связи с диалектико-материалистическим пониманием сущности как общей закономерности бытия и развития известного класса явлений, как способа органической связи различных компонентов каждого из таких явлений в известную качественную определенность, Маркс раскрывает сущность человека не благодаря отвлечению от всего, что отличает каждого из членов об-

²⁶³ К Маркс, Ф. Энгельс, Соч, т 3, стр 3.

щества друг от друга, а благодаря изучению этих различий, благодаря раскрытию основания, представляющего собой связи, которые порождают эти различия и объединяют отличающихся друг от друга людей в целостное единство, называемое обществом

Основанием, сущностью общественной жизни человека, по Марксу, является производство орудий производства, с которым связано возникновение человеческого общества и его последующее развитие. Это значит, что все характерные для отдельного человека особенности обусловлены его производственной деятельностью и производственной деятельностью того коллектива, в котором он живет и развивается

Ввиду того, что общество — это совокупность отдельных индивидов, соединенных друг с другом производственными связями, каждый отдельный член общества, взятый по отношению к обществу в целом, является его абстрактно выделенной частью. Эта абстрактно выделенная личность есть определенное воплощение общественно-исторической духовной и материальной культуры, сконцентрировавшихся в ней. Каждый индивид в процессе своего развития ассимилирует эту культуру, делает ее своим внутренним достоянием как личности. Ввиду многообразия и разносторонности видов человеческой деятельности в каждом отдельном человеке культура всего человечества воплощается не полностью, а какой-то известной своей частью. Разделение труда, которое существует в обществе, не позволяет отдельному человеку овладеть всем культурным достоянием человечества. Именно это общественное разделение труда и является объективной основой существования как различий между членами общества, так и связей этих различных людей друг с другом. Способ производственной связи людей в общественном организме оказывается той внутренней и общей закономерностью, той сущностью, в которой и благодаря которой осуществляется развитие как отдельного человека, так и общества в целом.

Если в поисках сущности человека мы станем на путь абстрагирования от различий, существующих между отдельными членами общества, с целью нахождения того чувственно воспринимаемого общего, что присуще всем им, как это делали домарксовские философы, то тем самым мы абстрагируемся от элементов и связей, ведущих

к искомой человеческой сущности, и сконцентрируем внимание на элементах, общих как человеку, так и животному. Ведь если отвлечься от того, что делает архитектора архитектором, портного портным, шахтера шахтером, то тем самым отбрасываются все особенности человека, обусловленные его реальной сущностью — производственными отношениями. Следовательно, здесь необходимо не отвлекаться от различий, присущих отдельным членам общества, а сосредоточить внимание именно на изучении этих различий, на выявлении того основания, которое обуславливает специфические различия членов общественного организма, сходных в чувственно воспринимаемых признаках друг с другом.

Сущность человека по-разному обнаруживается в отдельных людях, каждый из которых есть ее отдельным проявлением. Поэтому теоретическое выявление сущности человека может быть достигнуто только лишь на пути вычленения и приведения к генетическому единству и общей внутренней связи различий, которые имеются в каждом представителе общества. Это единство состоит в необходимости, обуславливающей и развивающей все разнообразные проявления человеческой личности, выступающей в качестве порождающего основания, на котором базируется все богатство человеческой культуры. Как об этом уже говорилось, классики марксизма видят это основание в производстве орудий труда, производственных отношениях, складывающихся в труде. Именно благодаря целесообразной трудовой деятельности и особенно благодаря отношениям, конечным результатом которых есть изготовление орудий труда, человек перестает быть животным и развивает все богатство особенностей, отличающих его от животного. Из этого реального основания развиваются, скажем, такие отличительные особенности человека как язык, мышление, человеческая рука и т. д. Следовательно, отношения производства, общественный труд являются генетическим источником всего человеческого в человеке.

Производство орудий труда исторически есть самая первая форма человеческой жизнедеятельности, благодаря которой он выделился из животного мира и стал собственно человеком. Оно как основание, как сущность присутствует на всех ступенях развития человеческого общества, воспроизводясь на все более и более высоком

уровне Анализ процесса производства и воспроизводства изношенных орудий труда раскрывает присущие этому повторяющемуся акту противоречия, развитие которых идет вплоть до возникновения общественного разделения труда и связанных с ним профессиональных, классовых, национальных различий членов общества Сведение к единству раскрытых таким путем противоречий, нахождение их генетической основы дают понятие о сущности человека, которая будет реальной только как развитая система человеческих способностей, как сложнейшая система разделения труда, классовых и других различий, образующая в своем единстве то, что называют обществом на определенной ступени его развития

Таким образом, чтобы вскрыть сущность предмета исследования, мало сосредоточить усилия на отыскании чувственно воспринимаемого общего признака, присущего классу известных явлений Здесь необходимо сосредоточить внимание на различиях и найти фактическое объективное основание возникновения и единства этих различий с тем, чтобы фиксировать его в понятии как форме мышления Это значит, что исследование сущности предметов переносится в план их реального интенсивного развития Именно с этим планом связано описанное выше диалектико-материалистическое понимание объективного содержания сущности как общего основания, производящего в процессе поступательного развития предмета свои отдельные проявления в виде определенных ступеней изменения данного предмета как способа связи этих ступеней друг с другом

Если, к примеру, взять вопрос о сущности такого общественного явления, как государство, то при статическом его рассмотрении в понятие сущности этого явления включаются стороны, не входящие в действительную его сущность Сюда относится, скажем, охрана безопасности граждан, охрана порядка в обществе, которые рассматриваются представителями буржуазной социологии как сущность данного общественного явления

На самом деле включение указанных признаков государства в понятие его сущности не только не выясняет дело, но даже затемняет его, так как государство есть не орган примирения классов, а орган господства одного класса над другим. Чтобы установить, какие призна-

ки государства относятся к понятию его сущности и какие к нему не принадлежат, необходим не статический, а динамический подход к этому объекту познания. Здесь нужно применять категории основания и следствия, нужно исследовать, как государство возникло, как оно развивалось и чем оно стало теперь. При таком подходе становится ясным, что функция охраны порядка существовала в обществе, когда государства еще не было, что государство существовало не всегда, а возникло на той ступени общества, когда сформировались классы и возникла необходимость подавления одного класса другим. Следовательно, вне диалектического подхода к явлениям, который сопряжен с применением категорий основания и следствия, раскрытие сущности предмета познания на пути восхождения от конкретного к абстрактному и выражение указанной сущности в соответствующих понятиях, которые фиксируют ее как единство взаимно противоположных сторон, невозможно. Оно возможно только при диалектическом подходе к предметам.

Достижение цели, которую ставит перед собой анализирующее диалектическое мышление — нахождение сущности исследуемого явления — связано с преодолением известных трудностей. Эти трудности возникают в связи с многообразием компонентов, из которых состоит целое, подлежащее анализу. Так как познание начинается с готовых результатов предшествующего развития предмета, то оно сталкивается с уже развитыми его формами, а в них с многочисленными сторонами и свойствами, которые являются производными от других сторон и свойств этого предмета. Например, в капиталистическом обществе имеются такие стороны, как прибыль, труд, деньги, земельная рента и т. д., являющиеся, как это известно, производными, возникшими на основе развития товарных отношений.

Вся совокупность элементов, из которых состоит конкретное целое, загромождает и затрудняет работу, направленную на отыскание основы, способа связей, порождающих исследуемое явление и обуславливающих его последовательное развитие. Эта основа как бы теряется среди многочисленных элементов развитого целого. Однако процесс нахождения этой основы значительно облегчается, если знать ее характерные признаки. Эти

признаки вытекают из диалектико-материалистического понимания сущности явления

Что же это за признаки?

Поскольку сущность выступает всегда в качестве порождающего способа связей, о котором упоминалось выше, способа связей, которым обуславливается возникновение и от которого начинается развитие исследуемой качественной определенности, поскольку она есть способ связи всех элементов этой определенности в органическое целое, — постольку анализирующее мышление должно вычлениить в конкретном чувственно воспринимаемом целом ту его самую абстрактную, самую элементарную форму бытия, с исчезновением которой прекратилось бы существование и исследуемой качественной определенности

Как указывалось, именно такая элементарная форма бытия в составе конкретного целого является той основой, от которой начинается все последующее его развитие и исходя из которой могут быть последовательно поняты все другие особенности этого целого, ибо все они, прямо или косвенно, опосредствуются ею. Сама же основа, сама же эта первоначальная форма возникновения и бытия целого не опосредствуется никакими другими сторонами и свойствами исследуемого объекта. Например, подвергая аналитическому расчленению империализм, В. И. Ленин стремился найти ту порождающую основу, от которой зависят и которой обусловлены все конкретные его проявления. Для этого Ленин исследовал развитие капиталистического способа производства. Благодаря этому была вскрыта основная тенденция капитализма, которая дала возможность увидеть, что закономерным продуктом указанной тенденции, своеобразной формой ее воплощения является монополия, возникающая в силу концентрации капитала

Исходя из монополии как основы, в которой сконцентрировалась главная тенденция капитализма, обуславливающая все явления империалистического общества, оказывается возможным объяснить все другие явления империализма, тогда как сами они монополии не объясняют. Таким образом, монополия выступает в качестве того исходного начала, того непосредственно данного элемента, который приводит к внутреннему единству остальные стороны и свойства империализма. Она

является тем источником, из которого и благодаря которому возникают и развиваются все многочисленные особенности империализма. Если устранить тенденцию, сконцентрированную в монополии, империализм как таковой исчезает и превращается в домонополистический капитализм, где эта тенденция сконцентрирована в отдельном частном собственнике. Поэтому сущностью империализма является монополистический капитализм.

Другой пример. Если, скажем, в результате диалектического анализа конкретного целого капиталистического общества, которое подлежит исследованию, в качестве его сущности будет вычленено не отношение, в котором рабочая сила выступает как товар, а, скажем, такая абстракция, как классы, то многие явления капиталистического способа производства окажутся непонятными. Исходя из классового деления буржуазного общества невозможно понять, как возникают деньги, процент, заработная плата, земельная рента и т. д. Но зато если в качестве его сущности принять элементарную клеточку капиталистического общества, тот способ отношений, где рабочая сила выступает как товар, т. е. взять то непосредственное, с чего начинается развитие капитализма как такового и без чего капитализм как общественно-экономическая формация оказывается невозможным, и проследить непрерывную цепь ступеней капитализма, возникших из этой основы, — все явления капиталистического общества могут быть поняты и последовательно объяснены.

Отношение, в котором рабочая сила выступает как товар, — это исходный элемент буржуазного способа производства. Оно не обусловлено никакими другими его элементами ни отношениями купли-продажи предметов потребления, ни кредитом, ни банками, ни отношениями между предпринимателями и т. д. Наоборот, все эти отношения сами обусловлены отношениями по купле-продаже рабочей силы. Такое товарное отношение — простейшая, элементарная клеточка, основа, начиная от которой развиваются все последующие явления капитализма. Именно поэтому тот начальный способ отношений, в котором рабочая сила выступает как товар, и был вычленен Марксом в процессе аналитического рассмотрения капитализма в качестве сущности явлений этого общества.

Таким образом, сущность, обуславливающая последовательное развитие отдельных своих проявлений и воспроизводящая себя в каждом из них специфическим образом, выступает для аналитического мышления вначале в качестве такого абстрактного элемента чувственно-конкретного целого, с устранением которого это целое как данное качество исчезает. Исходя из этого элемента чувственно воспринимаемого конкретного, целого, применяя категории формы и содержания, основания и следствия, возможности, случайности, необходимости и др., можно объяснить все последующие модификации исследуемого объекта, ибо этот элемент есть то, из чего возникают все остальные компоненты упомянутого чувственно-конкретного объекта.

Основным субъективным приемом нахождения основы как элементарной формы явления сущности исследуемого объекта, затерянной среди других ее проявлений, приемом отличия ее от элементов предмета, которые такой формой проявления сущности не являются, есть сравнение, производимое по степеням развития предмета. Указанное сравнение производится с целью установления, какой из аналитически вычлененных элементов чувственно воспринимаемого целого, взятого на разных ступенях его развития, является первичным по своему возникновению и выступает в качестве основания для возникновения элементов других ступеней. Путем такого сопоставления выделяются вначале предшествующие, а затем и исходные стадии чувственно-конкретного целого. Эти, последние, и относятся к его сущности, которую необходимо искать в них в виде способа связей, обуславливающих возникновение данной качественной определенности.

Так, взяв за предмет исследования материальное производство на определенной ступени его развития, а именно — капиталистическое производство, Маркс рассматривает его как нечто «многократно расчлененное», которое «выражается в различных определениях»²⁶⁴. Сюда относятся население, классы, город, деревня, различные отрасли производства, капитал, наемный труд, стоимость, деньги, товар, цена, кредит, кооперация и т. д. Абстрагируясь от элементов, характерных не только

²⁶⁴ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 195

для капиталистического производства, и удерживая лишь те из них, которые характерны для капитализма, Маркс сравнивает между собою эти абстрактно выделенные моменты, применяя для этого категории основания и следствия. В результате такого сравнения он устанавливает, что, например, деньги существуют раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. Сравнивая деньги с другими абстрактно выделенными моментами конкретного целого, в частности с товаром, Маркс приходит к выводу, что деньги являются всеобщим эквивалентом товаров, что они сами есть товар.

Отсюда вывод, что товар должен предшествовать деньгам как их ближайшая основа. В конечном счете, в результате сравнения элементов, взятых из различных ступеней развития конкретного капиталистического целого, Маркс приходит к заключению, что товарное отношение, связанное с куплей-продажей рабочей силы, производимое для получения прибавочной стоимости, выступает как та элементарная и наиболее абстрактная (неразвитая) форма бытия сущности капитализма, от которой начинается его развитие как известной качественной определенности. Но для того чтобы раскрыть элементарную форму бытия сущности капитализма путем сравнения абстрактно выделенных и неразвитых элементов, взятых из отдельных ступеней развития целого капиталистического общества, Марксу совсем не нужно было давать изображение действительной истории капиталистического общества во всех ее деталях. Маркс писал: «Чтобы развить законы буржуазной экономии, вовсе не обязательно писать действительную историю производственных отношений. Однако правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений как таких отношений, которые сами сложились исторически, всегда приводит к некоторым первым соотношениям — каковы, например, эмпирические числовые данные в естествознании, — указывающим на некоторое прошлое, лежащее позади исследуемой системы. Эти указания в сочетании с правильным пониманием настоящего дают тогда также и ключ к пониманию прошлого»²⁶⁵.

²⁶⁵ К. Маркс, *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie*, М., 1939, стр. 364—365.

Проведя анализ товарного обращения вплоть до выделения условий и способа, благодаря которым капитал возникает как таковой, Маркс пишет: «Итак, капитал не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время вне обращения. Таковы условия проблемы. Вот, Родос, здесь прыгай!»²⁶⁶. Последним своим замечанием Маркс желает подчеркнуть, что именно в этом пункте процесса товарного производства и обращения необходимо видеть условие, реализация которого приводит к возникновению элементарной формы бытия сущности капиталистического способа производства. При этом Маркс полагает, что если ему удастся найти «в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, фактическое потребление которого было бы процессом осуществления труда, а, следовательно, процессом создания стоимости»²⁶⁷, то поставленная задача — раскрыть элементарную форму бытия сущности капитализма — достигнута.

Решая поставленную задачу, Маркс показывает, что единственным товаром, который является «элементом», порождающим прибавочную стоимость, и, следовательно, основанием накопления богатства на одной стороне и нищеты — на другой, является рабочая сила, нанимаемая за деньги с целью получения прибыли. Потребление рабочей силы в процессе производства приводит к тому, что она превращается в свою противоположность — в товарную стоимость. Таким образом, труд, затрачиваемый в процессе производства предметов потребления, овеществляющихся в своих продуктах, составляет и сущность товара и сущность всего капиталистического строя. Если в простом товарном обращении стоимость товаров как их сущность, в противовес своему внешнему выражению — потребительной стоимости, получает в лучшем случае самостоятельную форму денег, то в капиталистическом производстве она выступает внезапно «как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы»²⁶⁸.

²⁶⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 172—173.

²⁶⁷ Там же, стр. 173.

²⁶⁸ Там же, стр. 161.

Таким образом, как правильно пишет Э В Ильенков в своей книге «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса», Марксом «впервые была понята не *только субстанция* стоимости — труд (это понимал и Рикардо), но и стоимость была понята одновременно и *как субъект* всего развития, т. е. как реальность, развивающаяся через свои внутренние противоречия в целую систему экономических форм»²⁶⁹, которые в своем связном, исторически субординированном и координированном единстве представляют конкретное капиталистическое общество как реальное целое в его реальном выражении в действительности и логическом выражении в голове человека, познавшего это целое и отобразившего его в системе категорий. В марксовом понимании труда, который является не только субстанцией стоимости, но и самовозрастающим субъектом, перевоплощающимся из одной формы своего наличного бытия в другую, проявляется понимание содержания категории сущности как субъекта всевозможных перевоплощений, в главных моментах определяемого при посредстве других категорий, объективная диалектика которых была нами разобрана в предыдущем разделе.

Будучи основанием всех последующих форм наличного бытия капитализма, купля-продажа рабочей силы является той основой, на которой настраивается все видимое здание капиталистического общества. Именно поэтому, как писал В И Ленин, «у Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся *отношение* буржуазного (товарного) общества обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (resp. зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий этого общества, в Σ (сумме — *Ред*) его отдельных частей, от его начала до его конца»²⁷⁰.

Но применяя анализ и сравнение для раскрытия сущности исследуемого конкретного целого как способа связей, порождающих данное качество и обуславливающих

²⁶⁹ Э В Ильенков, Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960, стр. 270.

²⁷⁰ В И Ленин, Соч., т. 38, стр. 358—359.

его развитие, закрепляя результаты этого анализа в форме абстрактных понятий, диалектическое мышление не ограничивается установлением производящего основания явлений. Опираясь на абстрактно выделенную сущность, оно должно восстановить расчлененное анализом чувственно-конкретное целое в его внутренних и внешних связях, изобразить это целое как мысленно-конкретное и, благодаря этому, дать правильное, адекватное внутренней природе предмета истолкование всех его внешних проявлений. Ввиду этого становится совершенно ясным, что диалектический анализ неразрывно связан с синтезом.

Когда говорят об анализе, то нельзя понимать дело так, что вначале познание проходит стадию чистого анализа, которая затем сменяется стадией чистого синтеза. Воссоединение абстракций, полученных путем аналитического расчленения предметов, проводимое на основе знания способа их связи, лежащего в основе этого воссоединения, осуществляется одновременно с процессом анализа. Каждая абстрактно выделенная сторона чувственно-конкретного целого, схватываясь мышлением, включается в связную систему уже известных мысленных определений предмета. Это обеспечивает поступательное все более и более конкретное отражение последнего.

Описывая процесс последовательного восхождения от сущности к явлению, т. е. от абстрактного к конкретному, как процесс, который наряду с анализом включает в себя также и синтез, Гегель писал: «Познание катится вперед от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что последующие определенности становятся все *богаче и конкретнее*. Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью. *Всеобщее* составляет основу, поэтому поступательное движение не должно быть понимаемо как *течение* от некоторого *другого* к некоторому *другому*. В абсолютном методе понятие *сохраняется* в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности, на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступа-

тельного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»²⁷¹.

Давая высокую оценку приведенному высказыванию из «Логики» Гегеля, В. И. Ленин, в частности, разделяет ту мысль Гегеля, что в диалектическом процессе познания анализ и синтез даны в единстве, благодаря которому становится возможным отражение поступательно-интенсивного развития. В диалектическом мышлении абстракция, которая в одном направлении исследования выступает как *продукт* анализа, в другом его направлении становится основой для мысленного синтеза. Так, исследование Марксом в товаре потребительной и меновой стоимости приводится путем анализа, но здесь же он применяет и синтез при выведении из стоимости различных ее форм: случайной, развернутой, всеобщей.

Таким образом, если при посредстве анализа познание вычленяет всеобщие абстрактные моменты, входящие в сущность исследуемого явления, то при посредстве синтеза, из этих абстрактных моментов развивается цельная система конкретного знания данного явления.

Если проводить анализ без заранее предполагаемой цели — получения синтетическим путем логически-конкретного знания, то вследствие такого анализа познание получит груду аналитически вычлененных составных частей предмета, для которых обратная операция — синтез — окажется невозможной. В результате этого понимание вопроса о том, почему указанная груда частей представляла собою органически цельный предмет действительности, не будет достигнуто, так как в данном случае анализ омертвляет живые динамические внутренние связи, т. е. уничтожает именно то, что познание хотело отобразить.

Понимание живой связи исторического и структурного взаимодействия составных элементов предмета может быть достигнуто только лишь благодаря синтезу, проводимому на основе знания сущности предмета, который в сочетании с анализом дает ответ на вопрос о том, почему составные части этого предмета соединены между собою так, а не иначе, почему одна из них следует за

²⁷¹ Гегель, Соч., т. VI, стр. 315.

другой, почему данным сочетанием они образуют именно эту, а не другую качественную определенность

Таким образом, главная задача анализа явления, выделенного «в чистом виде», состоит в том, чтобы раскрыть составные элементы конкретного целого, их структуру и обнаружить среди внутренних связей явления те определяющие связи, которые относятся к его абстрактно выделенной сущности. Главная же задача синтеза состоит в том, чтобы привести открытую в процессе анализа абстрактную элементарную форму бытия сущности в органическое единство с остальными компонентами и связями предмета с учетом необходимого последовательно-поступательного развития ее явлений и показать, как внутреннее органическое единство явлений, последовательно возникающих в результате развития этой сущности, обнаруживается в их внешнем, доступном непосредственному восприятию виде

Если в процессе диалектического анализа мысль движется от многообразных, отличающихся друг от друга форм проявления предмета, к той основе, к тому способу связей, который обуславливает их органическое единство, то в процессе синтеза наблюдается обратное движение: от абстрактного и неразвитого общего, выступающего в качестве производящей основы разнообразных явлений предмета, мысль движется к этим его разнообразным проявлениям в их поступательно-восходящем развитии.

Следовательно, синтез — это такое мысленное воссоединение аналитически вычлененных абстрактных частей развивающегося предмета, которое дает понимание, каким образом сущность вещи воплощается в многообразии отдельных сторон и особенностей целого.

Синтез является необходимым условием полного познания сущности. Так, переходя от анализа, в результате которого была вычленена абстрактная сущность предмета, к предполагавшемуся в его начале синтезу, В. И. Ленин в VII главе книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» пишет, что «мы должны попытаться подвести известные итоги, свести вместе сказанное выше об империализме»²⁷². И на следующей странице он дает синтетическое понятие империализма,

²⁷² В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 252;

который определяется им как «капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополии и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»²⁷³. Это определение империализма синтетически выводит (дедукция) все остальные проявления империализма из порождающей их основы монополистических союзов капиталистов. Без такого выведения явлений предмета из их сущности внешнее и внутреннее не могли бы быть отраженными мышлением в их диалектическом единстве.

В связи с тем, что анализ предмета начинается с его более или менее развитых форм, мы отмечали, что аналитическое мышление движется путем, прямо противоположным действительному развитию предмета, так как его задачей является вычленение из многочисленных компонентов развитого предмета его простейших, наиболее общих и абстрактных определений, от которых начинается действительная история указанного предмета. Совсем другое дело, когда мышление осуществляет синтетическое познание явлений, исходя из их познанной сущности. Здесь оно движется путем, который соответствует действительной истории предмета, проходя в обобщенном и сокращенном виде последовательный ряд ступеней его развития, отмечая на каждой из этих ступеней все новые и новые особенности, возникающие в предмете вследствие его исторического развертывания из порождающей основы. Таким образом, «анализ является необходимой *предпосылкой* генетического изложения, понимания действительного процесса развития в его различных фазах»²⁷⁴. В связи с этим он является также предпосылкой восхождения от познанной абстрактной сущности к ее многообразным внешним проявлениям. Так, В. И. Ленин, отправляясь от сущности империализма — монополии, которая была им выделена в процессе восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному, последовательно вывел такие, более конкретные отношения империализма как финансовый капитал, вывоз капитала, раздел мира между междуна-

²⁷³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 253.

²⁷⁴ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, 1936, стр. 366.

родными союзами монополистов, раздел территорий земного шара между крупнейшими империалистическими государствами. Постепенно, путем восхождения от абстрактного к конкретному, он подошел к империализму как к конкретному целому, выраженному в логических определениях. Из работы В. И. Ленина видно, что если в процессе раскрытия сущности предмета познания мышление углубляется от менее глубокой сущности к более глубокой, то в процессе восхождения от наиболее глубокой сущности к ее внешним проявлениям наблюдается обратный порядок движения познания. Восхождение от абстрактного к конкретному является у Ленина процессом выведения из самой глубокой основы того, что ближе лежит у поверхности явлений. Постепенно продвигаясь от более глубокой сущности к менее глубокой, он показывает, как из отношений, наиболее существенных и определяющих, образуются отношения, менее существенные, производные, как, в конце концов, из экономической сущности империализма вытекают свойственные ему отношения в социально-политической области: обострение и усиление политической реакции, колониальная политика и национальный гнет, империалистические войны и раскол рабочего движения и т. д.

Поскольку процесс восхождения от абстрактного к конкретному ведет к воспроизведению предмета познания во всей его полноте, этот процесс имеет важнейшее практическое значение, т. к. открывает пути к научному предвидению дальнейшего развития предмета, к формулированию практических задач, которые встают в связи с потребностью в сознательном использовании познанных закономерностей. Опираясь на теоретические результаты, которые были достигнуты в процессе анализа сущности империализма, В. И. Ленин смог дать не только обоснование главнейших особенностей империализма, но и характеристику важнейших событий эпохи, определить судьбы империализма и, в связи с этим, сформулировать коренные задачи, которые стояли перед рабочим движением.

Для того, чтобы превратить возможность социалистической революции в действительность, основываясь на своем научном анализе империализма, В. И. Ленин разработал теорию социалистической революции, дал четкую марксистскую оценку первой мировой войны, выдвигая

нул стратегическую задачу превращения империалистической войны в гражданскую; он раскрыл социальную природу реформизма и оппортунизма, процветающего во II Интернационале, и показ  л, что победоносная борьба против этого течения является одним из условий победы социалистической революции.

Этот факт является ярким свидетельством огромной практической важности рассматриваемого здесь вопроса о закономерностях познания сущности явлений действительности путем восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному и от него — к логически-конкретному, вопроса, содержание которого выражается в научных, логически-конкретных понятиях.

Двигаясь от исходной абстракции, выражающей отвлеченно, в чистом виде сущность исследуемого явления, мысль должна воспроизвести это явление как целостное, конкретное единство многочисленных определений. На этом пути восхождения познание встречается с трудностями, преодолимыми только для диалектики. Они состоят прежде всего в том, что абстрактная сущность реальных явлений, вычлененная путем анализа, не совпадает с этими явлениями непосредственно. Указанные явления как бы не подводятся под свою сущность, противоречат ей. В действительности сущность проявляется в явлениях «весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая, никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянная колебаний»²⁷⁵.

Так, пронизываемые законом стоимости многообразные явления капиталистического товарного производства совсем не похожи на этот закон и, следовательно, на свою сущность. Причиной этого обстоятельства является, как мы уже это отмечали в начале раздела, влияние на внешнее обнаружение закона стоимости разнообразных побочных обстоятельств и факторов, которые его до неузнаваемости видоизменяют. Поэтому если результат процесса отвлечения, который предшествовал синтезу, ставится в прямое и непосредственное отношение к чувственно-эмпирическим явлениям, существующим на поверхности действительности так, что опускаются опосредствующие звенья, то связь меж-

²⁷⁵ К М а р к с, Капитал, т III, стр. 168

ду этими явлениями и их сущностью, представленной мысленно в виде абстрактного понятия, оказывается совершенно непонятной. Поэтому представители политической экономии, не владевшие диалектическим мышлением и метафизически понимавшие процесс отвлечения, не могли никак согласовать сущность капиталистического производства с его непосредственными проявлениями. Так, они обнаруживали противоречие закону стоимости в факте одинаковых норм прибыли для капиталов различного органического строения.

Капиталы различного органического строения приводят в движение различные массы живого труда. Поскольку размеры прибавочной стоимости обусловлены количеством приводимого в движение переменного капитала, постольку казалось, что размер прибыли должен быть тем больше, чем большее количество рабочей силы приводится данным капиталом в движение. Но на деле этого не обнаруживается, так как проявление закона стоимости с самим законом непосредственно не совпадает. Ввиду этого ориентирующиеся только на видимость буржуазные экономисты пытаются отрицать закон стоимости вообще.

Если попытаться вскрыть гносеологическую ошибку этих экономистов, то она состоит в пренебрежении к опосредствующим звеньям, которые лежат между абстрактно выделенной сущностью и ее конкретным обнаружением в явлениях. В частности одним из таких опосредствующих звеньев является конкуренция, которая уравнивает норму прибыли и ведет к образованию средней прибыли, т. е. прибыли, равной для всех капиталистов на каждую единицу эксплуатируемого капитала.

Следовательно, без учета опосредствующих звеньев, лежащих между абстрактно выделенной и отраженной в виде понятия сущностью явлений и их конкретными внешними формами существования, можно прийти к отрицанию самой сущности. Это, например, делал Мальтус, отрицавший закон стоимости вообще. То же самое можно сказать и о К. Шмидте, который также не понимал взаимоотношения между законом стоимости и нормой прибыли. В связи с этим он полагал, что этот закон является фикцией. Энгельс писал ему: «Ваши упреки по адресу закона стоимости относятся ко

всем понятиям.. по той причине, что понятие обладает основной природой понятия, что оно, следовательно, не совпадает прямо и непосредственно с действительностью, от которой его надо сначала абстрагировать, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им весьма косвенным, окольным путем, да и то лишь в асимптотическом приближении»²⁷⁶ Если бы мы вздумали потребовать, чтобы «норма прибыли,— пишет дальше Энгельс,—была точь в точь одинаковой. в каждом предприятии и в каждом году, то мы совершенно превратно поняли бы норму прибыли и экономические законы вообще; все они не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в непосредственной действительности. Это происходит отчасти вследствие того, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же вследствие их природы, как понятий»²⁷⁷.

Таким образом, ввиду того, что в процессе аналитического нахождения сущности явлений мышление отвлекается от ряда побочных обстоятельств и берет сущность предмета познания в неосложненном, чистом, абстрактном виде,— в обратном движении от сущности к явлениям, т е в процессе восходящего синтеза, необходимо последовательно учитывать опущенные в анализе моменты. Поэтому основная задача на пути восхождения от сущности к явлению состоит в том, чтобы быть последовательным в воспроизведении связей и отношений, характерных для ступеней развития исследуемого предмета Восхождение от сущности к ее внешним обнаружениям должно осуществляться так, чтобы каждая предшествующая ступень реального существования предмета, которая отражается мышлением непосредственно как явление, связывалась бы с его ближайшей последующей ступенью Такое методическое восхождение приводит к тому, что всякая последующая ступень развития содержания предмета, отражаемого в понятии, будет включать в себе все основные особенности его предшествующей стадии и содержать их в себе в

²⁷⁶ К Маркс, Ф Энгельс, Письма о «Капитале», стр 307—308

²⁷⁷ Там же

«снятом» виде так, что непосредственно близлежащие промежуточные звенья, внутренне связывающие все проявления данной сущности в единый непрерывный ряд поступательного развития, не будут опускаться.

В процессе восхождения от абстрактно выделенной сущности к ее конкретным проявлениям, лежащим на чувственно воспринимаемой поверхности объективного мира, наиболее развитое явление, подвергшееся анализу, снова выступает перед познающим мышлением, но уже совсем не в том виде, как это было в начале познания. Оно становится внешним проявлением реально осознаваемой в нем сущности, вскрытой в результате анализа и абстрагирования и приведенной в конкретное единство со всеми проявлениями путем диалектического синтеза выделенных анализом абстракций

Как видим, субъективная диалектика сущности и явления состоит не только в нахождении сущности предметов действительности исследуемых явлений, но она состоит также и в истолковании явлений, которое предпринимается на основе знания их сущности и достигается путем логического прослеживания основных ступеней процесса исторического развертывания сущности предмета во времени.

Из приведенного рассмотрения вопроса о субъективной диалектике сущности и явления видно, что познание, начиная с непосредственной видимости, выступающей в качестве его исходного момента, постепенно, путем аналитико-синтетической деятельности, применяя категории явления, формы и содержания, основания и следствия, возможности, случайности, необходимости, действительности и другие, углубляется в сущность развивающегося предмета, для того чтобы исходя из нее дать научное истолкование этой видимости и использовать открытые этим путем закономерности развития предмета с целью сознательного преобразования действительности

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятая в настоящей работе попытка исследования диалектико-материалистического понимания категорий сущности и явления позволяет предложить некоторые выводы. Они могут быть сведены к следующим основным положениям

1 Анализ внутренней логики развития представлений о категориях сущности и явления свидетельствует, что понимание этих категорий углублялось по мере развития философии

Представители наивно-диалектического мировоззрения рассматривали эти категории в основном в онтологическом плане. Ввиду того, что объективная действительность, представление о которой в этот период было скорее результатом непосредственного созерцания, чем теоретического мышления, рассматривалась как единое целое, сущность понималась как первоначало, как «элемент», из которого возникают и в который возвращаются отдельные вещи, считавшиеся конечными формами бытия, возникшими из этого «элемента».

Борьба античных идеалистов против материалистических взглядов того времени на сущность проливает свет на гносеологические корни античного идеализма. Они состояли в неумении понять природу общего в отдельных конечных предметах действительности, в переносе свойств понятия, отражающего общие свойства отдельных вещей, на общее самих этих вещей, а также в абсолютном противопоставлении отдельного общему.

Оторвав постигаемое мышлением общее отдельных предметов материальной действительности от самих этих ее предметов, наделив его противоестественными духовными свойствами, идеалисты стали изображать

общее как движущую божественную силу, находящуюся вне материальной реальности и управляющую последней. В условиях разложения рабовладельческого строя взгляды античных идеалистов на сущность явлений смыкаются с распространенными тогда монотеистическими представлениями, благодаря чему идеалистически понимаемая сущность персонифицируется и истолковывается как демиург всех конечных вещей материальной действительности.

В рамках идеалистических теорий, господствовавших в идеологической жизни средневековья, вокруг вопроса о сущности и явлении продолжается борьба материализма и идеализма. При этом в номиналистических представлениях, которые крепнут в борьбе против идеалистического реализма, выкристаллизовывается идея, что сущность есть закрепляемое словом субъективное образование, соответствующее общим свойствам отдельных материальных явлений, но не являющееся их субъективным образом. Следовательно, в номинализме наблюдается первая систематическая, но стихийная попытка исследования сущности и явления не только в онтологическом плане, но и в гносеологическом.

Расчленение природы на части, предпринимаемое в период распространения метафизического метода, для того чтобы изучить каждую из них в отдельности, приводит к более углубленному пониманию проблемы сущности и явления. Сущность начинает истолковываться не только как всеобщая производящая материальная или духовная основа всех явлений действительности, но и как специфическая основа групп явлений, обособливаемых из единого природного целого. При этом здесь обращается пристальное внимание на различие тех сторон в предметах материального мира, которые отображаются категориями сущности и явления от самих этих категорий как субъективных образов сознания. Постепенно распространяется убеждение, что категория сущности явлений, образуемая мышлением, извлекается из самих этих явлений, что она есть общее чувственно воспринимаемое свойство, содержащееся в самих явлениях материального мира, которое лишь воспроизводится сознанием, а отнюдь не создается им. Но метафизический подход к действительности как к чему-то неизменному и застывшему приводит к тому, что категории

сущности и явления истолковываются лишь применительно к предметам познания, взятым в состоянии неизменности, устойчивости.

Метафизическое понимание действительности, сущности и явления как внешней и внутренней сторон неподвижных предметов, непонимание роли практики как основы возникновения мышления и углубления знания от явления к сущности, от сущности, менее глубокой, к сущности, более глубокой, приводит мыслителей XVII—XVIII вв к одностороннему пониманию сущности, к противопоставлению или отождествлению закономерности объективного мира, отражаемой в категориях сущности и явления, с самими этими категориями, а также к теориям, в которых формы мышления, отражающие сущность, обособляются от форм чувственного познания, отражающих явления этой сущности

Ограниченность метафизического материализма, неспособного теоретически решить вопрос о диалектике форм познания сущности изменчивых явлений действительности, о роли практики в становлении категорий сознания используется немецким идеализмом для «опровержения» материализма

Понимая практику как чисто духовную деятельность, немецкий классический идеализм, в противоположность метафизическому материализму, подошел к исследованию вопроса о сущности и явлении предметов в аспекте их изменчивости. Но ввиду мистификации практики и изображения ее как чисто духовной деятельности он стал истолковывать сущность и явление как внешние и внутренние связи идеальных форм бытия, якобы олицетворяющих собой развитие. Таким образом, рациональное зерно в учении о сущности и явлении, к которому в конечном счете пришла немецкая философия, было скрыто за мистифицирующей оболочкой идеалистического решения основного вопроса философии. Только диалектический материализм сумел устранить ограниченность понимания сущности и явления в метафизическом материализме и показать несостоятельность идеалистических теорий этих категорий, в которых мышление возвышалось для того, чтобы быть противопоставленным якобы пассивной материи и превращенным в активного творца, демиурга всех конечных предметов действительности.

2. Возникновение диалектического материализма привело к перевороту в философии, к качественно новой ступени в развитии учения о сущности и явлении. Марксистская философия, усвоившая и переработавшая на материалистической основе все прогрессивные достижения философии предшествующей, и особенно диалектики Гегеля, прорвала узкий горизонт метафизического понимания мира как неподвижного и неизменного. Она выработала новый, диалектико-материалистический подход к пониманию мира. В соответствии с этим главная черта диалектико-материалистического понимания категорий сущности и явления в том, что они истолковываются со стороны экстенсивного изменения и интенсивного развития тех связей, свойств и отношений действительности, которые отражаются указанными категориями. Поэтому представления о сущности и явлении, распространенные в домарксистской материалистической философии, «снимаются» диалектико-материалистическим пониманием этих категорий, «расплавляются» благодаря тому, что их понимание поднимается на более высокую ступень. Марксистская философия не ограничивается истолкованием категорий сущности и явления как отражения внешних и внутренних свойств предметов действительности, взятых в состоянии неподвижности, устойчивости, а рассматривает такое понимание названных категорий как отдельный момент, составляющий лишь одну сторону их более глубокого, диалектико-материалистического истолкования.

Решение основного вопроса философии в духе диалектико-материалистического монизма, позволившее преодолеть идеалистические и дуалистические взгляды на сущность и явление благодаря научному истолкованию единства материи и мышления как свойства материи, возникающего, когда она достигает известной степени развития, дает возможность марксистской философии, в противоположность предшествующему материализму, доказать, что категории сущности и явления есть субъективные формы отражения внешних и внутренних связей, свойств и сторон развивающейся материи, которые образуются в человеческом сознании на основе практической деятельности.

Исходя из того, что категории сущности и явления выступают как формы мышления, отражающие извест-

ные закономерности бытия, диалектико-материалистическое исследование этих категорий предполагает их рассмотрение как в онтологическом, так и в гносеологическом планах. При этом онтологический план рассмотрения категорий сущности и явления означает подход к ним со стороны той закономерности в материальном мире, со стороны тех определяющих внутренних и внешних связей в предметах действительности, которые отражаются указанными категориями и составляют их содержание. В этом свете сущность и явления выступают как соответствующие общие связи и стороны предметов материального мира. Гносеологический аспект категорий явления и сущности означает рассмотрение их как идеальных форм мышления, играющих важную методологическую роль в познавательном процессе. В этом свете названные категории выступают как определенные закономерности познания, как тот инструмент, благодаря которому производится адекватное отражение сознанием общих сторон, свойств и отношений конкретных предметов действительности.

3 Распространенное в современной марксистской литературе понимание категорий сущности и явления как соотносительных философских категорий, отражающих внешнюю и внутреннюю стороны действительности и их взаимосвязь, когда подразумевается, что сущность представляет собой внутренние, глубинные связи и отношения классов явлений, а явление есть внешнее выражение сущности,— требует определенного уточнения. Это объясняется тем, что при таком понимании указанных категорий не подчеркивается коренное отличие диалектико-материалистического истолкования сущности и явления от их истолкования в домарксистском метафизическом материализме, потому что после определения сущности как внутреннего, а явления как внешнего остается неясным, вкладывается ли в понятие «внешнее» и «внутреннее» диалектико-материалистическое содержание. Выходит, что после такого определения сущности и явления необходимо еще уточнять, как истолковываются понятия «внешнее» и «внутреннее». Это представляется тем более необходимым, что классики марксизма употребляли категории сущности и явления для выделения внешней и внутренней сторон материальной реальности, ее внешних и внутренних связей, в од-

ном случае понимая под явлением поверхностную, доступную непосредственному восприятию, внешнюю сторону действительности в геометрически-пространственном значении этих слов, в других случаях — понимая явление как предмет в целом и, следовательно, употребляя термин «явление» как синоним понятий «предмет», «процесс». Указанное двоякое понимание категории явления приводит к двоякому пониманию и соотношенной с ней категории сущности

При попытках исследовать содержание понятий «внешнее» и «внутреннее» познание сталкивается с трудностями, вытекающими из того, что материальная действительность есть единство изменчивости и устойчивости. Неумение диалектически преодолеть указанные трудности может привести к тому, что понятия внешнего и внутреннего будут рассматриваться только применительно к предметам, взятым в состоянии их устойчивости, как это было в домарксистском материализме. Диалектико-материалистический подход к вопросу должен учитывать, что если материальную действительность рассматривать со стороны ее устойчивости, — понятия внешнего и внутреннего будут иметь один смысл, если же ее рассматривать как единство устойчивости и изменчивости, то эти понятия будут иметь другой смысл.

Когда предметы действительности рассматриваются со стороны их устойчивости, то связи, объединяющие многообразие составных элементов указанных предметов в органическое качественно определенное единство, выступают как внутренние связи. Связи же этих предметов, складывающиеся в процессе их непосредственного взаимодействия друг с другом, выступают как внешние связи. Благодаря этим внешним и внутренним связям предметы обладают внешней и внутренней сторонами. Внешней стороной предмета будет здесь та, которой он вступает в непосредственные отношения с окружающей действительностью, внутренняя — та, которая несет в себе связи, обуславливающие органическую целостность составных элементов предмета, его существование как известной качественной определенности. Рассматриваемый со своей внешней стороны, предмет выступает как многообразие свойств, рассматриваемый с внутренней стороны, этот предмет выступает как органическое един-

ство многообразия элементов, как качественная определенность, обнаруживающая свои особенности во внешних отношениях

Но если подходить к предметам действительности со стороны их изменчивости, со стороны их интенсивного развития во времени, как этого требует диалектический материализм,— содержание понятий внешнего и внутреннего существенно изменяется. К внешним связям интенсивно развивающегося предмета относятся те, благодаря которым он существует как известная качественная определенность, взятая на данной ступени ее развития. К внутренним связям этого предмета относятся те, благодаря которым объединяются в органическое целое многообразные ступени интенсивного развития предметы, проходимые им на протяжении меры его существования как данной качественной определенности во времени. Благодаря своим внешним и внутренним связям интенсивно развивающийся предмет обладает как внешней, так и внутренней сторонами. Внешняя его сторона — это тот же самый предмет, когда он рассматривается как качественно определенное устойчивое единство многообразия, взятое на фиксированной ступени его развития в известный, отдельный момент времени. Внутренняя сторона — это противостоящие его фиксированной устойчивой ступени непрерывные внутренние связи других ступеней интенсивного развития данного предмета, объединенные в рамках меры его существования как данного качества во времени, начиная от возникновения и кончая исчезновением, переходом этого предмета в другую качественную определенность.

При таком подходе к пониманию внешнего и внутреннего видно, что «внутреннее», характерное для отдельной фиксированной устойчивой ступени предмета, включено как момент во «внутреннее», характерное для предмета, когда он рассматривается со стороны связи всех ступеней его непрерывного интенсивного развития и изменения. Оно превращается здесь из внутреннего состояния устойчивости во внешнее состояние интенсивной изменчивости. Благодаря этому при диалектическом подходе к понятиям внешнего и внутреннего «внутреннее», характерное для состояния устойчивости, «сни-

мается» «внутренним», характерным для интенсивной изменчивости предмета

Диалектико-материалистическое понимание внешнего и внутреннего позволяет уточнить содержание категорий сущности и явления, провести коренное отличие их понимания в домарксистском и марксистском материализме, дать правильное истолкование тому двоякому значению категории явления, а следовательно, и сущности, которое встречается в марксистской литературе.

Исходя из предложенного понимания внешнего и внутреннего, можно заключить, что двоякое значение категорий сущности и явления, которое встречается в марксистской литературе, отнюдь не является случайным, а выступает как закономерный результат их диалектико-материалистического понимания. Когда речь идет об исследовании объективно существующего момента устойчивости предметов действительности, который особенно заметен в телах неорганической природы и в предметах, интенсивное развитие которых занимает сравнительно небольшие промежутки времени, — при посредстве категории «явление» отражается доступная чувственному восприятию поверхностная сторона в пространственно-геометрическом значении этого слова, внешние связи предметов, обнаруживающиеся в их взаимоотношениях друг с другом. Когда же речь идет об исследовании предметов, взятых со стороны их интенсивной изменчивости, как это имеет место при изучении быстро развивающихся объектов общественной жизни, биологических объектов и других процессов, изменяющихся за сравнительно короткие промежутки времени, — категория явления употребляется для противопоставления одной относительно устойчивой ступени развития предмета познания другим его относительно устойчивым ступеням, возникшим в рамках меры развития данного предмета во времени, как известного качества с тем, чтобы сознание могло охватить внутреннюю закономерность эволюции этого предмета. В таком случае категория явления употребляется для выделения предмета в каком-то одном его относительно устойчивом состоянии, на одном из многих относительно устойчивых этапов развития. Здесь под явлением понимается способ связей, приводящих к качественно определенному единству многообразные устойчивые элементы и состав-

ные части предмета, и связи, обуславливающие обнаружение качества этого предмета в отношениях с другими предметами.

Подобно категории явления, двойной смысл имеет и категория сущности. Когда речь идет об исследовании предмета познания, взятого на какой-то ступени его относительной устойчивости, сущность противостоит явлению как способ внутренней связи разнообразных элементов предмета, обуславливающий их органическую целостность и делающий предмет известной качественной определенностью.

В случаях, когда предмет рассматривается со стороны его непрерывного интенсивного изменения и развития, сущность выступает как совокупность тех внутренних связей, которые обуславливают не только качественную природу предмета, но и объединяют в одно целое все ступени интенсивного развития этого предмета во времени: его предшествующие ступени с действительной и действительную — с возможными. Здесь сущность выступает как совокупность противоречивых внутренних связей, которые составляют генетическую основу данного предмета как качественной определенности и движущий источник его перехода от одного состояния к другому, от одной ступени развития к другой в рамках меры существования данного качества во времени.

4. При диалектическом подходе к пониманию сущности интенсивно развивающегося предмета познания оказывается, что эта сущность объективно раскрывается не сразу, а разворачивается (т. е. становится действительной) по мере интенсивного поступательного развития предмета, начиная от его возникновения и кончая гибелью. При этом оказывается, что в процессе объективного развертывания явлений сущности интенсивно развивающегося предмета имеются две важные стороны. Первая сторона — это процесс раскрытия явлений сущности, протекающий благодаря взаимодействию с окружающей средой отдельной ступени развития предмета, которая существует в непосредственной действительности.

Вторая — это процесс исторического развертывания явлений сущности предмета, протекающий благодаря его переходу из одного устойчивого состояния в другое, от

одной устойчивой ступени к другой на протяжении меры его существования во времени как данного качества.

Исследование объективной диалектики сущности и явления, проведенное исходя из учета этих двух абстрактно выделенных сторон взаимодействия предмета в пространстве (с окружающими условиями) и во времени (его прошлого с настоящим и настоящего с будущим), позволяет установить, что такие категории материалистической диалектики, как основание и следствие, форма и содержание, возможность, случайность, необходимость и действительность, представляют собой отдельные стороны обнаружения сущности развивающегося объекта, моменты развертывания ее противоречий, что только связанная и диалектически противоречивая система указанных категорий позволяет охватить сущность во всей ее полноте и показать ее противоречивую природу. Взятая со стороны связи своей предшествующей ступени с действительной, сущность выступает как единство противоположностей основания и следствия; со стороны своего действительного устойчивого существования она выступает как единство противоположностей формы и содержания, со стороны связи своей возможности с действительностью она выступает как единство противоположностей случайности и необходимости, диалектика которых представляет собой выражение объективной закономерности перехода от возможности к действительности

5 Объективная диалектика развертывания сущности явлений действительности позволяет сделать вывод, что познание, начинающееся с анализа чувственно воспринимаемой видимости предметов, которая непосредственно с сущностью не совпадает, имеет своей конечной целью дать истолкование указанной видимости, исходя из познанной сущности. Поэтому важнейшая задача познания состоит в том, чтобы исходя из чувственно воспринимаемого конкретного целого, данного в созерцании и представлении, раскрыть сущность наблюдаемых явлений и произвести ее выделение при посредстве восхождения к простейшим абстрактным определениям, отражающим элементарнейшую форму бытия сущности предмета в самом начале его возникновения как данной качественной определенности. Такое вычленение достигается преимущественно аналитическим способом. После этого важнейшей задачей познания есть истолкование видимости

или чувственно воспринимаемого конкретного целого, проводимое на основе знания его сущности, как наиболее абстрактного и потому бедного определения предмета. Оно проводится путем восхождения от абстрактного к логически-конкретному, осуществляющемуся преимущественно синтетическим методом познания и дающему логическое выражение чувственно воспринимаемого целого в аспекте его внутренней закономерности развития.

6 Диалектико-материалистическое понимание сущности и явления имеет огромное практическое значение. Если сущность предмета, его определяющая внутренняя основа, которая проявляется в непосредственной действительности лишь в виде отдельного своего момента, будучи к тому же видоизмененной побочными обстоятельствами и влияниями, может быть познанной во всей своей полноте только тогда, когда предмет рассматривается в его диалектическом развитии и изменении, то, следовательно, познание фактически не может ограничиваться анализом одного только относительно устойчивого состояния предмета, так как в этом случае оно не сможет раскрыть всей полноты содержания его сущности.

Из диалектико-материалистического понимания вопроса о сущности вытекает, что для познания сущности явлений нужно не ограничиваться анализом относительно устойчивого состояния предмета, а выходить за его пределы и рассматривать предмет в его изменении и развитии.

Ярким примером диалектико-материалистического подхода к раскрытию сущности современного мирового развития является новая Программа КПСС, принятая на XXII съезде партии.

На основе анализа внутренних связей таких явлений общественной жизни, как стремительный рост могущества и международного влияния социалистического лагеря, распад колониальной системы империализма под ударами национально-освободительного движения, нарастание классовых битв в капиталистическом мире, новые крупнейшие изменения в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма, в Программе устанавливается, что основным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, что это эпоха «борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных револю-

ций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе»²⁷⁸.

Раскрытие содержания современной эпохи как перехода от капитализма к социализму, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией, имеет не только теоретический интерес. Оно служит фундаментом для выработки научно обоснованной стратегии и тактики революционных партий рабочего класса, отвечающих практическим требованиям, выдвинутым новыми условиями жизни.

В период развернутого строительства коммунизма в нашей стране, осуществляемого по Программе, принятой XXII съездом КПСС, когда небывало возрастает роль сознательных, активных действий миллионов людей, руководимых Коммунистической партией, когда раскрывается широкий простор для проявления сознательной творческой инициативы строителей коммунизма, овладение диалектико-материалистическим учением о сущности и явлении имеет огромное значение, ибо это учение вооружает практику уверенностью в возможности познания действительности, показывает пути теоретического осмысливания актуальных явлений жизни, дает силу ориентировки, умение предвидеть события и управлять ими.

²⁷⁸ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I Развитие взглядов на сущность и явление до возникновения марксистской философии	7
Понимание сущности и явления в античной философии	12
Взгляды на сущность и явление в «номинализме» и «реализме»	32
Истолкование сущности и явления в философии нового времени	39
Глава II Марксистская философия о содержании категорий сущности и явления	78
О двояком значении понятия «явление»	83
О внешних и внутренних связях предметов, взятых со стороны их устойчивости	95
О внешних и внутренних связях предметов, взятых со стороны их изменчивости	110
Категории сущности и явления как отражение единства устойчивых и изменчивых внешних и внутренних связей предметов познания	134
Глава III Диалектика сущности и явления	141
Об объективной диалектике сущности и явления	142
О субъективной диалектике сущности и явления	172
Заключение	220

ОПЕЧАТКИ

Стр	Строка	Напечатано	Следует читать
7	5 снизу	всех предметов	всех других предметов
18	7 снизу	Симплицкий	Симплиций
116	9—10 сверху	какую-либо одну из них	какая-либо одна из них
169	13 сверху	с которой	которой
Зак 387			